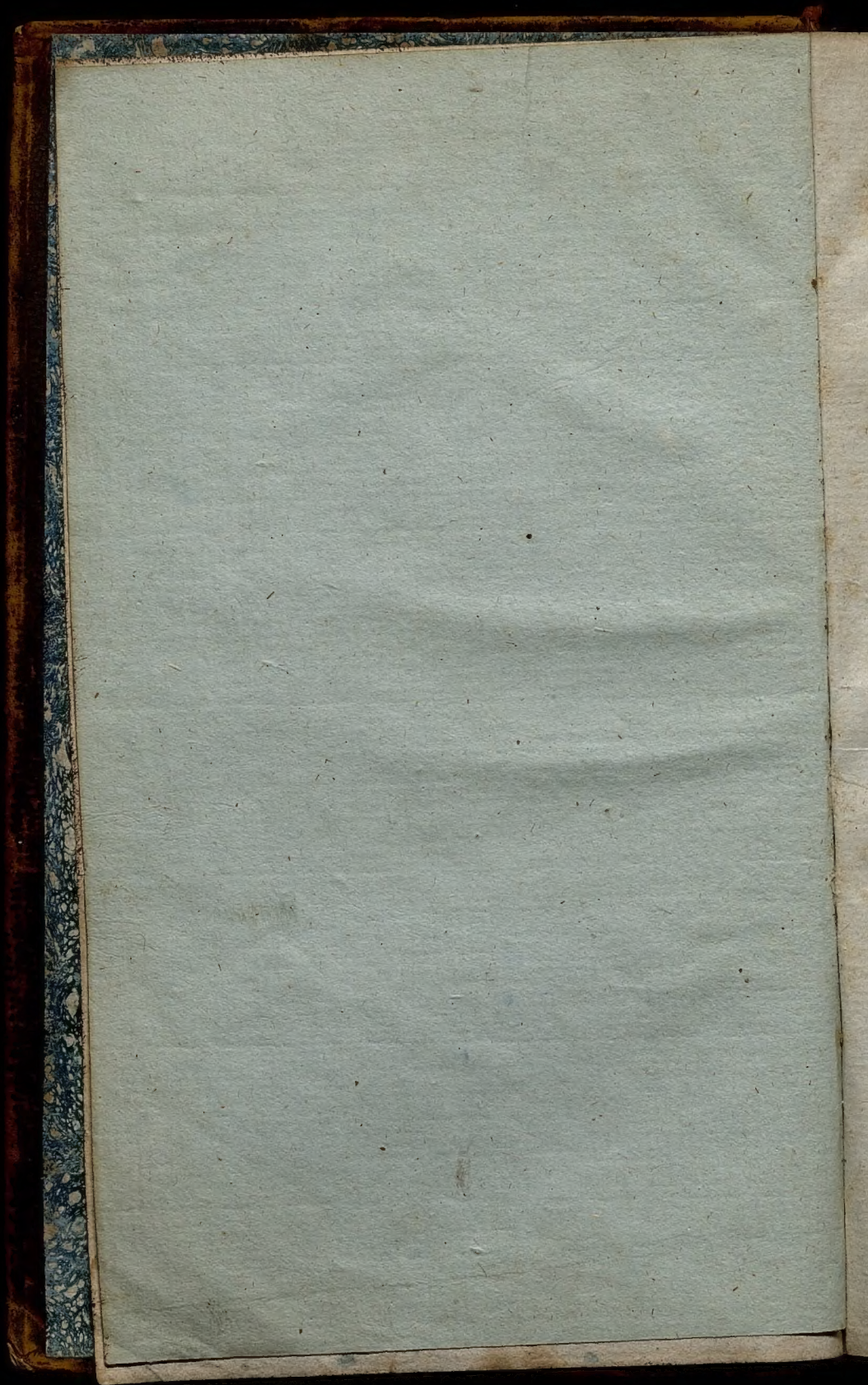
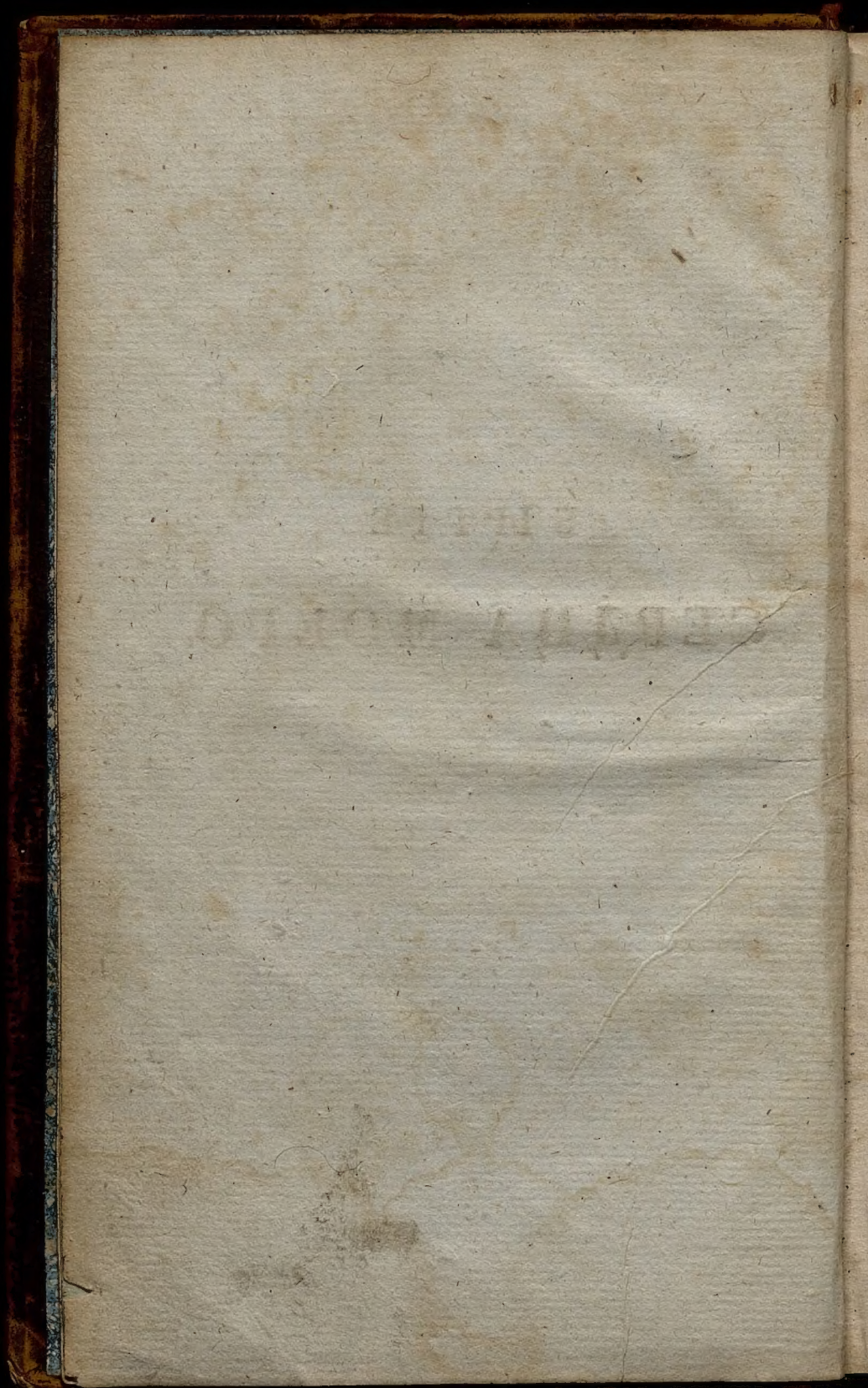

8 v 1374 September

БЫТІЕ

СЕРДЦА МОЕГО.

*Натура жизнь дала,
а страсти воспитали.*

СТИХОТВОРЕНІЯ

Князя Івана Михайловича

ДО ИГОРЬКА ИО.

Часть первая.

Москва.

У книгопродавца Ширяева.

1817. — 111 стр.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LIBRARY
1528

БЫТІЕ
СЕРДЦА МОЕГО,

ИЛИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

КНЯЗЯ

ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА

ДОЛГОРУКАГО.

Угодень — пусть меня чипають,
Противень — пусть въ огонь бросають;
Трубы похвальной не ишу.

~~~~~  
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.  
~~~~~

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ ПРЕДМЕТЫ ВЫСОКІЕ,
ПРАВСТВЕННЫЕ, ИЛИ ПЕЧАЛЬНЫЕ.

~~~~~
МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1817.

Печатамъ позволяется съ шѣмъ, чѣобы по отпеча-
таніи, до выпуска въ продажу, представлены
были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ
сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для
Департамента Министерства просвѣщенія, два эк-
земпляра для Императорской Публичной Библіотеки
и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. СПБ.
Апрѣля 3 дня 1817 года. Статскій Совѣтникъ и
Кавалеръ Иванъ Тимковской.

ИЗДАНИЕ книгопродавца А. С. ШИРЯЕВА.

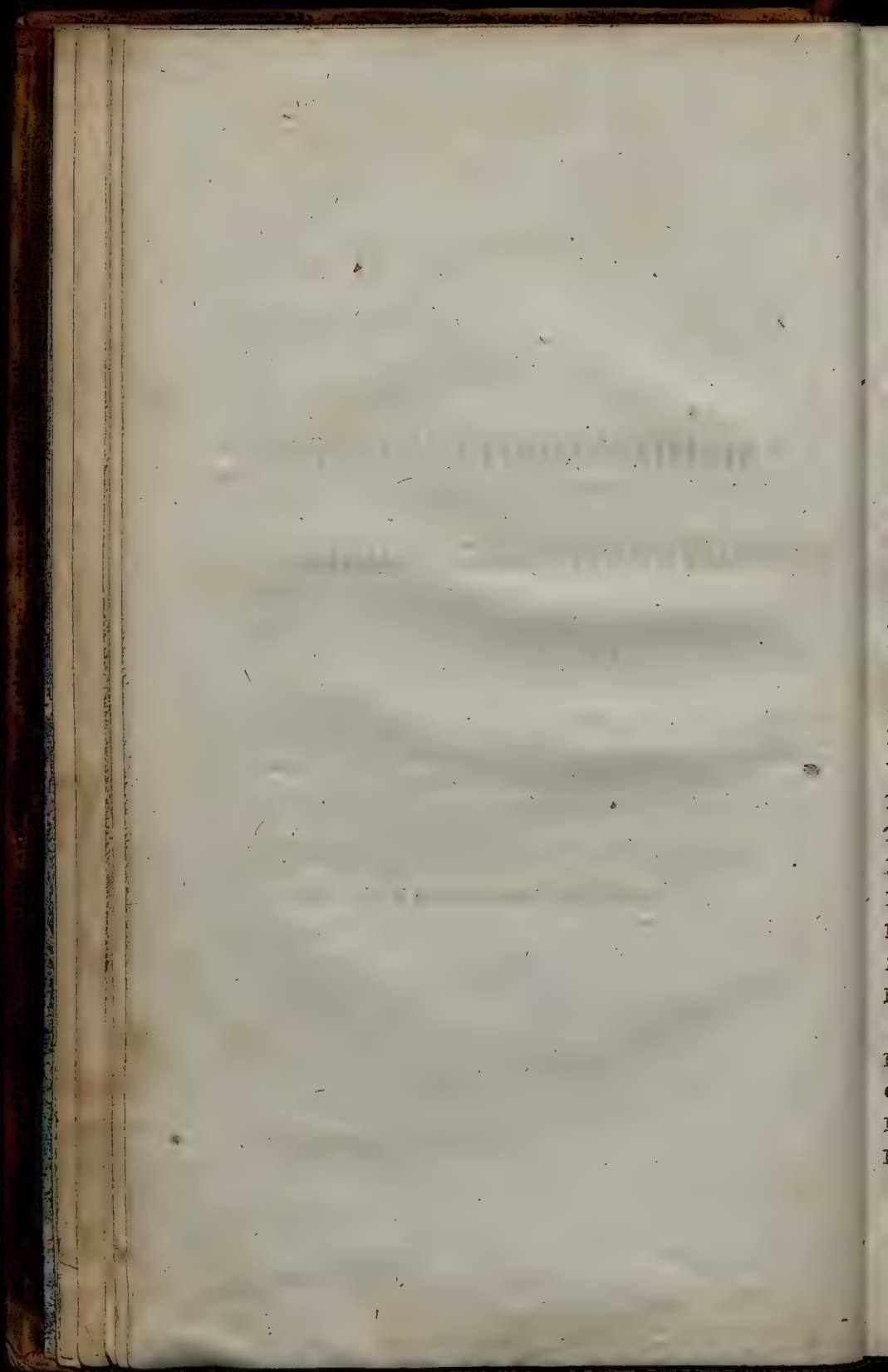

ИМПЕРАТОРСКОМУ
МОСКОВСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ

съ глубочайшимъ почтеніемъ
посвящаетъ книгу сію

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Бывали часто большія происшествія отъ мѣлкихъ причинъ. Одинъ иностран- ный писатель занимался собраніемъ мно- гихъ событій, свидѣтельствующихъ сію истину; и выдалъ книгу, которую всякой читывалъ въ ребяческѣ. — Мы, живущіе въ настоящее время, отвергнемъ ли про- тивоположность сего замѣчанія, и не при- знаемся ли, что часто отъ большихъ при- чинъ родятся мѣлкія произшествія? — На пр.: „Не сгори Москва, не растерзай Французъ всѣхъ библіотекъ въ Столицѣ“ я бы не печаталъ снова моихъ произведе- ній. По качеству; довольно бы для нихъ чести таскаться по свѣту и въ томъ не- щеголеваномъ видѣ, въ какомъ предста- вляется второе ихъ изданіе (чего для меня больше?); но и того почти вовсе нѣтъ. Для Публики это не накладъ; но пріятели мои иначе объ этомъ судятъ, и я приношу имъ здѣсь новую жертву моего послушанія и пріязни.

Первое изданіе моихъ стиховъ, вышедшее въ 1802 году и второе въ 1808 мѣ, были по- священы женскому полу. Тогда спроси молодыхъ лѣтъ хотя уже не такъ пылко горѣли въ сердцѣ моемъ, однако еще не

VIII

гасли, и я увлекался живостью моего воображенія далеко можетъ быть за предѣлы дозволеннаго. Принеся два раза женщинамъ дань приспираспїя моего къ нимъ и плодъ восхищеній, я недавно простился съ ними на бумагѣ, и посвящая имъ же переводъ Филибера, изъяснилъ въ предисловіи полную мою признательность сей очаровательной половинѣ человѣческаго рода, которой я обязанъ былъ споль многими щасливыми воспоминаніями въ жизни моей. Полно занимать ихъ собою! полно заниматьса самому ими! Пора вспомнить, что я впо-
рю половину спольшїя проживаю, — и
остаться при одномъ къ нимъ уваженіи.

Приспупая нынѣ къ прешьему и вѣро-
япно къ послѣднему изданію моихъ спихо-
твореній и собравши въ немъ все, — что я
написалъ въ печеніи разныхъ возрастовъ
жизни, я хочу сдѣлать книгу мою памят-
никомъ благодарности, сего превосходнѣй-
шаго чувствованія изъ всѣхъ тѣхъ, коими
Природа снабдила человѣческое сердце; и
предъ кѣмъ излію я его нынѣ споль обиль-
но, какъ не предъ Московскимъ Универси-
тешомъ, которому я споль много и спольно
крапно въ жизни моей былъ обязанъ?
Ему дерзаю посвящать труды мои! ему
приношу сей вѣренный мнѣ отъ него па-
лантъ! — Онъ бѣденъ былъ отъ природы

воздѣланъ мною худо; но по крайней мѣрѣ я его не закопалъ, какъ рабъ лѣнивый, и сіе одно да будетъ его цѣною предъ симъ Святилищемъ Наукъ!

Въ семъ намѣреніи я руководствуюсь уже не шѣми воспоргами, кои съ языка срывали и сливали съ пера льстивыя привѣщія обворожительныхъ спрасей; одна умилительная и глубокая признательность правилъ настоящимъ моимъ поступкомъ, и заблужденію нѣтъ никакого мѣста.

Назвавъ книгу мою *Бытіе моего сердца*, я привожу себѣ на память все бытіе мое моральное, и вездѣ нахожу непрерывающуюся нить благодѣяній ко мнѣ отъ Университета.

Подъ сѣнію его я озарился первыми лучами умственного свѣта. Въ немъ провелъ юность и выпущенъ на поприще жизни гражданской. Въ немъ обучался шуне. — Тамъ благопшворная душа *Щвалова*, назидательныя попеченія *Мелиссино*, плодовитый Геній *Хераскова* образовали умъ и сердце Россіянь! Память ихъ покровительсва и благоволенія ко мнѣ сидеть со мною во гробѣ! — Тамъ искусные воздѣлатели словеснаго верпограда: *Барсовъ*, *Рейхель*, *Ростъ* съ шерпѣніемъ и кропотливо изучали меня познаніямъ пріятнымъ и сшоль необходимымъ для жизни счастлив-

вой, для достиженія въ міръ семь цѣли
 спокойнаго существованія, для истиннаго
 благородства нашего одушевленія. — Тамъ
 прилѣжный наставникъ мой опъ самаго
 дѣйства и опытный руководитель Чебо-
 таревъ пролагалъ мнѣ пути къ возвышен-
 ной нравственности и подобіемъ собствен-
 наго сердца своего убѣждалъ вѣрить, что
 нѣтъ безъ скромности и добродѣтели бла-
 гихъ дней въ подлунномъ мірѣ. — Забуду
 ли шѣхъ прославившихся въ Опечествѣ на-
 шемъ людей: *Страхова, Курица, Полит-*
ковскаго, Настрова, коихъ осмѣливаюсь
 называть своими сотоварищами по тому
 только отличному преимуществу, что я
 удостоенъ былъ чести внимать вмѣстѣ съ
 ними превосходнымъ лекціямъ нашихъ по-
 учителей, сидѣть рядомъ съ ними на од-
 ной и той же лавкѣ, и изъ коихъ каждой,
 съ нисхожденіемъ обращая на меня взоры
 свои, преподавалъ мнѣ ту мѣру пониманія,
 какая необходима была, дабы сколько ни-
 будь сблизить страшное разстояніе между
 ихъ дарованіями и моими слабыми успѣ-
 хами? — Забуду ли самыя свѣтлыя погдаш-
 няго храма Музъ, въ коихъ испытывалъ
 я каждодневно столь великія щедроты
 Небесъ? — Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ и развали-
 ны ихъ любезнѣе всего дивнаго въ зодче-
 ствѣ нашего вѣка!!

Университетъ не удовлетворился обученіемъ меня въ юности. Я вышелъ изъ школъ, но не удаленъ былъ отъ благоволенія его, и вмѣстѣ со вступленіемъ моимъ въ свѣтъ наименовался *Авскультантомъ* вольнаго Россійскаго Общества. — Тутъ я, уединяясь отъ шумнаго свѣта, посреди сановитыхъ мужей учился думать и разсуждать; тутъ я вкоренялъ въ себѣ тѣ пріятныя впечатлѣнія, кои обращали меня съ любовію къ сему благотворному заведенію и кои, столь многія проливъ отрады на всю жизнь мою, присвоили меня Университету до самой старости.

Служба и обшительства, казалось, разорвали союзъ мой съ Университетомъ въ продолженіи возмужалости моей; но Университетъ не забылъ своего питомца, и я напослѣдокъ призванъ былъ къ опличію носить званіе Почетнаго его Члена. — Дипломъ его пребудетъ неоцѣненнымъ для меня пріобрѣтеніемъ!

Кто изъ смертныхъ, влаясь на житейскомъ морѣ, не сражался съ волнами его, когда оно воздвигалось напастей бурею? Провидѣніе и мнѣ гошовило свои злословія. — И тогда, когда я могъ, подражая огорченному чувству Порфириноснаго Пѣснопѣвца, съ воплемъ изрѣщи: „Ближніе мои далече мене сташа“ и тогда: кто

протянулъ мнѣ дружескую руку? кто приступилъ жало злобы? кто смягчилъ язву собственнаго опчаянія? Паки, и паки Университетъ! Хладнокровно взирая на коловращность отношеній мірскихъ, онъ удостоилъ меня новой чести, шолко уважительнѣйшей, колико паче униженъ я былъ въ своей собратіи, — и нарекъ меня Почетнымъ Членомъ учрежденнаго въ немъ Общества Любителей Россійской Словесности. Новая заря для меня возсіяла! новое солнце изъ бурь на меня проглянуло! Скромность одна налагаетъ на усна мои печать — и я, воздавъ хвалу умершимъ, не смѣю разпространить ее на живыхъ, дабы злая догадка досадишелей моихъ не опнесла искренняго чувства къ одной лести, недостойной моего пера.

Такъ поступалъ со мною Университетъ во всѣ эпохи жизни моей, всегда равно и въ счастіи и въ несчастіи, въ ведро и въ шуманъ, въ торжествѣ и въ униженіи: — и я ли забуду сію злую колыбель моего моральнаго младенчества!

Я знаю болѣе, нежели какой бы то ни было кришкѣ остроумный, или насмѣшливый, или ядовитый, написать можетъ, что мои сочиненія очень недостаточны и что вообще вся книга не стоить особеннаго вниманія. Соглашаюсь со всѣми рецен-

ХІІІ

женшами прошедшими, нынѣшними и будущими — знаю, что еслибъ по примѣру многихъ я принялся обрабатывать мои произведенія и убрать ихъ почище, можетъ быть изъ толстой одной книги пу-
стяковъ я бы вырѣзалъ нѣсколько страницъ посредственнаго, и болѣе бы угодилъ разборчивымъ читателямъ; но смѣю привести къ извиненію себя въ томъ, что я дѣйствовалъ иначе, на зло принятымъ правиламъ по одному собственному своему произволу, слѣдующее простое мое разсужденіе. Оно можетъ показаться ошибочно, я въ этомъ спорить не стану, но мое; ибо я люблю быть всегда Я, не заимствуя чужихъ нарядовъ.

Еслибъ я издавалъ книгу классическую, еслибъ хотѣлъ свои сочиненія сдѣлать образцовыми для другихъ, какъ на прим. въ стихахъ Ломоносовъ, Державинъ, Мерзляковъ, а въ прозѣ Карамзинъ, тогда бы я привлекъ на себя самую правильную критику; ибо кто учить другихъ, томъ долженъ показаться, что онъ самъ основательно выучился. Но я не одинъ уже разъ увѣрялъ Публику и непрестанно твердишь ей стану по же: что я писалъ не для образованія системы новаго вкуса; а собственно для удовольствія своего и тѣхъ, кому перо мое нравится. Я никого не на-

зидаю, никому не даю уроковъ, не пишу прозелитовъ. Читаю и пишу были всегда мои двѣ стихіи, и ими я живу морально, такъ какъ и всѣ люди живутъ воздухомъ по естеству. А что пишу и читаю, и какъ, въ этомъ я слѣдовалъ собственнымъ моимъ побужденіямъ. Пусть винаю мой слогъ!! — Эпиграфъ заглавной въ книгѣ доказываетъ, что я этимъ не огорчаюсь; лишь бы не порицали моихъ чувствъ, моихъ правилъ, моей нравственности.

Вотъ основа въ моихъ сочиненіяхъ, которую я старался сдѣлать неприкосновенною, прочною, — и смѣю льстить себя надеждой, что укоризны меня не достанутъ. Что же лежишь до узоровъ, я ихъ охотно отдаю на жертву кому угодно. По мнѣнію моему, въ такомъ случаѣ лучшее дѣло не покупать и не читать книги, которая нехороша, которая непохожа ни на чью, которая не соображена ни съ Римскими, ни съ Греческими древними красками и проч. и проч. Вотъ и всё. — А сердись за что? А бранишься, называя ругательства кришикою, позвольте опроверженно молвить, и того хуже. Упрямаго Автора не исправишь, а себя лишь надорвешь. — Публикѣ барыша мало — самому себѣ живой накладъ.

Смотря на всѣ книги и на свою съ-
зшой точки зрѣнія, я очень мало попра-
влялъ мои стихоповоренія — и въ 3мъ из-
даніи также много стараго вздора оста-
вилъ, какъ и въ прежнихъ двухъ, да еще
и много новаго прибавилъ; пошому что я
въ стихахъ моихъ хотѣлъ сохранить всѣ
ощущенія чувствъ своихъ, видѣвъ въ нихъ
какъ на каршинѣ всю исторію моего сердца,
его волненія, перемѣну въ образѣ мыслей,
ходъ ихъ въ разныхъ возрастахъ жизни и
постепенное развитіе малыхъ моихъ спо-
собностей. — Я ни одной бездѣлки, ни
одного стиха не вымаралъ пошому, что
всякой напоминаетъ мнѣ какое-либо или
произшествіе, или мысль, или чувство,
которое на меня дѣйствовало тогда и
тогда; словомъ, мнѣ пріятно себя нахо-
дить ребенкомъ, мальчикомъ, мужемъ со-
вершеннымъ и наконецъ старикомъ, — и
видѣть, какою нипкою разсудокъ мой отъ
15 лѣтъ и до 50 прокладывалъ себѣ
пути къ щасью въ томъ глубокомъ ла-
биринтѣ, что анатомисты называли *серд-
цемъ*. Вотъ ключъ той оригинальности,
которую моимъ сочиненіямъ изволятъ мно-
гіе приписывать.

Конечно предосудительно для великаго
творца Эпопеи или Трагедіи спать выше
общаго мнѣнія и попрасть деспотически всѣ

правила принятаго вкуса; но не ужь ли и Феклу пѣшь надобно такимъ же размѣромъ, какимъ пѣвали трубадуры своихъ красавицъ? Отъ эшой неволи Боже насъ избави!

И такъ, принеся нынѣ, какъ бѣдной пѣвецъ, убогія мои пѣсни на олтарь Аполлона, я почту себя чрезмѣрно награжденнымъ, если мудрые служители его благосклонною улыбкою продолжатъ во мнѣ по блаженное вдохновеніе Природы, копорымъ красится всякая судьба, щасливится всякое уединеніе! — Такъ! Поэзія есть забава молодости, краса средняго возраста, жизни и единственная опрада въ старости; и я, испытавъ сію истину особенно въ послѣднемъ ея видѣ, готовъ признательно сказать, склонясь къ западу дней моихъ:

„Топъ вѣкъ злагой провелъ, кто лирою своей,
„Не славой возгремѣлъ, былъ нуженъ для друзей.

и
е-
ть
ть

й
л-
н-
о-
то
ть
я-
а-
а,
о-
но
а-
ей

й.

Б О Г У.

Часть I.

Б

Mon coeur peut s'égarer, mais il est plein de toi.

Г И М Н Ъ

ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ.

Боже мой! кому иному
Я хвалы въ сей день воздамъ?
Лишь Тебѣ, Творцу благому,
Воскурю днесъ еиміамъ.
Въ горній храмъ къ Тебѣ да внидетъ,
Славы жершвенникъ обыдетъ,
И Ты мудрости щипомъ,
Какъ спасалъ меня до нынѣ,
Такъ и въ новой сей годинѣ
Сохрани отъ золь мой домъ!

Ты мнѣ жизни даръ пославши,
Мой животъ наполнилъ благъ;
Къ Христіанству мя призвавши,
Утвердилъ въ немъ первой шагъ.
Ты мою наставилъ юность,
Вольнодумцевъ наглу буйность
Отъ разсудка отвратилъ,
И житейскихъ бѣдъ въ награду
Брака далъ познать оспраду
И дѣшми благословилъ.

Ты спрастей превогамъ люшымъ
 Не далъ смерпно поражащъ;
 Мыслямъ, гордостью надушымъ,
 Запретилъ мой духъ смущащъ.
 Въ день, когда на брань спремился,
 Щипомъ вѣры ополчился,
 Ты со мною былъ тогда;
 При дверяхъ чертоговъ Царскихъ
 И среди прапезъ боярскихъ
 Обрѣшалъ меня всегда.

*

Когда мерзкія внушенія
 Врагъ мой сѣялъ на меня
 И подъ игомъ люша мщенія
 Сокрущенъ ужъ падалъ я;
 Когда други не познали
 И родные одалъ спали:
 Ты одинъ меня спасалъ;
 Человѣка немощъ зная,
 Грѣхи юности прощая,
 Сѣшь коварства разорвалъ.

*

Ты свои святы законы
 Мнѣ на сердцѣ ввѣщалъ въ,
 Противъ шѣхъ, кпо любилъ споны,
 Воспалилъ мой люшый гнѣвъ.
 И когда я подвизался,
 Сильныхъ рогъ сломишь спарался,
 Ища истины одной,
 Люди мнѣ грозили бѣдствомъ;
 Но Ты совѣсти посредствомъ
 Рекъ: — дерзай! се Азъ съ тобой.

*

Не мечтая быть несчастнымъ
 По сравненію съ Царемъ,
 Чпу предъ шѣмъ свой рокъ прекраснымъ,
 Кшо меня бѣдѣй во всемъ.
 Боже! дай, чшобы въ смиреньи
 Я мечталъ себя въ сравненьи
 Не съ носящими виссонъ,
 Но шуда спремилъ бы очи,
 Гдѣ съ полденъ и до полночи
 Голодъ, скорбь, недугъ и стонъ!

*

Сколько въ свѣтѣ шѣхъ несчастныхъ,
 Для которыхъ все бѣда;
 Въ недостаткахъ повсечасныхъ
 Нѣтъ имъ къ радости слѣда.
 А мнѣ Богъ, даруя пищу,
 Далъ еще, чшо дать и нищу,
 И всего на нужду есть.
 Между добрыми сердцами
 Еще я могу друзьями
 Безъ ошибки двухъ, прехъ счестъ.

*

Боже мой! комужъ иному
 Мнѣ хвалу въ сей день воздашь?
 Не вѣмъ Богу я чужому
 Колѣнъ, сердца преклоняшь.
 Ты, всевѣдущее око!
 Справъ отъ золь меня далеко;
 Ты бо вѣси, сколь я слабъ.
 Усмири колъ вознесуся,
 И да съ правды не спощкнуся,
 Помня вѣкъ, чшо я Твой рабъ.

А К Р О С Т И Х Ъ.

Буди имя Господне благословенно отныне и
до вѣка.

Блаженъ, кто Божества щедроты ощущаетъ,
Умъ дерзкой обуздавъ, на Бога уповаетъ,
Душою члпшъ Его, всей мыслию любя,
И съ жребіемъ своимъ вручилъ Ему себя!

Изъ тьмы создавый свѣтъ вселенной всей
Зиждишель,
Морей и суши Царь! будь дней моихъ
хранишель!

Я истины прямой стези всегда ищу;
Гнушаясь всякой лжи, правдивымъ бытъ хочу.
О! сколь погрѣшно я законъ Твой разумю,
Суесть мірскихъ оплошъ распоргнушь не умю;
Пріятности любви вкушая льстивой ядъ,
Обманушь всякой день я чаяньемъ опрадъ;
Дражайшею мечшой пльняясь ежечасно,
Неволею влекомъ шуда, гдѣ сердце спрашно;
Единспвенно ему спремся угождашь,

Блаженствомъ чпу въ любви всечасно
воздыхашъ,
Ловя какъ будто пѣнь минувшы безполезны.
Ахъ! слабъ я предъ Тобой однимъ—лишь поки
слезны;

Господство чувствамъ давъ и умъ разсѣявъ весь,
О чемъ, о чемъ пекусь я, пресмыкаясь здѣсь?

Судьбу, а не себя, напрасно укоряю,
 Лунавства весь сосудъ до суха испиваю;
 Отъ щасія далѣкъ, хопя бѣгу за нимъ:
 Все спрахъ въ душѣ моей — все пѣма гла-
 замъ моимъ.

Ей, шако я живу, жишъ иначе не зная;
 На благоспи Твои, Всесильный, уповая,
 Незыблему на нихъ надежду воспріавъ,
 О Боже! отъ Тебя жду новой умъ и нравъ.

Ошпоргни, разорви несовершенства узы!
 Ты можешь, Боже все: въ Твоей рукѣ союзы,
 Непоспижимо перспъ связавшіе съ душой
 И сущіе въ борьбѣ всегда между собой.
 Не зрѣшь въ Тебѣ Опца, но судію лишь

спрога,
 Есть мука всѣхъ люшѣй; — коль сладко ви-
 дѣшь Бога

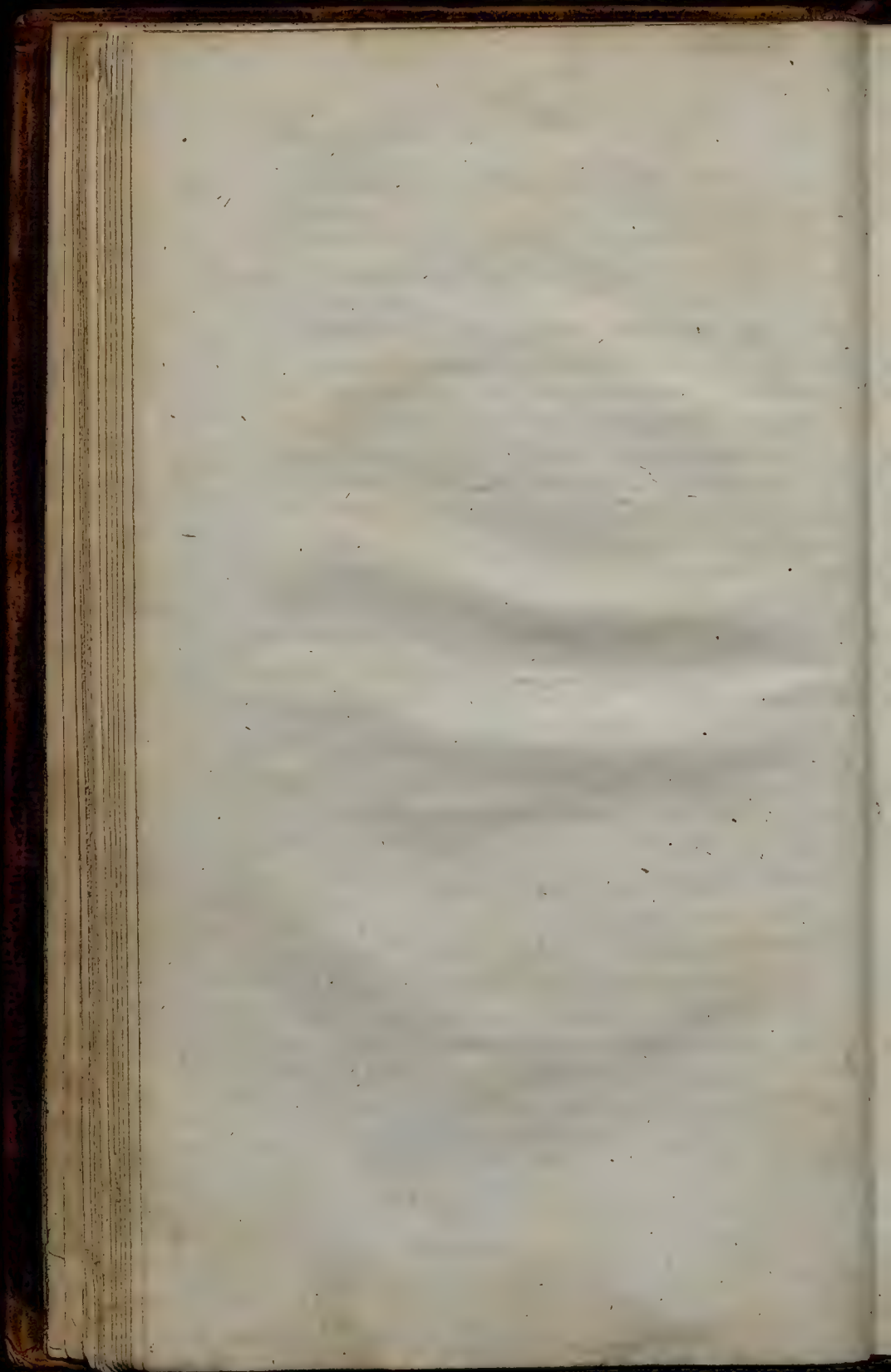
Источникомъ всѣхъ благъ, началомъ рай-
 скихъ дней,

Душевные шоски опрадой чпишъ своей.
 О Боже! всяка шварь пещинка предъ Тобою!
 Владѣя пѣмой міровъ, владѣешь Ты судьбою.
 Естесственныхъ спрастей предѣлы сохраняя,
 Но мнѣ всецѣдый взоръ и слухъ свой пре-
 клоня,

Адъ сердца ушолъ — и успокой меня!

РАЗМЫШЛЕНІЕ

О СМЕРТИ.

Rendons graces à la nature
Et remettons lui sans murmure
Ce que nous en avons reçu.

Напрасно, мню я, человеки
Боялся смершнаго часа
Напрасно льютъ они слезъ рѣки,
Когда ихъ времени коса
Накв листъ осенній бреешь съ поля,
На что Всевышняго естъ воля;
Что въ чинъ природы введено,
То вредно бытъ для насъ не можетъ:
И такъ вопще всѣхъ насъ превожитъ,
Что намъ кончаться суждено.

*

Представимъ мы, что между нами
Еще живутъ Адамъ и Ной,
Царей украшенныхъ вѣнцами
Вообразимъ огромной спрой,
Всѣхъ спранъ вождей побѣдоносныхъ,
Тирановъ сильныхъ и несносныхъ,
И сей одушевленный гадъ,
Которой чернью называютъ
И тысячами вдругъ считаютъ
Въ ревизскихъ сказкахъ на угадъ.

*

Увы! кудабъ тогда дѣваться
Такому множеству людей?
Вселеннабъ спала колебаться
Отъ массы движущихся въ ней.

Тогда не Царства межъ собою,
 Одна чеша съ другой чешою,
 За пай земли сразясь до слезъ,
 Кровей исполнили вселенну,
 Воспламенили въ ней геенну,
 Запмили дымомъ сводъ небесъ.

*

Наслѣдства всѣбѣ исчезли права,
 И каждой спалъ насильствомъ жить;
 Одна естественна управа
 Законы вздумалабъ черпиль,
 Для жилъ пространства бы не спало,
 Для пищи злака было мало
 И для питья воды въ моряхъ;
 Съ людьми звѣрь хищный бы сразился,
 На общихъ пажитяхъ кормился,
 Дѣлилъ овраги съ нимъ въ лѣсахъ.

*

Но смерть всему предѣлы спавитъ:
 Враждамъ опредѣляеъ срокъ,
 Среди злодѣйствъ злодѣя давитъ,
 И спрашенъ всѣмъ послѣдній рокъ.
 Земля, свои храня законы,
 Скрываеъ шруповъ миллионы,
 Межъ тѣмъ какъ новой родъ расщеъ;
 И тамъ, гдѣ предковъ гробы плѣютъ,
 Потомки ихъ пшеницу сѣютъ,
 Живой на мершвомъ хлѣбъ свой жнеъ.

*

Отецъ владѣлъ и наслаждался,
 Родилъ дѣшей — пригрѣлъ, соблюлъ;
 Ипенцы вспорхнули, онъ скончался,
 Свершивши подвиговъ свой — уснулъ.
 Угодно такъ Творцу правдиву,
 Чтобъ всякъ изъ насъ шалашъ свой, ниву
 Другому здѣсь передавалъ;
 Чтобъ все изъ брѣня раждалось,
 Среди печенія кончалось,
 И мѣръ въ себѣ себя мѣнялъ.

*

Войдемъ во храмину спрадальца,
 Со всѣхъ несчастнаго споронъ! —
 Бѣднякъ не можетъ пронуть пальца,
 Въ немъ признакъ жизни только спонъ;
 Когда бы смерть ему не льстила,
 Какая въ немъ душевна сила
 Могла снести такой животъ?
 Но сляченъ, бѣдствуетъ всечасно,
 И смерть, мгновенье столь ужасно,
 Онъ зримъ наполненнымъ красотъ.

*

Заглянемъ въ спрашныя темницы,
 Гдѣ спража не воздрема бдишь,
 Гдѣ мрачны обвиненныхъ лица
 Грызенъе совѣсти помнишь;
 Тамъ жизнь есть образъ муки вѣчной,
 Какой въ щедрошахъ безконечной
 Ни въ адѣ Богъ не сотворилъ:
 Какъ спранникъ ждетъ въ степи прохлады,
 Такъ узникъ чаеи той оспрады,
 Чтобъ дни его Творецъ свершилъ.

*

Куда бы кто из нас укрылся
 Отъ злобы хитраго врага,
 Когда бы самъ онъ не спрашилъ,
 Что сломишь смерть ему рога?
 Лешишь и дѣйствуешь злонаправный;
 Но въ самый шовъ моментъ щеславный,
 Когда куешь весь міръ, пиранъ,
 И даже небо сдвинуть хочешь,
 Плутонъ во адъ серпъ свой точишь,
 Махнулъ — и шрупъ восхитилъ вранъ.

*

И такъ судебъ опредѣленъ,
 Чшобъ плѣну смертью былъ предѣлъ;
 Опшюдь не зло, — благотворенье
 Для ушомленныхъ нашихъ плѣлъ.
 Чегожъ такъ много мы боимся?
 Изчезнетъ страхъ, коль убѣдимся,
 Что Пасхыръ добрый насъ пасетъ,
 Который все на пользу спроитъ,
 И старца на одрѣ покоитъ,
 И въ люлькѣ дѣпище блюдетъ.

*

Одинъ порокъ для насъ опасенъ,
 И чѣмъ онъ больше въ жизни льститъ,
 Тѣмъ ближе къ гробу ставъ, ужасенъ,
 И узы плоти тягошитъ.
 Но ежли сердце благородно
 Пишаетъ чувство превосходно,
 Любовью къ вѣчности горя,
 Тогда сей свѣтъ, сколь ни плѣняетъ,
 А смерти мигъ всегда бываетъ
 Какъ ушра краснаго зря.

МЕРТВЫМЪ.

De mortuis aut bene, aut nihil.

О мертвых или добро реки, или молчи.

НА КОНЧИНУ

Митрополита Московскаго Платона.

Скончался вѣлій Мужъ — Россійской
Злашоустѣ,

Вифанскій верпоградъ явился мраченъ, пустѣ;
Уже пріѣла въ снѣдъ гошова пещера

Скудельной храмъ того, кого взраспила Вбра!
Безмершная душа на Небеса паритѣ,

У гроба въ пишинѣ Уныньѣ присѣдипѣ,

И прахъ его кропя чувствительной слезою,
Свящипшеля блажитѣ, любимаго Москвою.

Четырѣдесать лѣтъ Христовѣ подвижники
сей,

Владычна Дома спражѣ, наставникѣ былъ
Царей.

Умолкла проповѣдь, которой всѣ пѣвнялись,

И Князи, и рабы, и спарцы умудрялись;

Вѣщаніямъ его жадали всѣ внимать,

Изъ устѣ его шекла рѣкою благодань;

Каедрѣ не сквернилъ онъ лесью Фарисей-
ской,

Языкѣ его былъ мечъ на брани здѣсь жишей-
ской;

Единому Творцу какъ вѣрный рабъ служилъ,

А ближнему, какъ другъ, животѣ свой посвящилъ;

Напищанный прямымъ Евангельскимъ учень-
емъ,

Онъ крестѣ различныхъ золъ умѣлъ носитьъ
сѣ шерпѣньемъ;

Часть I.

В

Любилъ величить Домъ небеснаго Царя,
И всё, что ни спяжалъ, повергъ у Олпяря;
Пѣлъ Богу сладку пѣснь во храмахъ и пус-
тынѣ;

И руки проспиралъ, со шрепетомъ къ свя-
тынѣ;

Въ училищѣ отецъ, — въ бесѣдѣ любословъ,
Въ обихѣ монахъ, — а въ кельѣ философъ;
Грядущаго искалъ средь временнаго града;
Зря волка на пущи, не бѣгалъ прочь отъ
спада: —

И Богъ, смущая врага, не попустилъ его
Спустись на мирный прахъ Левита своего.
Се нынѣ день насталъ душевныя свободы!
Пусть узкій совершивъ, кинь ризу здѣсь при-
роды

И смертное сіе, въ безсмертье облекись,
О Пастырь мудрый нашъ! въ Едемъ вод-
ворись!

Нешлѣнной жизни зря денницу совершенну,
На лонѣ праотцевъ наслѣдуй мзду блаженну!
А вы воздайте дань Владыкѣ своему,
Смиришесь предъ нимъ, проспите все ему!
Еще въ послѣдній разъ, служители церковны!
Соспавъте въ честь ему печальный ликъ ду-
ховный;

Рекише въ полной слухъ, — и вамъ воспле-
щень свѣтъ:

Владыкъ соборъ великъ, — но, ахъ! Плафона
нѣтъ!

На кончину дочери моей Княж. М... И...

Того, что сдѣлалъ Богъ, не лзя перемѣнить;
Онъ самъ хоща великъ, не склоненъ измѣнить
Порядку естества, уставленну отъ вѣка.
Создавшій тѣлесный міръ и перстна челоука,
Въ законъ положилъ непоспимъ Творецъ
Ничтожество вещамъ и существамъ конецъ.
Ужель изъ ничего извелъ онъ всю вселенну,
Посылаю въ бѣдахъ, и въ щастѣ драгоцѣнну,
На то, чтобъ каждая тварь уставъ природы
въ ней

Могла перемѣнять по прихоти своей? —
О, нѣтъ! о Богъ такъ напрасно помышляемъ,
Великимъ чтимъ Его, — а малымъ пред-
спавляемъ;

Одинъ лишь смертный жиетъ не можетъ безъ
того,

Чтобы вокругъ себя не шевелилъ всего;
Нѣтъ мыслей въ немъ, ни чувствъ отъ сущ-
ствъ свободныхъ.

Не такъ свой правитъ міръ Владыка земно-
родныхъ;

Онъ твердъ какъ адамантъ въ могуществѣ
своемъ;

Заботъ житейскихъ чуждъ, и нѣтъ неправ-
ды въ Немъ.

Назначивъ небу кругъ, землѣ ея движеніе
Безъ слабости глядитъ на жертвоприношеніе

Все въ свѣтѣ естествоу покорно быти должно;
Терпѣти и уповати, — вошъ всё, что намъ
дано!

Коль бросимся въ огонь, — конечно обожжемся,
Коль сунемся въ попокъ, — водою захлебнемся;
Здоровый апейсѣ удобенъ жити сто лѣтъ,
А праведникъ больной и вполѣ не доживетъ:
И такъ мы, относя подобныхъ намъ въ могилу,
Вошче винимъ небесъ содѣйствующу силу;
Какіе соки намъ дадутъ отецъ и мать,
Такъ будемъ поздно жити, иль рано умиратъ.

Богъ дѣйствуетъ на духъ и подвиги ду-
шевы,
А плоть гнилой сосудъ, вещественныя
скверны,

Творецъ взялъ изъ земли и куклу сотворилъ;
Разшибся испуканъ — прахъ въ землю воз-
врашилъ;

Тамъ паки изъ него чудеснымъ измѣненъ
Земля питаеъ міръ другимъ произведенъ;
А естели вѣру дасть, что каждой человѣкъ
Не иначе вершиетъ физической свой вѣкъ,
Какъ въ часъ, самимъ Творцемъ на то опре-
дѣленный,

То, Господи! проси мой ропотъ дерзно-
венный —

Возможно ли Тебя жестокимъ намъ не чинишь,
Когда велишь жену и чадо хоронитъ,
Когда любви союзъ священный разпоргаеъ,
Безъ жалости отца дѣтей его лишаеъ?
Нѣтъ! вѣритъ не хочу, не буду никогда,
Чтобъ Богъ, Которымъ я живу, дышу всегда,

Богъ мира и щедротъ, предъ Кѣмъ благоговѣю,
 Со прпешомъ служу, поняшь не доумѣю,
 Велѣлъ вокругъ меня семейству умирашь,
 А мнѣ все пережишь, и слезъ не осушаешь?

Нашура! ты одна въ спрадасельномъ
 спремленѣ

Безъ умысла шворишь подобныя явленья:
 Лишаешь насъ опцовъ, супругъ и даже чадъ,
 Не зная никакихъ въ пуши своемъ преградъ;—
 Какимъ ударомъ ты меня не поразила?
 Всѣ спрѣлы скорби злой, всѣ въ грудь мою вон-
 зила:

Лишила ты опца, — я сирымъ быль узналъ;
 Сеспру ты опняла, — я въ дружбѣ воспле-
 налъ;

Все мало — ты жены явила мнѣ кончину,
 И бѣдъ, какимъ нѣтъ словъ, влекла меня въ
 пучину;

Чуть, чуть духъ перевелъ въ сообществѣ
 дѣшей;

И *Машеньку* взроспя, спалъ видѣть уже въ ней
 Тотъ образъ божества, что мать ея казала,
 Когда въ ея душѣ моя свой рай вкушала, —
 Какъ вдругъ свое дитя въ могилѣ я узрѣлъ!
 Остыла въ жилахъ кровь — я весь оцѣпенѣлъ;
 Всѣ громы ярыхъ бѣдъ въ меня, какъ въ
 цѣль, попали!

Чѣмъ, Небо, долженъ я Тебѣ кромѣ печали?—
 О ужасъ естества, какого выше нѣтъ!
 Родитель еще живъ, а чадо уже мреетъ!
 Откуда, изъ какихъ ущелии мрачныхъ ада
 Бѣда бѣжитъ въ мой домъ, какъ вихоръ пол-
 ный смрада?

Тебѣ, мой Богъ! Тебѣ, слезясь день и ночь,
 Повѣдаю шоску, что я не вижу дочь, —
 Природѣ долгъ плачу разрывомъ узъ шблесныхъ;
 Но Ты, душъ нашихъ Царь, во областяхъ
 небесныхъ

Съ Евгеніей въ раю Марію водвори,
 И долу на меня взоръ милосши проспри!
 Увѣрь мой слабый умъ, сколь вѣришь онъ
 удобенъ,

Что язвы сердца Ты уврачевать способенъ,
 И шакъ, какъ спасъ Ты ихъ, соединя съ
 Собою,

Спаси меня и всѣхъ оставшихся со мной!! —

~~~~~

На кончину Ивана Ивановича Шувалова.

~~~~~

Шуваловъ! и пвоей скончался жизни день!
Ночь смертна на тебя свою простерла тѣнь!
Твой духъ, оставя персть и образъ свой тѣ-
лесный,
Паритъ превыше сферъ, проникнувъ сводъ не-
бесный.
Блаженная душа! лепи въ Эдемской рай,
И добрыхъ дѣлъ во мзду часть праведныхъ
вкушай!
Скончавъ въ юдоли сей пушь жесткій, скоро-
печный,
Въ селеніи благихъ живишь наслѣдуй вѣчный!
Суетъ мірскихъ испивъ обильну чашу здѣсь,
Познай, коль краше ихъ спокрашъ небесна
вѣсь!
Узри лицемъ къ лицу Зиждителя вселенной:
Сетяинспвенный къ намъ обѣтъ Его безцѣнной;
Услыши спройной хоръ безплодныхъ всѣхъ
чиновъ,
Поющихъ сладку пѣснь: Осанна, Саваофъ!

Но естѣли, плѣнну здѣсь совлекии плоти
ризу,
Удобенъ ощутишь, что дѣлается нѣгу,
Внемли, что о тебѣ Россіане рекутъ,
Любимцы Музъ гласятъ, Витіи вопіютъ:
Прощекшора, увы! наславника лишенно,
Святилище Наукъ въ унынье погруженно;

Водимый въ немъ швоей брезжливою рукой,
 Учишель, ученикъ, омышы всѣ слезой.
 Внемли, что о тебѣ пишомецъ швой слагаетъ!
 Не красну слогомъ рѣчь, онъ душу изливаетъ,
 Коликой милостью обязанъ онъ тебѣ;
 Ты съ юныхъ лѣтъ въ его участвовалъ судьбѣ.
 Склони онъ горнихъ странъ швой взоръ къ
 его печали!

Достоинства швой всегда его пѣняли.
 Но есмьли при тебѣ еще не славилъ ихъ,
 Кпо зналъ бы, что не лесъ вина похвалъ
 шанихъ?

Доколѣ человекъ на свѣтѣ мочь являетъ,
 То всякъ языкъ его блажилъ и восхваляетъ;
 Когда же взявъ швой духъ, Шуваловъ, онъ
 земли,

Прими моихъ слезъ дань и истину внемли!
 Ты подвигъ совершилъ честнаго человека,
 Усердіемъ къ добру полезенъ былъ полвѣка;
 Царямъ ты былъ слуга и Царства сынъ
 прямой;

Не случаемъ однимъ, ты высился душой;
 Пушями идучи единой только чести,
 Не жадничалъ ты быть кумиромъ подлой
 лести.

Ко славѣ бранной, рокъ не клалъ тебѣ слѣда;
 Блаженства шамъ не зрѣлъ, гдѣ чья нибудь
 бѣда.

Чужихъ земель людей на распри вызывая,
 Великимъ быть не мнилъ, кровь ближнихъ
 проливая;

Среди своихъ гражданъ любя добро шворишь,
 Соопчичей своихъ старался просвѣпить.

Опцовъ и матерей судьбу взыскавъ убогу,
Ты чадъ ихъ воспиталъ, далъ къ щастью
имъ дорогу.

Успроилъ для наукъ великъ въ Столицѣ храмъ;
Благословляемъ былъ и вѣчно будешь памъ;
Свидѣтели тому—обширно Россовъ Царство,
Духовные чины, мѣщане и боярство,
Сколь пользы имъ принесъ нашъ Универси-
тетъ!

Въ какихъ здѣсь должностяхъ его пином-
цевъ нѣтъ!

Служитель вѣры въ немъ и пастыри учились;
Въ Фемидиныхъ дворцахъ чиновники явились;
Ученыхъ видимъ въ немъ сословіе Мужей,
Имѣемъ мы Вишій, Цѣлшевъ и Врачей:
Вотъ вѣчной чести плодъ; за гробомъ онъ
не вянетъ!

Тебя, Шуваловъ! симъ Россѣ славишь не пре-
спанетъ.

Колико произвелъ ты нравственныхъ людей,
Толико въ ихъ сердцахъ имѣешь ошарей!
Блаженъ шомъ міра край, оплично щастье
граду,

Которому Богъ далъ такихъ Мужей въ опраду!
Коснусь я, сколько зрѣлъ тебя въ швоей семьѣ.
Ты благъ и крошкѣ былъ, тебя любили всѣ.
Не скажетъ про тебя злодѣй, скрывя зубами,
Ядъ аспидовъ лѣя коварными устами,
Что сдѣлалъ не умѣлъ ты зла, или не могъ;
Убойся, клевета! опмспилъ тебѣ самъ Богъ!
Нѣтъ, память въ родъ и родъ шѣхъ крас-
ныхъ дней пребудетъ,

Никто о томъ сказать попомству не за-
 будеть,
 Что нѣкогда бы могъ Шуваловъ погубить;
 Но въ чувства, въ сердце, въ духъ не могъ
 онъ зла вмѣстить.
 Не ставилъ онъ ума въ томъ крайня совер-
 шенства,
 Чтобъ счастье здать свое на счетъ чужихъ
 блаженства;
 Чтя Бога и умомъ и сердцемъ всегда,
 Нечестія спезей не шелъ ты никогда.

Проспи, почтенный Мужъ! проспи, мой
 Благодѣтель!
 Прими достойну мзду за вѣру, добродѣтель!
 Я въ жерпву приношу одну лишь грусь мою,
 И сердца въ простомъ вѣщаю рѣчь сію:
 Мой вздохъ и капля слезъ твоей гробъ не
 украшаетъ,
 Но въ горнихъ тѣхъ спранахъ, гдѣ духъ
 твой обитаетъ,
 Не ставятъ ни во что тѣхъ почестей земныхъ,
 Чѣмъ гордость рядитъ прахъ несчастныхъ
 жерпвъ своихъ.
 Я въ бѣдномъ словѣ семъ воздавъ благодаренье,
 Всевышнему шворю теплѣйшее моленье,
 Да твой, въ неплѣны вшедъ изъ плѣнныхъ
 здѣсь оковъ,
 Почіе въ Богъ духъ во вѣки всѣхъ вѣ-
 ковъ! —

~~~~~

На кончину Г. Горича.

~~~~~

Когда гласъ радости повсюду раздается,
О благъ Россiянъ вездѣ несется слухъ,
Невольно изъ очей моихъ токъ слезный льется,
Изъ радости въ печаль переходя вдругъ
мой духъ.

*

Очаковъ взявъ — сіе всѣ чувства восхищаетъ!
Въ немъ Горичъ умерщвленъ — сіе зоветъ
къ слезамъ.

Сей истинный Герой въ землѣ опочиваетъ,
Лишенъ оспрады внявъ слезаемымъ хваламъ.

*

Среди юнѣйшихъ лѣтъ во браняхъ навыкая,
Не шипловъ лишь однихъ военныхъ онъ искалъ;
Прямыхъ Героевъ спасъ всѣхъ паче благъ
желая,
Врагамъ Россiи мститъ онъ яростно пылалъ!

~~~~~*

Безспрашно Горичъ днесъ къ Очакову спремился,
Принесъ Россiи въ даръ храниму жизнь для ней;
И крѣпость одолѣвъ, на ней лишь утвердился,
Какъ рокъ пресѣкъ его теченье хваль-
ныхъ дней.

~~~~~*

Оружіе любя, любилъ и добродѣтель;
Бывъ доброй человѣкъ, коварствѣ гнушался онъ.
Я лично его зналъ, и самъ пому свидѣтель,
Что честности ему всегда былъ святъ законъ.

Хоть смерть его славна, а жаль его неложно.
Оплаканъ всѣми сынъ Ошечества прямой ;
Но жизни возвращишь ему уже не можно ,
А звуку торжества прошивенъ стихъ такой.

Пусть любящій его печаль тѣмъ облегчается,
Что Горичъ доблестію безсмертныя получилъ;
Что общая молва всѣхъ спранъ о немъ въ-
щаетъ :
Онъ славной вѣкъ провелъ , и славу смерть
вкусилъ !

~~~~~

На кончину Ф. М. Толстова.

~~~~~

Познавши здѣшнихъ странъ мечпатель-
но-блаженство,
Окончилъ ты, Толстой! недолголѣшній вѣкъ;
Прямого щастья днесъ познаешь совершенство:
Безсмертенъ спадъ ты тамъ — здѣсь былъ
лишь человекъ.

*

Кто милости пворилъ / обиду ненавида;
Кто могъ, и не хошѣлъ на ближняго воз-
снать;
Кто щастья надъ собой ушѣхи лесныи видя,
Надмѣиности умѣлъ соблазны опражашь:

*

Тому по смерти въ рай назначена дорога. --
Ты былъ таковъ, Толстой! лепи въ объяснѣ
Бога,
И буди онъ Него спокрашно награжденъ!

*

А вы, супруга, сынъ, друзья, его лишены!
Роль истинной къ нему любовью воспалены,
Престаньте слезы лишь... шеперь - то онъ
блаженъ!

~~~~~

На кончину Ф. И. Глѣбова.

Не гордоснѣ людѣмъ въ изумленье
Поставила здѣсь камень сей;
Его воздвигло сокрушенье,
Любовь жены — и жаръ дѣшей.

*

Онъ тѣло Глѣбова скрываетъ,
Которой въ правдѣ вѣкъ изжилъ,
И правды сей молва вѣщаетъ,
Что добръ, уменъ и честенъ былъ.

*

Возвышенъ чувствомъ и душою,
Усерденъ Царству и Царѣмъ,
Былъ, жертвуя самимъ собою,
Роднымъ родной — и другъ друзьямъ.

*

Блаженна душъ такихъ дорога!
Оставя сей плачевной край,
Идутъ онъ въ объятья Бога.
Здѣсь плоти гробъ — тамъ духа рай!

На кончину П. Ф. Глѣбова.

Остави мать, жену, дѣшей,
На небо Глѣбовъ преселился,
Къ Создателю природы всей
Отъ нашихъ глазъ на вѣкъ сокрылся.

*

Здѣсь видимъ мы въ могильномъ снѣ
Твоей лишь плоти измѣненъ;
(Тамъ духъ твой въ сладкой тишинѣ
Вмѣстилъ ужъ Бога лицезрѣнъ.

*

Кто честь и нравы сохранилъ,
Свершилъ потъ въ малъ долги лѣта;
А ты Опечесство любилъ
Превыше всѣхъ сокровищъ свѣта:

*

И Богъ попомство здѣсь свое
Соблюлъ родившей ты въ опраду;
Она ему онецъ, мать, все. . . .
Еи рай за то готовъ въ награду!

НА КОНЧИНУ В. М. Жукова.

Вчера я былъ съ тобой, и на ночь лишь раз-
спался,
Надѣясь по утру севодни вновь обняшь;
Я вспалъ — спросилъ, гдѣ ты? гдѣ Жу-
ковъ? — Онъ скончался.
Увы! на долгу ночь мой другъ ложился спать!

*

Вчера — ужасное для чувствъ воображеніе! —
На смерть сеспры моей ты мнѣ спихи чи-
талъ;

Мнѣ слышится еще швое произношеніе;
Еще перо свѣжо, которымъ ты писалъ;

*

Вчера ты былъ, что я; — сего дни что? —
Не знаю.

Вчера ты былъ у насъ; — сего дни гдѣ? —
Невѣмъ.

Какъ мрачной океанъ швой путь я созерцаю,
И въ размысленіи теряюся моемъ.

*

Какъ выспрѣлъ изъ ружья тебя швой рокъ
поспигнулъ.

Вчера задумалъ ты затѣвѣ на сто лѣтъ;
Нещасной! — до утра ты съ нами не до-
спигнулъ:

Далекъ ужь отъ тебя навѣки спалъ сей свѣтъ.

*

Любезною твоей бесѣдою питаюсь,
 Всегда ее себѣ по сердцу находилъ;
 Поезіею твоею и прозою плѣняюсь,
 Писателя въ тебѣ пріятнаго любилъ.

*

И все то кроетъ гробъ, земля все погло-
 щаетъ!
 О вышній Царь Царей! сколь Ты непоси-
 жимъ!
 Твой промыслъ насъ родитъ, Твой промыслъ
 насъ кончаетъ;
 Но жизни нашей край всегда необозримъ.

*

О люди! долголь вамъ мечтами возносите,
 Въ химерахъ провождаетъ печальну жизнь
 свою,
 Ничтожествомъ земнымъ и бѣдносью гор-
 дитесь?
 Вы вѣкъ хотите жить, а смерть кричите:
 убью! —

*

Начальникъ живота и горнихъ сферъ Строи-
 шель!
 Преставленному днесъ блаженну жизнь воздай!
 Не буди за грѣхи его ему опшмшитель,
 И съ правыми ему опверзи двери въ рай!

~~~~~

На кончину И. И. Нарышкина.

~~~~~

Людей скончавшихся тѣла
Надгробны камни сокрываютъ;
Но славою память ихъ вѣнчаютъ
Одни лишь добрыя дѣла.

*

Нарышкинъ, коего здѣсь прахъ,
Съ землею на вѣкъ соединился;
Благопвореньемъ вкоренился
Во всѣхъ пріятельскихъ сердцахъ.

*

Сюда придутъ его друзья
Прославятъ жизнь его хвалою,
Омочитъ прахъ его слезою,
Благословенная семья.

*

А Ты, Творецъ! на жертву ихъ
Склони свой взоръ сквозь неба своды,
Отверзи мерщиву рай входы
И уврачуй болѣзнь живыхъ!

~~~~~

На кончику Кн. Е. П. Долгоруковой

О смерть! ничто тебя, ничто не отвращаетъ;
Ты рвешь и красоту, и молодость губишь;
Твой алчной, спрашной зевъ все въ свѣтѣ
поглощаетъ;
Предѣлъ твоей вѣренъ; твердь — его не
избѣжишь.

*

Княгиня! съ нами ты распалася навѣки;
Не зряшъ уже тебя ни дѣти, ни супругъ;
Бесѣды твоея не слышатъ челобѣтки:
Приспѣлъ глаголѣ судьбы, — тебя не стало
вдругъ.

*

Ты крапкой мигъ жила, но мигъ невоз-
мущенный;
Какъ ясной день весны, онъ чистъ и свѣ-
телъ былъ;
Незлобіемъ твоей духъ и дружбой лишь пре-
льщенный,
Дыханія спрасней въ себя не допустилъ.

*

Какъ чистой жершвы даръ и непорочною Богу
Несется отъ земли душа честныхъ людей,
Отверзшу предъ собой зришь прямо въ рай
дорогу.

Се нынѣ ты познай всю цѣну часпи сей!

*

Мы вѣры нашей чтимъ сладчайшія награды,
 И знаемъ, что съ побой увидимся мы тамъ;
 Но спираждущимъ сердца, увы! въ томъ
 нѣтъ оспрады
 Въ томъ часъ, когда сокрытъ любезный видъ
 очамъ!

*

Какъ ближній я грущу, что рано жизнь
 скончала,
 Какъ родственнику, мнѣ тебя всѣмъ сердцемъ
 жаль!

Горячая слеза моя на гробъ твой пала —
 Вотъ жертва вся моя! . . . мой даръ — од-
 на печаль!

На кончину Кн. Н. С. Долгорукой.

Княгиня! естли ты въ селеніяхъ небесныхъ
Удобна видѣшь, что, что дѣлается здѣсь,
Взгляни на скорбь друзей, прими дань слезъ
нелесныхъ:

Вздыханьемъ о тебѣ твоей домъ наполненъ весь.

✱

Незлобиво ты жизнь свою препровождала,
И скромнымъ шла путемъ къ кончинѣ живота;
Ты къ сердцу своему сердца всѣхъ приближала;
Твой духъ не потрясла мірская суеша.

✱

Сколь мужественъ онъ былъ, явило то шер-
пѣнье,

Съ какимъ сносила ты спрадальческій недугъ.
Оказывая всѣмъ пріязнь и снисхожденіе,
Всегда равно была гошова для услугъ.

Съ чувствительной душой ты острой умъ
имѣла,

Любила въ жертву несть для дружества себя,
И смерть сама за то, и смерть почпишь
хотѣла —

Безъ ужасовъ она коснулась тебя.

✻

Отверзлася тебѣ дверь вѣчнаго покая;
 Ты шамъ уже, ты шамъ, гдѣ дней печаль-
 ныхъ нѣтъ.

Сверши надъ оей душой, въ раю ее устрою,
 Сверши, великій Богъ! таинственный обѣтъ!

*

Да снисдеши на нее, за добру жизнь въ награду,
 Неувядаемый безсмертія вѣнецъ!
 Ты взялъ ее — Ты дай оставшимся опраду,
 И язву уврачуи болѣзненныхъ сердецъ!

*

А ты, чей нынѣ гробъ слезами орошаю,
 Чьи добрыя дѣла я искренно цѣнилъ,
 Отъ горней шой спраны, гдѣ я тебя мечшаю,
 Воззри — и убѣдись, что я тебя любилъ!


~~~~~  
На кончину В. Н. Чоглоковой.
~~~~~

Вяньше, вяньше, нѣжны розы,
И сокройся солнца свѣтъ!
Пусть праву знобятъ морозы;
Милой Вареньки ужъ нѣтъ!
Дни, споль многимъ драгоценны,
Митовалися судьбой;
Сердца нѣжны умерщвлены
Смертью Вареньки драгой.

*

Безъ суровости умѣла
Равнодушье сохранить;
Хоть пѣнятъ и не хомѣла,
Всѣхъ заставила любить.
Не нарядомъ щеголяла,
Но природной красою;
Не жеманствомъ уловляла,
Но любезной простотой.

*

Вы, для коихъ все блаженство
Въ томъ, чтобъ милое любить!
Чти въ ней образъ совершенства,
Не спыдишься слезы липы!
Ты, чье сердце восхищалось
Сей дѣвицей юныхъ лѣтъ!
Рвись... Хоть много дѣвъ осшалось,
Другой Вареньки ужъ нѣтъ!

~~~~~

НА СМЕРТЬ Г. МОРО.

Взгляните на дѣла всевышняго Творца
И зрите въ нихъ Его чудотворящу силу:
Зачатому въ спудѣ Царю не шлетъ конца,
А храброму опроверъ врагу его могилу.

*

Злодѣйство въ торжествѣ, въ позорѣ добро-
дѣтель:
Наполеонъ верхомъ, — Моро лежитъ безъ
ногъ;

Во ужасѣ пому вселенная свидѣтель. —
Но какъ поспичь Тебя, непоспичимый Богъ!

*

Россія надъ Москвой еще слезами лѣется,
Германія въ дыму своей свободы ждесть,
И сѣверной пришлецъ съ опечесивомъ де-
рется; —

Триспашы всѣ назадъ, — а Фараонъ впередъ.

*

Откуда столько силъ воздвигнулъ сей пиранъ?
Что было за него, все вдругъ проливусало.
Измѣна, припаясь, вползла въ пиранской спанъ;
Но крѣпкій супоспашъ недрогнетъ все нимало.

*

Томимая войной Европа восклицаетъ,
Прицѣляясь въ него: Умри Наполеонъ!
Смерть ищелъ его зракъ, во всѣхъ рядахъ
лепаетъ;

Мильоны пали шамъ и шамъ, — но все не онъ!

*

Чтожь легче, какъ убить? — Исторія то
скажетъ:

Тофаны капель пять, грань десять сулемы.
Спросите, вамъ она примѣровъ спо покажетъ.
Но гдѣ самъ Богъ носилъ, увь! что мо-
жемъ мы!

*

Смиримся предъ Творцемъ въ день мира и
въ день брани,

Дождемся, чтобъ пришелъ его велѣнья гласъ!
Изъ сердца воззовемъ къ Нему, простерши
длани:

О Господи! — швори, что волиши, за насъ!

НАДГРОБНЫЯ.

Н. Е. П. Долгорукой.

Супруга нѣжнаго се памятникъ печали!
Сокрыта здѣсь въ землѣ достойная жена;
Ума и сердца въ ней доброшы всѣ сіяли.
Угоденъ Богу пошъ, кто жилъ такъ, какъ
она!

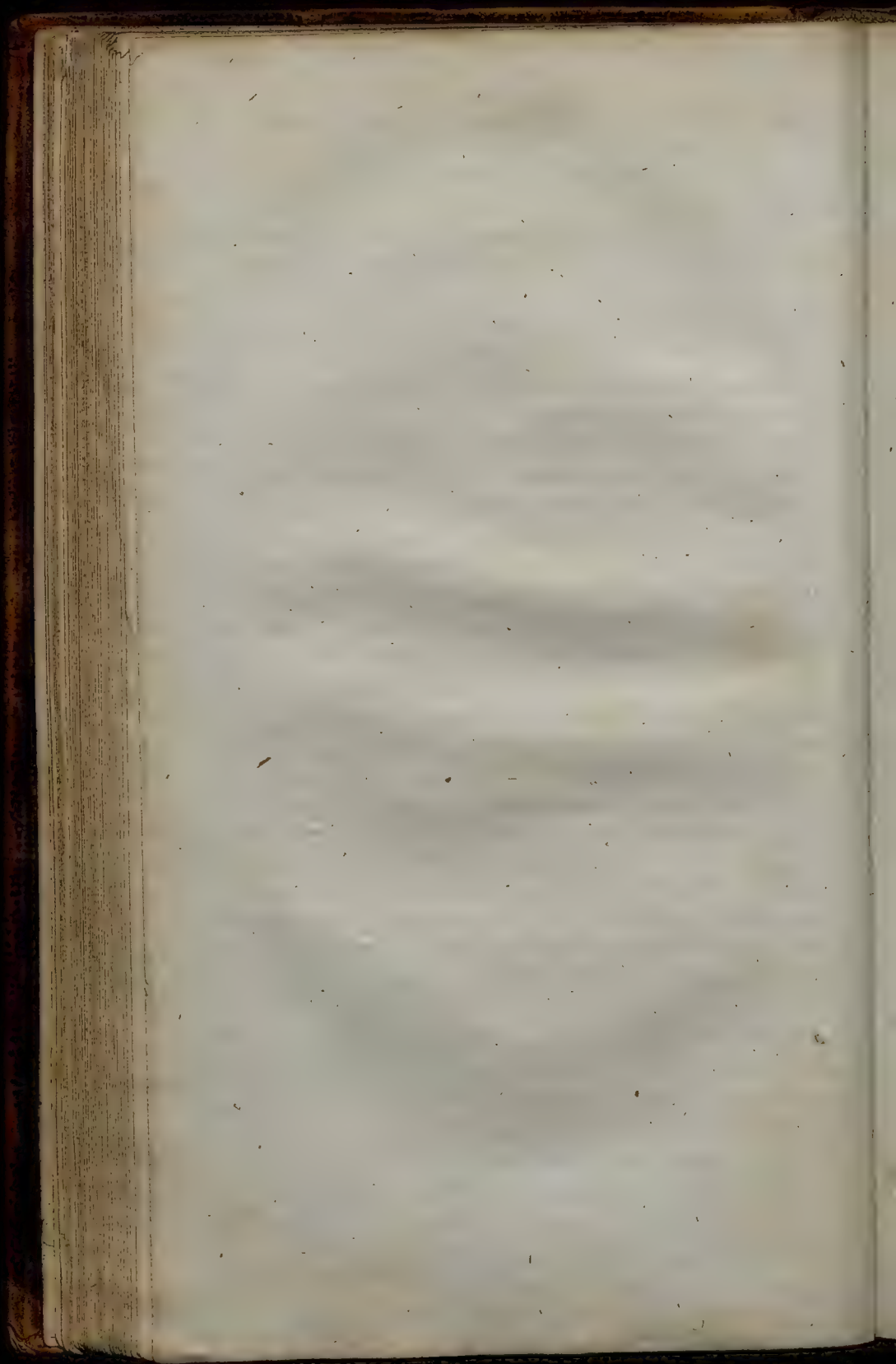
Ф. И. Гальцову.

Здѣсь Гальцовъ кончилъ вѣкъ!
Какой хвалы его достойна память спала? —
Былъ доброй человекъ, —
Вотъ много для Небесъ! — ужь ли для свѣта
мало?

Юношѣ Давыдову.

Поспой! — взгляни — заплачь — се юноша
лежитъ!
Чувствительная мать здѣсь прахъ его сокрыла,
Съ надеждой всѣхъ отрадъ въ немъ счастье
схранила,
И съ смертію его къ ней смерть ея бѣжитъ.
Увы! прости сіе, кто прогашься не спа-
нетъ?
Чье сердце не вздохнетъ и чья слеза не
канетъ?

О Д Ы.

НА ОТКРЫТІЕ ЗДАНІЯ ДЛЯ ВОТИКА

ПЕТРА ІГО ВЪ ПЕРЕСЛАВѢ.

Не пишамъ громкимъ челоуѣки
Спрямяся жершвы приносишь;
Чпюбъ жишь въ попомствѣ долги аѣки,
Дѣлами должно изумишь.
Вѣнцы, порфиры, діадимы,
Наряды сушь необходимы,
Дабы Царевъ украсишь санъ;
Но, ахъ! судьба и скишпы носимъ,
Изъ рукъ ихъ въ руки переносимъ,
И часто рвешъ его пиранъ!

*

Дѣла не мрушъ, и имъ народы
Дивися, поздно послѣ насъ
Въ избыткахъ щасливой свободы
Похвальной возсылающъ гласъ. —
Когда попомокъ предна хвалишь,
Ужъ ли симъ подвигомъ умалишь
Онъ современниковъ своихъ?
О, нѣшъ! — для мудрыхъ на престолѣ
Той славы бышь не можетъ болъ,
Чшо смѣло хвалишь — и другихъ.

*

Дерзнитежъ нынѣ Переславцы
Весь сонмъ сыновъ своихъ собрашь,
Геройскимъ духомъ, Пепрославцы,
Петру сѣбшише данъ воздашь!
Петромъ Россія вся гордишь,
Ему Праправнукъ самъ дивишь;

Онъ чинилъ всѣ подвиги его ;
 Усердно память ихъ вѣнчаетъ ,
 И шлѣмъ Огнечеству являетъ
 Великоестъ духа своего.

*

Великій Петръ ! Екатерина !
 Богоподобные Цари ,
 Сугуба нашихъ благъ причина !
 Имъ всюду зиждушъ олшари.
 Не лесъ въ сей день воскликновенья ,
 Наполнивъ души восхищенья ,
 Внушаетъ намъ ихъ имяна ;
 Не лесъ — исчезла ихъ награда ,
 Не рабій страхъ — уже досада
 Владыкъ умершихъ не спрашна.

*

О Петръ ! коль ты изъ странъ небесныхъ
 Возможешь долу бросить взоръ ,
 Поверхность спруй шебъ извѣстныхъ
 Окинь имъ , Россій чудопворъ !
 Еще швой ботъ здѣсь обиваетъ ,
 Народъ усердной восхищаетъ ;
 Онъ града здѣшняго краса.
 Ладья швая не обвѣщала ;
 Ее разрушить не дерзала
 И оспрая временъ коса.

*

И ты , волна , Петру любезна ,
 Плещева озера , гордись !
 Россіи долго бывъ полезна ,
 Пловцу великому дивись !
 Играй сребристыми спруями ,
 И купно съ нашими ушами

Провозвѣсти его дѣла!
Его ты юношѣ забавляла,
Его фрегатны колебала,
Подъ флагами его шекла.

*

На зыби водъ твоихъ незлобныхъ
Онъ мѣрилъ спрашной океанъ;
Къ героическу подданныхъ способныхъ
Готовилъ плышь вокругъ всѣхъ странъ.
Онъ рекъ — и флотъ единымъ словомъ
Россіи въ элементѣ новомъ
Примѣромъ сильнымъ доказалъ,
Что въ мірѣ все шому подвластно,
Чье сердце подвигами спрашно,
Кто пылко славы возжелалъ.

*

Сей первый шагъ въ водахъ стѣсненныхъ
Казался юношѣ игрой;
Но плодъ забавъ шоль просвѣщенныхъ
Умѣлъ предвидѣть нашъ Герой:
Онъ зналъ, веслами управляя,
Безспрашно бури побѣждая,
Что флотъ Россійскихъ кораблей
Во времена Екатерины
Преодолеетъ всѣ пучины,
Уроки дастъ вселенной всей.

*

Се день благопріятный нынѣ;
Воспоржествуй его, народъ!
Благодареніе судьбинѣ!
Ты долгъ соблюлъ тѣхъ Воеводъ (*).

(*) Въ Переславскомъ Уѣздномъ Судѣ донинѣ хранится собственноручный о бошикѣ семъ Пешра I го Указъ.

Которымъ Петръ своей рукою
Въ Указѣ рѣзкою черпою
Самъ заповѣдь здѣсь начерпалъ,
Дабы суда его любимы
Оберегались невредимы;
Успѣхъ пивой прудъ въ томъ оправдалъ.

*

Блаженны предковъ шѣхъ потомки,
Законъ Монаршій сохранивъ!
Вы даже стѣнъ спасли обломки,
Въ которыхъ Петръ Великій живъ,
Опважной мыслью занимался;
Пылая славой, не гнушался
Принявъ отъ плотника совѣтъ.
Въ рукахъ того, на комъ порфира,
Мнѣ мнился слышалъ, какъ сѣкира
Ударовъ звуки раздаетъ (*).

*

Воззрише, древніе Дворяне,
Съ воспоргомъ на сіи брега!
Сто лѣтъ тому, какъ Россіане
Здѣсь зрѣли юнаго Петра;
Въ сей день, для здѣшнихъ спранъ блаженный,
Когда съ крестами ходъ Священный,
На лодкахъ былъ носимъ волной,
Онъ самъ своимъ тушъ судномъ правилъ,
Полки вокругъ и пушки спавилъ,
Чесмы прообразуя бой (**).

*

(*) Тушъ при озерѣ и покои были выстроены, кои назывались Гремячевскимъ дворцомъ. См. Истор. Петра I.

(**) Анекдотъ Исторической. См. тамъ же.

Воспламени воображенъе, —
 Сынъ мужесшвенныя земли,
 И сердца въ сладкомъ упоеньѣ
 Екатерины всиомни дни!
 Жена, всѣхъ выше женъ на свѣтѣ!
 Тебя въ шайнспвенномъ совѣтѣ
 Назначилъ перстомъ самъ Творецъ
 На то, чшобъ мѣръ пѣвнть войною,
 Ошечесшво спяжащъ душою,
 Умомъ привлечь мильюнъ сердецъ.

*

Любнть Царей есть добродѣшель,
 Есть долгъ Ошечесшва сыновъ;
 Коль Царь народа благодѣшель,
 Онъ образъ испинный боговъ.
 Намъ въ опраслѣ Екатерины,
 Въ Праправнукѣ Петра судьбины
 Щедрошъ умножили залогъ;
 Нашъ духъ почувспвовалъ блаженсшво,
 Позналъ дней мирныхъ совершенсшво.
 Чего бояшся? — съ нами Богъ.

*

Для громкихъ дѣлъ, но бесполезныхъ,
 Одна минуша часшо вѣкъ;
 А дѣлъ благихъ и свойствъ любезныхъ
 Забышъ не можешъ человекъ:
 Сто лѣтъ тогда какъ мигъ проходятъ,
 И въ свѣжей памяти находятъ
 Цари у подданныхъ себя.
 Такъ Петръ и намъ вообразился;
 Но швой не призракъ здѣсь явился, —
 Праправнукъ воскресилъ себя.

*

Прими, о Петръ! посильну жершву,
 Котору жители сихъ странъ
 Тебѣ приносятъ уже мершву,
 Но живу въ сердцахъ Россіянъ;
 Сей домъ, не зодчествомъ надменный,
 Усердіемъ сооруженный
 На то, чѣмъ божию швой вмѣстишь,
 Тебѣ да будетъ столь угоденъ,
 Сколь былъ швой подвигомъ превосходенъ,
 Сколь онъ насъ славою озарилъ!

*

Тщеславье здѣсь не укорится —
 Не для него сей созданъ храмъ;
 Тотъ малъ, кто жершву, спремится
 Себя возвыситъ только самъ.
 Дворянство цѣль предполагало,
 (Апраксинъ сдѣлалъ къ ней начало) (*)
 Чѣмъ инвалидовъ помѣститъ,
 Въ маіорскомъ званьи ихъ избавши,
 Петру сугубо шѣмъ воздавши,
 Отъ золъ ихъ дряхлость оградитъ.

*

Успѣхъ въ томъ будетъ всеконечно,
 Миѣ вѣдомъ Переславцовъ духъ;
 Отечество любя сердечно,
 Изъ нихъ ему всякъ сынъ и другъ.
 Уже я зрю вблизи то время,
 Когда, сложивъ дослѣжковъ бремя,

(*) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, Переславской
 помѣщикъ, назначилъ содержаніе одному изъ ма-
 иорсовъ.

Матросъ , опершись о костыль ,
 Дѣшей вокругъ себя собирая ,
 На волны быстрой взоръ кидая ,
 Расскажетъ имъ чудесну былъ .

*

Дѣла Петровы вспомнивъ ясно ,
 Иль отъ преданья сохранивъ ,
 Въ своихъ разсказахъ безопасно ,
 Не устращась бытъ справедливъ ,
 „Вотъ здѣсь - то“ скажетъ : „Царь - надежа ,
 „Не на боку лишь полено лежа ,
 „Трудился самъ и строилъ ботъ !
 „Вотъ путь онъ имъ изволилъ править ,
 „Умѣлъ - ста родину прославить ,
 „Стояшь гораздъ былъ за народъ !“

*

Сказалъ , и слезы покапились
 Изъ подъ сѣдыхъ его ресницъ ,
 Геройски чувства возродились ,
 Въ восторгъ палъ на землю ницъ . —
 О Россовъ племя безподобно !
 Во всѣхъ вѣкахъ тебѣ удобно
 Собой вселенную дивись ,
 Къ дѣламъ отважнымъ воскрыляясь ,
 Въ гражданскихъ свойствахъ оплечаешься ,
 Царямъ , Отечеству служишь !

*

И ты , подъявъ чело кичливо ,
 Названьемъ славящійся мыслъ (*) !
 Сіе хранилище какъ диво
 Предъ любопытными возвысь !

(*) Онъ донинѣ называется Гремячій.

И въ ясны дни и въ свѣтлы ночи
 Да будуще всѣхъ пробъжихъ очи
 Стремись бросишь взоръ сюда;
 Да узрявъ домъ сей и вѣщающъ:
 Се тако Переславцы знаютъ
 Царямъ усердствовашъ всегда!

*

Олтарь сей славы не погибнетъ —
 Его Всесильный соблюдетъ;
 Не всеу памятникъ воздвигнетъ,
 Кто Бога въ помощь призоветъ: —
 Монаршимъ къ намъ благоволеньемъ
 И подданныхъ благоговѣньемъ,
 Какъ нынѣ, будетъ вѣчно новъ!
 Придушь еще Петру удивишь,
 Дворянствомъ Рускимъ похвалишь,
 Сто лѣтъ спустя, — сыны сыновъ!

~~~~~

НА ОТКРЫТІЕ Владимирской Гимназіи 1804 го-
да Августа 7 го дня.

~~~~~

Великій Богъ и чудный въ дѣлѣхъ!
Вѣнчая кропосью Царей,
Среди всѣхъ спрашъ, во всѣхъ предѣлѣхъ
Возводишъ мышцей ихъ своей:
Онъ Царства ими призираетъ,
Черезъ нихъ въ народъ изливаетъ
Обиліе, блаженство, миръ.
Разсыпашъ мракъ предубѣжденья
Лучемъ полезна просвѣщенья
Есть шрудъ, достойнѣйшій порфиръ.

*

Хвала тебѣ благословенный
Дражайшихъ предковъ нашихъ вѣхъ,
Въ которой Богомъ нареченный
Возсѣлъ на тронъ здѣсь Человѣкъ!
Великій, мочный, справедливый,
Въ судахъ и въ полѣ прозорливый
Петръ Первый, слава Россіянъ,
Возвысивъ подданныхъ собою,
Своей чудесною судьбою
Онъ дивенъ былъ въ очахъ всѣхъ спрашъ.

*

За нимъ, въ отраду злой печали,
Нашли Елисавету мы;
При ней дни неба возсіяли
И вновь воспрянули умы;

Ушихъ духъ мщенія и злобы,
Преспала кровь въ опверсты гробы
Рѣкой съ присупковъ шрона печь:
Она едва его коснулась,
Какъ вся Россія улыбулась,
И спрашнй сокрушилъ мечъ.

*

Опнѣвъ Петра, Елисавету,
Насъ Богъ спрадапъ не попустилъ;
Явилъ Екатеѣринѣ свѣту,
И здѣсь ей царствовать судилъ.
Какимъ перомъ воздапъ не ложно
Помазанницѣ сей возможно
За всѣ ея щедроты къ намъ!
Преемница Петровой дщери,
Она ко щастью многи двери
Опверзла Росскимъ племенамъ.

*

Пресѣкла дни ея судьбина,
Израиль новый възрыдалъ;
Но скоро скиптръ Екатеѣрины
Всесильный АЛЕКСАНДРУ далъ.
Сей пятны сперъ съ него кровавы,
Плѣнилъ умы, проникъ во нравы,
Воздвигъ на крошости свой шронъ,
И въ спрахъ врагамъ передъ собою
Поставилъ твердою стѣною
Любовь народа и законъ.

*

Се тако Царская палата,
Держась Всевышняго рукой,
Всегда во благостяхъ богаша,
Влюла въ Отечествъ покой;

И чѣмъ могли мы жить блаженно,
 Сии Владыки постепенно,
 Одинъ обнявши всѣ предметъ,
 Любимъ науки приучили,
 Къ успѣхамъ ревность возбудили
 И тусклымъ веждамъ дали свѣтъ.

*

На чѣмъ Творецъ всея природы
 Намъ далъ способность разсуждать,
 Когдабъ Онъ насъ лишилъ свободы
 Нашуры тайны испытать?
 А чѣмъ существъ позналъ миллионы
 До полъ, доколѣ въ томъ препоны
 Намъ ставилъ нашихъ дней конецъ,
 Намъ должно, должно просвѣщаться,
 Смотрѣть, вникать, соображаться
 И править путь своихъ сердецъ.

*

Не въ томъ прямое просвѣщенье,
 Чѣмъ мѣръ спараться претворить;
 О коль безумно заблужденье,
 Творца творенію учить!
 Но плодъ наукъ и прилѣжанья,
 Смирная буйственны желанья,
 Творить изъ насъ честныхъ людей,
 Царю, Отечеству полезныхъ,
 Своимъ согражданамъ любезныхъ,
 Надежныхъ твердостью мужей.

*

Науки цѣлью добрыхъ правилъ
 Связуя общество гражданъ,
 Чѣмъ каждой въ нихъ за славу ставилъ
 Не только чинъ одинъ и санъ,

Но чшобѣ умѣлъ цѣнить выгоды
 Стокрамѣ знашнѣй самой породы,
 Чшо онѣ полезенъ для другихъ :
 Кшо симѣ желаньемъ вспламенился,
 Не щещно въ школахъ потѣ учился.
 Завиденъ духъ людей такихъ.

*

Се день, на шо здѣсь посвященный!
 Воззрише, какъ Россійскій Тишъ,
 Любовью къ намѣ одушевленный,
 Своихъ сокровищъ не щадитъ,
 Но всюду съ пользой распочаеиъ,
 И здѣсь храмъ вѣхнй обновляетъ
 Искусствъ, художествъ и наукъ.
 Ощцы! дѣшей сюда ведите,
 Къ спруямъ премудрости бѣгите,
 Похвалъ раздайте вашихъ звукъ!

*

Сей звукъ достигнетъ повсемѣстно;
 Услышитъ крошкнй Государь,
 Чшо градъ Владимиръ весь иелесно
 Любви Ему воздвигъ ошаръ;
 Чшо онѣ щедротъ Его причину
 Воскресшу въ Немѣ Екатерину
 Съ восторгомъ чувствуетъ живымъ:
 Ему животъ свой посвящая,
 Десницу милостей лобзая,
 Ощемъ Его зовешъ своимъ.

*

Питомцы юны! научитесь
 Достойны бытъ Его щедротъ,
 Ко свѣшу истины спремнитесь;
 Во храмъ ея свободенъ входъ!

На васъ въ вниманіи глубокоу
 пышлывымъ духомъ, гордымъ окомъ
 Глядишь соопчицей соборъ.
 Труды Царевы оправдайше,
 Примѣръ въ себѣ попомкамъ дайше,
 Ушѣшьице любопытства взоръ.

*

О, сколь великъ вашъ долгъ предъ свѣтомъ,
 Наставники младенцовъ сихъ!
 Онъ вамъ единственнымъ предметомъ
 Назначилъ пользу, щасье ихъ.
 Старайшесь крошкими пушми
 Владѣть ихъ гибкими умами,
 Цѣня родителей залогъ!
 блюдите ихъ отъ чувствъ позорныхъ,
 А паче умствованій вздорныхъ;
 За нихъ на васъ самъ взыщеть Богъ!

*

Да снидетъ лучъ Его эфирный
 На сей младенцовъ вершоградъ,
 И воспрославишся домъ мирный
 Величествомъ Его наградъ!
 Тебя мы всѣ единогласно,
 О Боже! молимъ повсечасно:
 Смиривъ и сердце и чело,
 МОНАРХА нашего спасая,
 И лѣшны къ лѣшамъ прилагая,
 Благослови Его зѣло!

Князю Пожарскому.

Коснулся гласъ тебя потомства,
Пожарской! въ обласяхъ земли; —
Проспись, каратель вѣроломства,
Хвалы сполчинныя внемли!
Москва, покрыша сѣдинами,
Вѣнчанна славными дѣлами,
Сспремится прахъ твой возбудить,
Текущій вѣкъ побой прославить,
Грядущимъ всѣмъ въ примѣръ поставишь,
Тебѣ трофей соорудишь.

*

Ужъ двѣсти лѣтъ, какъ ты скончался;
Межъ насъ однако не забытъ;
Твой вѣкъ побой восхищался,
И нашъ тебя съ воспоргомъ чпимъ.
Съ твоихъ временъ до нашихъ позднихъ
Хоть гробъ и пахъ твой въ преисподнихъ,
Но духъ въ Кремль не умиралъ,
И подвигъ твой, до насъ извѣстной,
Огромной славы звукъ всеобщей
Изъ рода въ родъ переливалъ.

*

Ужель вѣще Герой прудился,
Лия свою на браняхъ кровь,
Когда къ отечеству спремится
Печатавъ жизнью любовь?

Мы смерти пѣломъ лишь подвластны;
 Но духомъ Богу сопричастны:
 Дѣла безсмертными пворящъ,
 Коль мужъ явилъ дѣла велики,
 Объ немъ тогда народны клики,
 Спуска шѣмы шысячъ лѣщъ, гремящъ.

*

Гремящъ и сильныя злодѣи —
 Архива памящъ ихъ хранищъ;
 Но кпощъ пирановъ мавзолей
 Съ гробницей Марковой сравнищъ?
 Или равно для смертныхъ рода,
 Чщобъ гласъ великаго народа
 Блажилъ и клялъ своихъ вождей?
 О, нѣщъ! та чесщъ, которой воинъ
 За доблестъ праведну достоинъ,
 Свѣщлѣе солнечныхъ лучей!

*

Какой бы лестью ушонченной
 Молва ни высила щого,
 Въ комъ нѣщъ добра черщы священной,
 Кпо жаждешъ гибели всего;
 Потомство ея не пѣнищся,
 Но истинной лишь озарищся,
 Обманъ исчезнетъ будщю мгла:
 Зане внутрь совѣщи сердечной
 Ощпѣнокъ врѣзалъ вѣновѣчной
 Самъ Богъ между добра и зла.

*

Подобно солнцу на востокѣ,
 Веснѣ являющу свой зракъ,
 Огней безчисленныхъ въ пошокъ
 Разсыпавшему ночи мракъ,

Вечерни тѣни пропадаютъ,
 Луна и звѣзды свѣтъ теряютъ,
 Румянецъ краситъ горизонтъ,
 Текутъ въ долины сѣжны горы,
 Поютъ пернатыхъ робкихъ хоры
 Сползъ искръ ударилъ въ черной понтъ:

*

Такъ точно жаромъ воспламененный
 Любви къ Отечеству прямой
 И духомъ Божьимъ вдохновенный
 Пожарской, истый нашъ Герой,
 Родясь для громкихъ дѣлъ и дивныхъ,
 Лепитъ во груди сопровивныхъ
 Кидаетъ миллионъ удачныхъ спрѣлъ!
 Пришелъ, узрѣлъ, и побѣждаетъ,
 Москву спокойствомъ ограждаетъ;
 Заприся врагъ — и оробѣлъ.

*

Возри на тѣ Кремлевы стѣны,
 Гдѣ каждой шагъ швой — былъ успѣхъ,
 Гдѣ духъ коварныхъ измѣны
 Мупилъ безплодно чувства всѣхъ,
 Гдѣ ны, обнявши добродѣтель
 И благъ примѣрныхъ бывъ содѣтель,
 Монаршихъ правъ не колебалъ;
 Спяжанье спавъ вѣчной славы
 Превыше шишловъ и державы,
 Мечемъ Царю Царево далъ.

*

О! коль суть низки предъ тобою
 Тѣхъ Царствъ опважные Цари,
 Которы подданныхъ слезою
 Снискавъ желаютъ олшари!

Вошше велики бышь нещующь;
 Хошя десницу ихъ цѣлующь
 И прахъ сшезей боготворящъ:
 Сии рабовъ восклицу новенья
 Не тѣ сущъ сердца восхищенья,
 Какими Тѣмъ бывалъ обьящъ.

*

Какой народъ, хвалясь дѣлами
 Погибшихъ предковъ на войнѣ,
 Ославивъ ихъ лѣтописями,
 Теперь — сей часъ уважешъ мнѣ,
 Кто былъ въ свой вѣкъ пошлю хваленъ
 И въ томъ съ Пожарскимъ Княземъ равенъ,
 Чѣмъ проишь не спавишь въ свой предметъ?
 Пусть Римъ намъ Цинцинната славишь;
 Вселенна рядомъ ихъ не спавишь:
 Тотъ взялъ вѣнецъ — Пожарской нѣтъ.

*

Равноль (ахъ, нѣтъ) сложишь корону,
 Когда стягивъ она чело,
 Или пому откыишь пушь къ прону,
 Кого наслѣдство возвело? —
 Одинъ спокойствія желаетъ,
 Какъ воинъ въ лапахъ поспѣшаетъ
 Сойщи съ часовъ, чѣмъ отдохнушь;
 Другой какъ левъ на брани рыщетъ,
 Въ пому добычи Царской ищетъ;
 Нашелъ — не хочетъ и взглянуть.

*

Пожарской могъ, спася Россію,
 Поляковъ, Шведовъ погубивъ,
 Вознесъ высокобѣру выю,
 И гидру зависши убивъ,

Царемъ Москвы именоваться,
 На лаврахъ скиптромъ уиѣщаться,
 И безъ смятенія спыда,
 Онъ могъ пѣнному народу
 Речи: — я далъ тебѣ свободу;
 Хочу быть Царь твой навсегда!

*

Но онъ наклонностью сердечной
 Закону былъ повиненъ;
 Оружья славой скоротечной
 Не могъ одною быть блаженъ:
 Онъ мнилъ, что въ томъ краю вселенной
 Ни тихой жизни, ни блаженной
 Не могутъ смертные вкушать,
 Гдѣ Царской родъ подъ игомъ спраждемъ,
 Гдѣ похищатель дерзкой жаждетъ
 Во власть свою все поглощать.

*

Твой, Пожарской, язвы пронумъ
 Россію во вѣни вѣковъ!
 Когда сыны ея возстонушъ
 И врагъ на нихъ воздвигнетъ ковъ,
 Твоимъ примѣромъ вспламеняся,
 Святою вѣрой ополчась
 Противу ядръ, мечей и стрѣлъ,
 Смянутъ злодѣевъ миліоны,
 Во адъ вселятъ ихъ легіоны!
 Не разъ уже весь міръ то зрѣлъ.

*

И кто въ спранѣхъ толико славной,
 Превознесенной шьмой побѣдъ,
 Ни съ чьими Царствами не равной,
 Которой весь шрепещетъ свѣтъ, —

Кто кровь пролилъ не устремился,
 Кто воевъ чуждыхъ убоишься,
 Спасая вѣру, честь, Царя!
 Любовь къ сѣдѣщему на тронѣ —
 Вотъ мечъ къ Россійской оборонѣ;
 Имъ всякаго рѣшится прѣ.

*

О вы, ревнующіе долѣ
 Благополучныхъ нашихъ спранѣ
 И влающіеся въ неволѣ!
 Познайше сердце Россіянѣ!
 Не сила скинѣла насъ лишь клонивъ,
 Не бичъ на ратно поле гонивъ,
 Какъ стадо прѣпещныхъ овецъ;
 Изъ Царскихъ устъ довольно слова,
 Народъ въ ружьѣ — вся Русь гошова:
 Неспрашенъ жизни имъ конецъ.

*

Когда Петра нѣснили Шведы,
 Россію сѣлѣсь одолѣвъ,
 Въ дыму Полтавскія побѣды
 Предъ Карломъ Петръ раскинулъ сѣтъ;
 Когда, гордясь своею судьбою,
 Понизилъ насъ хотѣлъ войною
 Ревнивой въ доблести Прусакъ,
 Солдатъ Россійской вострепѣнулъ,
 Влетѣлъ въ Берлинъ — и улыбнулся.
 Когдажъ дралися мы не такъ?

*

Какихъ чудесъ мы не видали
 Въ Екатерининѣ славной вѣкъ?
 Луны ничливой роги сломали,
 Повсюду Богъ предъ нами шекъ:

Мы флоты жгли — мы брали грады,
 Не смѣли спавить намъ преграды,
 Никто на сушѣ, ни въ водахъ.
 Дерзнула Польша — и въ минушу,
 Всѣхъ золъ испивши чашу люшу,
 Погибла въ спрашныхъ мяшежахъ.

*

Къ Аѳинамъ въ свойствѣ приближаясь,
 Французы яркіе потомъ,
 На Альпы кучами бросаясь,
 Вездѣ несли соблазнъ и громъ;
 Раздулись Рускія знамена,
 Запнулся въ подвигахъ Массенна,
 Сверкнулъ Суворова шамъ мечъ, —
 Тотъ мечъ, что правда обнажила,
 А милость Божья изосприла,
 Уча враговъ Россійскихъ сѣчь.

*

Таковъ народъ непобѣдимый
 Кошорый древній нашъ Герой
 Пожарской, въ немъ достойно чпимый,
 Живопворилъ своей душой, —
 Таковъ онъ былъ тогда и нынѣ!
 Столь крошкѣ въ щастливой судьбинѣ,
 Сколь пвердѣ въ опасныхъ временахъ,
 Всегда Царямъ своимъ покоренъ,
 Между собою благошворенъ,
 Великодушенъ и въ цѣляхъ.

*

Спупай! — вотъ всѣхъ Вождей Россійскихъ
 И громоносныхъ войскъ законъ.
 Отъ льдиныхъ горъ до водъ Каспійскихъ
 Шпыковъ слыхали нашихъ званъ.

И нынѣ шовѣ же духѣ, искусство,
И превосходнѣйшее чувство
Любви къ Ошечеству храня,
Еще мы можемъ ополчиться,
За милу родину сразиться,
Лица не спрячемъ отъ огня.

*

Сто лѣтъ прошекція явили,
Среди безчисленныхъ превогъ,
Которы швердъ всю возмушили,
Колико милуетъ насъ Богъ.
Пожарской! вспань и оглянися,
Вѣкамъ прошедшимъ удивися,
И Русь въ восторгѣ новомъ зри!
Въ ея межахъ Кавказъ, Таврида;
Подъ сѣнь Минервина эгида
Всѣхъ влекъ лучъ Сѣверной зари.

*

Но ахъ! когда волшебной силой
Не лзя противу ешесива
Разрушишь связь швою съ могилой;
Гдѣ прахъ швой облегла шрава, —
Когда тебѣ велѣло время,
Сложивъ доспѣховъ рашныхъ бремя,
Проникнушь духомъ небеса:
То пусть души геройшвомъ страшной,
Движеньямъ робкимъ неподвластной,
Сияетъ вѣчно тамъ краса!

*

Тебѣ подобные Герои
Плоды безмершя тамъ жнушь,
Съ мечемъ въ рукахъ сраженны вой
Еще Ошечество блюдушь;

Часть I.

Е

Рымникской, Крымской, Задунайской
 Въ прохладной жизни тихой, райской
 На насъ съ улыбкою глядящъ. —
 Покойшесь, тѣни знамениты!
 Хотя вы отъ нашихъ глазъ сокрыты,
 Но души наши къ вамъ лепятся.

*

Мы здѣсь всегда, съ благоговѣньемъ
 Великимъ жертвуя Мужамъ,
 Тебѣ, Пожарской, съ изумленьемъ
 Курымъ сердечной фиміамъ,
 Да видящъ прочихъ спранъ народы,
 Что мы средъ узъ и средъ свободы
 Умѣемъ мужество почитать,
 Умѣемъ тѣхъ вѣнчать хвалами,
 Которы призваны Богами
 Свой вѣкъ во славу пережить.

*

Когда Бояръ Россійскихъ чада,
 Изъ дѣтскихъ вырвавшись оковъ,
 Въ стѣнѣ отечественна града
 Съ мечемъ изыдутъ на враговъ,
 Придутъ на гробъ твой поклониться;
 Отъ искръ его воспламенишь,
 Твой духъ предыдетъ въ ихъ рядахъ;
 Въ полкахъ чужихъ ручьи багровы
 Слѣды побѣдъ проложитъ новы,
 И ихъ не опрокинетъ спрахъ.

*

Но въ дни блаженнаго спокойства,
 Когда сестра, супруга, мать,
 Вкушая плодъ благоустройства,
 Войны прешанутъ прелепять,

Въ сіе златаго вѣка время,
 Подъявъ прудовъ гражданскихъ бремя,
 Придумъ старѣйшины Москвы,
 Трофей пшой миршами вѣнчая,
 Свое спасенье ублажая,
 Сбдья преклонишь главы.

Тогда въ сей радости сердечной,
 Котору дашь лишь можешь миръ,
 Предметъ у всѣхъ народовъ вѣчной, —
 Краса изящная порфиръ, —
 Рекутъ: „Хвала тебѣ, Пожарской,
 Подпора доблести Боярской,
 Россійской рапи полубогъ!
 Ты насъ врагамъ не выдалъ въ жертву,
 А мы тебѣ несемъ въ даръ — мершву —
 Любовь, почтеніе, воспогъ!“

~~~~~

НА ПОСТРИЖЕНІЕ БЛАГОРОДНОЙ ОСОВЫ.

~~~~~

Какое чудо привлекаетъ
Во Храмъ днесъ Божіихъ сыновъ?
Иль правды міра разсуждаетъ
Всевышній, ставъ между Боговъ?
Иль вновь новчегъ оспановился?
Иль паки Моисей явился,
Нося скрыжалъ заповѣдей?
Не Ангеловъ ли восклицанья,
Пророковъ рѣчи и гаданья
Трубой гласяща шверди всей?

*

Ахъ, нѣтъ! вся шварь въ успокоеньи,
Еще денницы новой ждетъ,
И въ шрепешномъ уединеньи
Пустынникъ Богу пѣснь поетъ.
Но се жену зрю благородну,
Отъ узъ супружества свободну,
Грядущу прямо къ олшарю;
Мірскую почестъ отвергаетъ,
Яремъ иночеспва желаетъ
И вопіетъ Царей къ Царю:

*

„Я міръ навѣки оставляю,
„Раздравъ завѣсу суепы,
„Къ Тебѣ, о Боже мой! взываю:
„Будь все одинъ для меня Ты!
„Спираспей волненья укрощая,
„Кичливый помыслъ опгоняя,

„Спези спасеніа опшкрой!
 „Дай свѣще силу мнѣ мужаться,
 „Пропивъ соблазновъ ополчаться,
 „Усовершенствуй жребій мой!

*

„Тебѣ содѣйствующу, Боже!
 „Клянусь въ терпѣнныи все сносить,
 „И прежнихъ лѣтъ цвѣтуще ложе
 „Однимъ молишвамъ посвящипь!
 „Сира, нища, забыта буду,
 „Сама вселенную забуду,
 „Уставъ природы превзойду,
 „Дѣтей и мать, и все, что было,
 „Что есть, и вѣкъ что будетъ мило,
 „Во гробъ забвенья низведу!

*

„Я вздохи сердца сокровенны
 „Мечемъ духовнымъ пощю;
 „Я тѣла красоты разженны
 „Хламидой черной облеку;
 „Закрывъ глаза, пощусь ихъ взгляды,
 „Пощусь всѣхъ чувствъ и устъ опрады
 „Къ кресту съ собою пригвоздишь;
 „Металлъ нечувственной лобзал,
 „На немъ Христа воображая,
 „Въ обѣщаньхъ Бога буду жишь!

*

„О важныхъ клятвъ глаголъ ужасный!
 „Услышалъ храмъ ихъ и стенеть.
 „Но что за вошь мнѣ нынѣ спрашний
 „Изъ нѣдра сердца вопіеть?
 „Жена! . . . размысль свои обѣщы,
 „Представъ Всевышняго совѣщы,

„И гласу совѣсти внимли !
 „Противу чувствъ вооружайся ,
 „Но побѣдишь не общайся :
 „Природа Царь всяя земли !“

*

Природа міромъ управляя
 По волѣ вышня Существа ,
 Себѣ во вѣкъ не измѣняя ,
 Хранишь предѣлы естества ,
 Чрезъ многи годы къ смерти ближишь ,
 И къ новымъ чувствамъ сердце движишь
 Ему призраками маяя ;
 Изъ устъ Давида шокъ обилень ,
 Но , ахъ ! и шокъ цѣлишь безсиленъ
 Отъ ранъ любовнаго огня .

*

Что съ возрастомъ твоимъ согласно ,
 Иль , мнишь ты , ряса устроитъ ?
 Пріятну мысль , вздыханье спрасно
 • Едина смерть лишь упоитъ !
 Постой , еще себя изслѣдуй ,
 Движенью горести не слѣдуй ,
 И обрати на часъ къ себѣ !
 Взгляни , какъ мать — ты чадъ бросаешь ;
 Взгляни , какъ дочь — ты мать перзаешь ;
 Друзья всѣ плачущъ о тебѣ .

*

О Боже ! всяку плоть призывай
 Себѣ въ хвалу на бранный свѣтъ ,
 И къ смерти живу мя избравый !
 Приблужи мой ко мнѣ предметъ !
 Души бѣдами пресыщенной ,
 Души до смерти умерщвленной

Прости дрожащій нынѣ спонѣ!
 Да не вѣннишся въ преступленіе
 Мое обѣ мірѣ сожалѣнне;
 Не казни ищеть швой законѣ.

*

А ты, о суешна вселенна,
 Въ кошорой гибла я всякъ часѣ!
 Была и мнѣ ты драгоцѣнна,
 Была — и будь въ послѣдній разѣ!
 О машь! умѣрь свои печали!
 Дни щасстья для меня настали;
 Мой слабый духѣ не возмущай!
 Сокрой опѣ глазѣ, увы! несчастныхѣ
 Плоды моихѣ движеній спрасныхѣ! —
 Друзья. . . . мірѣ. . . . жизнь. . . . и все. . . .
прощай!

НЕВИННОСТЬ.

Спокойной совѣсти зеркало
И духа Божія черта,
Великихъ подвиговъ начало
И дѣвства смертныхъ красота,
Тебя, Невинность! ублажаю,
Ударить въ струны вновь дерзаю,
И дань сердечную принести!
Въ шебѣ зрю міра превосходство,
Сіянье славы, благородство,
Неувядаемую честь! —

*

Невинность краше діадимы,
Свѣтлѣ радужныхъ круговъ,
Блаженства щипъ непобѣдимый
Противу зависти враговъ!
Души чистѣйше наслаждение,
Умовъ полезныхъ вдохновение,
Воспорговъ мать и дочь Небесъ!
Повсюду ты богошворима;
Но ты же въ мірѣ семъ гонима,
И шокъ льешь горчайшихъ слезъ.

*

О чувство выше всякой страсти,
Нопорымъ рай опверстъ для насъ!
Я правъ! — среди самой напасти
Меня живошворить сей гласъ,

Въ изгибахъ сердца раздается,
Его отрада въ душу льется
Въ пещицѣ, въ узахъ, въ нищетахъ.
Я правъ! — се мзда моя, — довольно!
Враги, терзайтесь! — мнѣ небольно;
Вашъ ковъ погибнетъ въ суетѣ!

*

Надъ правдой что возможетъ злоба?
Пускай лукавствующій врагъ
Тѣснитъ невиннаго до гроба
Съ улыбкой адскою въ устахъ;
Пускай въ немъ зависъ ухищренна,
Какъ пещь Халдейская разженна,
Паливъ все зноемъ клеветы:
Пусть мужа праваго не скользокъ;
Лукавыхъ пусть и пѣма, и ползокъ,
И вихрь развѣетъ ихъ мечшы.

*

Господь невиннаго покроетъ,
Избавитъ Онъ его въ день лютей,
Всецѣдный домъ его устроитъ
И сотворитъ пшеницамъ пріютъ;
Ни чадъ, ни присныхъ не оставитъ,
Друзей разсудливыхъ приставитъ,
И взвѣситъ каждый сердца вздохъ;
Не дастъ въ ровъ пагубный споткнуться,
Душъ унынія коснуться,
И злomu — зло возмѣритъ Богъ!

*

Вошше владыкъ надменныхъ сила
Святую истину тѣснитъ;
Ни кровь, ни огонь, ниже могила
Ея сіянъ не зашмиетъ.

Хотя правили вселенной,
Забывъ не рѣдко долгу священный,
Влекутъ невинность на позоръ;
Она на плахѣ торжествуетъ,
И самой томъ, кто съ ней враждуетъ,
Стоитъ съ мечемъ, попуя взоръ.

*

Примѣровъ множество бывало,
Къ несчастью есть и будетъ впредъ,
Какъ часто правда попадала
Въ умыслени коварства събшъ.
Еще былъ новъ сей свѣтъ природный
И юнъ сынъ перси первородный,
Какъ змѣй весь рай зашевелилъ;
Бѣжалъ Адамъ, бѣжала Ева,
И плодъ ея несчастна чрева
Сынъ Каинъ Авеля убилъ.

*

Давно невинность обличалась
Предъ человѣческимъ судомъ,
Мечу безспрашно подвергалась,
Иль покрывалась стыдомъ;
И кто въ физическомъ семъ мірѣ,
Кромѣ живущаго въ эфирѣ
И движущаго небеса,
Кто можетъ въ храмъ сердечный проникнуть,
До глубины его проникнуть,
Ума постигнуть чудеса?

*

Во имя правды лгали Маги
И прорицали бредъ волхвы;
Не чистъ былъ судъ въ Аренахъ:
Овецъ вездѣ перзали львы.

Посмотримъ , что во Иудей
Творили съ Павломъ Саддукеи !
Прискорбенъ правды пушъ всегда.
И Римъ , который ублажаемъ ,
Донинъ громко прославляемъ ,
Судилъ приспращно иногда.

*

Наспало время просвѣщенья ,
Навыкли всѣ соображать ;
Явились новы разсужденья ,
И всякой права спалъ искашь .
Казалось , мѣръ добрѣ будешь ,
Дѣла неправедны забудешь
И сущность истины поймешь ;
Не по извѣ опытовъ опкрылось :
Вселенна всячески кружилась ,
А правда все на крестѣ идетъ !

*

Опкрылись таинства природы ,
Возникла всюду спрашъ наукъ ;
Вдали въ художества народы ,
И торгъ предметомъ спалъ всѣхъ рукъ .
Искали въ ананьяхъ совершенства ,
Забывъ , что въ свѣтѣ нѣтъ блаженства ,
Когда на сердце пала ржа .
Листомъ ли древеся красивы ?
Мы хвалимъ ихъ , когда не кривы ,
И сердцеина въ нихъ свѣжа .

*

Въ однихъ познаніяхъ обширныхъ
Какую пользу мѣръ нашель ?
Терялъ сокровище дней мирныхъ
И жершвой адскихъ спалъ крамоль .

Въ полпахъ мятежниковъ безчинныхъ
 Колико пало неповинныхъ
 Во славу мнимаго добра?
 Умовъ самолюбивыхъ сшибки
 Производили все ошибки,
 Изъ коихъ бѣда выросла гора.

*

Герои шѣ же человеки,
 Своимъ подвласные спрашамъ;
 Объ нихъ писали въ разны вѣки
 Одно и тожъ по всѣмъ спранамъ.
 Похвалъ богачу данъ приємлюшъ,
 Но часто въ сладкой нѣгѣ дремлюшъ,
 Не смѣя совѣсти будишъ;
 Чужимъ землямъ успавы пишушъ,
 А сами славой только дышушъ,
 Алкая міръ весь разоришъ.

*

Завоеватель на престолѣ
 Еще не естъ желанный Царь;
 Гдѣ жизнь мила во всякой долѣ,
 Тамъ только милъ и Государь.
 Тамъ месѣ добычей не гордится
 И пѣмъ кромѣшной не боится,
 Ошибка тяжкой спавъ виной;
 Злодѣй богачъ не клеветѣтъ,
 Бѣдникъ невинный не препенетѣтъ
 Громовыхъ пресковъ надъ собой.

*

Хвала шѣмъ днямъ благословеннымъ,
 Въ коихъ древній человекъ,
 Ходя пушемъ неразвращеннымъ,
 Безъ бури могъ кончать свой вѣкъ!

Но гдѣ злѣе время въ мірѣ?
 Обвѣнчаны мы на мѣрѣ
 Поюмъ прелестныя мечты.
 Конечно Небо не судило,
 Чтобы одно лишь въ свѣтѣ было
 Священно Царство правоты.

*

Холодной потѣ чело промочить,
 Когда вообразишь себѣ,
 Что всякой зло творить, какъ хочешь,
 Ругаясь ближняго судьбѣ.
 Гораздо легче, мигъ спадая,
 Ударъ послѣдній получая,
 На вѣкъ вселенную забыть,
 Чѣмъ въ испязаніяхъ поминаться,
 Не сдѣлавъ зла, во злѣ виниться,
 И для насмѣшекъ людскихъ жить.

*

Я чувство совѣсти умѣю
 Поставить выше благъ земныхъ;
 Но зла всю тягость разумѣю,
 Предметомъ спашь обидъ людскихъ.
 Души шеряется спокойство,
 Когда вокругъ насъ одно неспройство,
 И къ яснымъ днямъ не зримъ слѣда;
 Живомъ лишь чувствѣнный наскучить,
 А жизнь чувствившеля замучить,
 И сердце надорветъ бѣда.

*

Всевышній! — Ты единый можешь
 Невинный успокоишь духъ;
 Ты сердце бѣдное вспревожишь —
 И паки преклоняешь слухъ.

Тебѣ молишвы наши вняшны,
 И воздыханія спокрашны
 Не утаяшся отъ Тебя.
 Увы! — когда наступитъ время
 Сложитъ мірскихъ напастей бремя
 Какъ узы тяжкія съ себя?

*

Доколѣ, Господи! продлится
 Успѣхъ погибельныхъ умовъ,
 И въ сердце бѣдное вонзится
 Спѣла кичащихся враговъ?
 Но естли правда безъ искушва,
 Свободна мысль, нагя чувшва
 Родяшъ злосчасіе свое, —
 Возри на часъ мою плачевну,
 Внемли моливу повседневну:
 Да прійдетъ царствіе Твое!! —

~~~~~

ПѢСНЬ ПОСЛѢДНЯЯ МОИМЪ СОВРЕМЕННИКАМЪ.

Partout on voit tant de fureur,
Et tant d'ingratitude
Qu'on ne trouve plus le bonheur
Que dans la solitude,

~~~~~

Оставимъ чашу круговую, —
Вся сладость въ ней истощена;
Забудемъ юность золотую, —
Какъ вихрь умчалася она!
Подъ спаросишь спанемъ къ жизни вѣчной
Готовишь разумъ нашъ безпечной!
Кто знаетъ, сколько разъ шагнушь
Еще позволишь Провидѣнье,
Доколѣ въ горнее селенье
Оно душѣ укажетъ путь?

*

Померило яркое свѣтило,
Которымъ нѣкогда любовь
Красу подсолнечной двоило
И поминушно грѣло кровь;
Изчезли тѣ очарованья,
Въ которыхъ всякаго желанья
Успѣхъ казался раемъ намъ,
И сердца сладкой соблазнитель,
Столь многихъ идоловъ обитель,
Въ пустынной превратилось храмъ! —

*

Все въ пятгосѣ спало въ пышномъ градѣ
 И солнце радостей зашло;
 Отъ грусти насъ ведя къ досадѣ,
 Всѣ силы время унесло.
 Міръ — гробъ, а жизнь — неслосна мука,
 Когда печаль, унынье, скука
 Какъ камень на сердца лежатъ;
 Отвѣмлютъ сонъ, лишь ночь наспанетъ!
 Возбудятъ желчь, лишь солнце встанетъ
 И душу цѣлой день помятъ!

*

Отъ благъ земныхъ уроки спроги
 Велятъ сворачивать мнѣ взоръ;
 За нихъ вездѣ найдешь превого,
 Отъ нихъ всегда съ разсудкомъ споръ.
 Спезей проложенной ко славѣ
 Не лзя при ошкровенномъ нравѣ
 Доспигнутъ шихаго конца,
 Ужасно вѣкъ свой пробиваешься,
 Прогнавъ шуманъ, въ другомъ перяешься,
 Чшобъ мечъ найши, гдѣ ждалъ вѣнца!

*

Не мнѣ вручилъ Творецъ вселенной
 Талантъ полезнымъ въ мѣрѣ бытъ;
 Фортуной рокъ опредѣленной
 Назначилъ мнѣ дышать и нытъ.
 Спрадатъ готовъ одинъ до гроба;
 Придетъ мой часъ, земли ушроба
 И мнѣ очистишь уголокъ:
 Но слезъ друзей всѣ капли числишь,
 Смущенья ихъ всю тайну смыслишь,
 И жишь!!! Нѣтъ, нѣтъ! сей долгъ жестокъ!

*

Вопице разсудокъ представляетъ
 Въ примѣрѣ намъ Грековъ и Римлянъ,
 Великодушье предлагаетъ
 Къ уврачеванью нашихъ ранъ;
 Когда бѣда какъ вихрь несется
 И сердце кровью обольется,
 Разсудка бесполезенъ гласъ:
 Его холодны размышленья
 Въ часы сердечна сокрушенья
 Неубѣдительны для насъ. —

*

Вопице хотяишь любимцы вѣка
 И щасстья нѣжные сыны
 Заспавишь бѣдна человекъ,
 Сстрадающаго безъ вины,
 Превыше спать своей напасти,
 Презрѣшь молву, смѣяшься власи,
 Неправду холодно сносишь.
 Но кто же нынѣ безъ догадки? —
 Не фразы, — слезы дружбы сладки;
 И тѣ имъ пѣгосно пролишь.

*

О люди! знайте, чѣмъ несчасье
 Не отъ виныиства ждетъ оправдъ;
 Ему душевное учасье
 Цѣнишь жишейскихъ всѣхъ наградъ!
 Поруганъ ближній твой напрасно;
 Ты внемлешь спонъ его всечасно:
 Леги и душу разверни,
 Противу злобы ополчися,
 Безспрашно съ зависью сразися,
 Уйми ее — и отдохни!

Чья слава можеть во вселенной
 Равняться съ подвигомъ того,
 Которой склонностью врожденной
 Удобень жершвою всего:
 Опвесить злодѣя мспящу руку,
 Смягчить спирадальца пиянку муку
 И грудь его къ своей прижать?
 Не чванства гордыми хвалами,
 Но благодарности слезами
 Трефей негиблющій спяжашъ?

*

Вопице и совѣсть бы желала,
 Своей сія чистотой,
 Извлечь убійственное жало
 И сердцу сладкой дать покой;
 Ахъ, нѣтъ! — и совѣсть не способна
 Прошивъ удара рока злобна
 Вложить въ десницу крѣпкій щипъ:
 Она сама хоть насъ не мучитъ,
 Но мужеству безъ пользы учитъ,
 И сердце все таки болитъ.

*

Для входа въ рай, въ чертогъ небесный,
 Спокойна совѣсть вѣрный путь;
 Но въ оболочкѣ здѣсь тѣлесной
 Тѣснитссяль меньше съ нею грудь?
 Въ сокровищницѣ сей скудельной
 Одинъ зрѣтъ правду безпредѣльной
 Зиждисьель міра и Творецъ;
 Но люди въ ней чиста не знаютъ;
 По видамъ виѣшнимъ разсуждаютъ:
 Молва законъ и судъ сердецъ! —

*

Когда въ узилищѣ я спражду
И неповинно цѣпь ношу,
Когда я голоденъ и жажду
И хлѣба по міру прошу,
Хотя нѣтъ въ совѣсти волненья,
Тѣмъ меньше естества мученья
Безсовѣстнаго я терплю?
Того моральны мучатъ кары,
Меня физически удары,
И онъ не спитъ, — и я не сплю.

*

Твердятъ: подушка не вершился
У тѣхъ, чья совѣсть безъ пятна;
Напрошивъ, многимъ крѣпко спится,
Хоть совѣсть въ уголь сожжена.
Увы! и въ замкахъ превосходныхъ
Для мирныхъ дней, отъ золь свободныхъ,
Какъ мало совѣсти одной!
Сей даръ небесъ, залогъ столь прудный,
Пошщимся чистъ явишь въ день судный;
А въ мірѣ съ нимъ накладъ живой! —

*

Такъ, такъ, отъ общества и свѣта
Пора мнѣ скрыться навсегда!
Я видѣлъ грозы бурна лѣта,
Пришла и осени чреда.
Съ людьми поперся я довольно;
Они меня кусали больно,
Пора ихъ раны залѣчить;
Тѣсней съ природою сойшися,
У ней бытъ щасливимъ учися,
И миру старость довершися.

*

Уйду земли другой и неба
Искашь въ безлюдныя страны!
Вездѣ лучи я встрѣчу Феба,
Вездѣ увижу зракъ луны.
Въ пустыняхъ потѣ же воздухъ дышитъ;
Но глазъ не зритъ и слухъ не слышитъ
Тамъ образованнаго зла.
Не въ лабиринтахъ просвѣщенья,
Сокрышы тайны наслажденья;
Тамъ умозрительна лишь мгла! —

*

Вездѣ натура кровъ и пищу
Трудамъ дѣятельнымъ даетъ,
Равно богашу, какъ и нищу,
Свои щедроты бережетъ.
Душа безсмертная въ пустынь,
Чудясь движенъ тѣлъ причинъ,
Паритъ, всечасно къ небесамъ,
И разумъ, истинной водимый,
Сей огонь души неугасимый,
Вполнѣ владычествуетъ самъ! —

*

Изъ опытовъ давно я знаю,
У Даламбертовъ не учась,
Когда о мѣрѣ размышляю,
Что зло съ добромъ имѣетъ связь.
Что нѣтъ такого совершенства
Для идеальнаго блаженства,
Какого всеу здѣсь хотимъ;
Но есть въ дѣлахъ людскихъ ошѣнки;
Добра мы не лишимъ ошѣнки,
И зло меньшее извинимъ.

*

А въ нашихъ обществахъ развращенныхъ
 Какихъ и гдѣ границъ искать?
 Вкуси часа два при пріятныхъ,
 И будь готовъ всю жизнь сражаться.
 Въ нашъ вѣкъ людей совокупленье
 Уже не радость, — а мученье:
 То месь, то мзда, вездѣ злой духъ.
 Корысть и зависъ міръ плѣнили,
 Путь состраданью заложили,
 Ни чей ему не внемлетъ слухъ.

*

Медвѣдь въ мерлоу потаенной,
 И шотъ проходимъ путь даешъ;
 И только голодомъ стѣсненной
 Добычу хищну увлечетъ,
 Зарѣжетъ въ мигъ, и черепъ вскрыетъ:
 Но духъ исчезъ, — ужъ пшваръ не поетъ. —
 А человекъ когда напалъ....
 Сперва легонько жертву ранилъ,
 Расправилъ язву — шамъ ширанилъ;
 Еще не сытъ — вонзилъ кинжалъ!

*

Распоргнувъ съ міромъ всѣ союзы,
 Готовъ я житьъ уединенъ;
 Меня нигдѣ не бросятъ Музы,
 А съ ними я вездѣ блаженъ!
 Вдали отъ шума, но въ природѣ,
 Въ глуши забвенной, но въ свободѣ,
 Не буду суешно, какъ здѣсь,
 Луча надежды ожидая,
 И скорби сущность ощущая,
 Въ мечтахъ перялъ разсудокъ весь.

*

О міръ! караль меня ты строга,
Любя сѣдинъ моихъ позоръ!
Душѣ извязленной столь много
Лишь Неба нуженъ пихой взоръ.
Когдажъ глаголь Его священный,
Столь страшный — вмѣстѣ столь блаженный,
Во мнѣ раздася: умирай! —
Тогда, исполнивъ злобы мѣру,
Забудь вражду, и вспомня вѣру —
Хоть гробу правый судъ воздай!!! —

РАЗСУЖДЕНІЕ

О ФАТАЛИТЕТѢ

СУДЬБѢ,

ВЗЯТОЙ ВЪ СМЫСЛѢ ФРАНЦУЗСКАГО
СЛОВА FATALITÉ, ПО ЛАТИНЬ (FATUM).

Еще для истины перо въ рукахъ держу,
И землю позабывъ, на небеса гляжу.

Судьбы на свѣтѣ нѣтъ! — все слѣд-
ствие причинъ,
И счастья (*) своего самъ смертный господинъ,
Всѣ лѣтописи насъ такъ мыслишь научили.
Колико тысячъ душъ въ подлунномъ мірѣ жили,
Которыхъ каждой шагъ и подвигъ показалъ,
Что случай лишь мечта, — все Промыслъ
учреждалъ.

Мы случаемъ зовемъ такое приключенье,
Которое нашъ смыслъ приводитъ въ изум-
ленье.

Событіе ли чужъ какое пронетъ насъ,
Судьбой его зовешъ общенародной гласъ;
За тѣмъ, что человекъ хопъ сплошъ себя
самъ губитъ,

Но въ томъ ни передъ кѣмъ признаешь онъ
не любитъ.

Куда ни кинемъ взоръ во множествѣ міровъ, —
На нашъли шаръ земной, иль выше облаковъ,
Во всемъ находимъ планъ, всему даны законы:
Небесныхъ и земныхъ огромныхъ тѣлъ миль-
іоны

Взаимной связью силъ вращаясь межъ собой,
Математической всѣ движущая чершой,
И цѣли миновать не могутъ непремѣнной,
Ръ которой правитъ ихъ Архитектонъ все-
ленной.

(*) Подъ словомъ счастья здѣсь разумѣется не поче-
сти, или иное какое внѣшнее возвышеніе, а мир-
ная и безмятежная совѣсть.

А естли допустимъ опважмся на часъ
 Слѣпаго случая вліяніе на насъ,
 Коль многое, чего умомъ не понимаемъ
 И часто осуждаемъ съ недѣлностью держаемъ,
 Напризу приписать свобода естества,
 Отвергнувши совѣмъ перстъ дивный Божества,
 Увы! какую мысль мы выкинемъ ужасну
 И въ хаосъ превратимъ подсолнечну нещасну!

Одно изъ двухъ великъ разсудокъ полагать,
 Или нечаянность, или умыселъ признавъ;
 Внезапности не лѣзя ни чѣмъ освободиться.
 Коль шакъ, — кудажъ ума работа вся годится,
 Гдѣ духъ предвидѣнья, съ которымъ я рожденъ,
 Гдѣ чувство мудрости, которымъ озаренъ?
 Откуда извлеку, безъ воли я свободной,
 Послупокъ мой благой, и помыселъ пегодой?
 Когда въ спрадасельномъ такомъ спѣсненіи я,
 Гдѣжъ добродѣтели и гдѣ вина моя?
 И какъ я соглашу, въ сомнѣньяхъ полнѣ теряя,
 Софизмы съ истинной взаимно побѣждая,
 Путь швердой и прямой Религіи моей
 Съ опасной и кривой случайности спезей? —

Естествоенное зло одно лишь неизбежно!
 Но естли спанемъ мы разсмапривать при-
 лѣжно,
 Откуда къ намъ оно лешимъ, какъ будшо
 вдругъ,
 Коль будемъ примѣчать животныхъ дѣйств-
 вѣй кругъ,
 Увидимъ, что и бѣдъ физическихъ начало
 Не рѣдко отъ самихъ отъ насъ произтекало.

Смерть ближнихъ и друзей такой для насъ
ударъ,

Какого нѣтъ сильнѣй между природныхъ каръ!
Сей Неба мечъ не новъ — равно всѣхъ по-
ражаетъ,

Въ пещерахъ заспаетъ, на пронахъ наспигаетъ.

Когда бы умиралъ одинъ на свѣтѣ я,

И всѣмъ переживать осуждено меня,

Тогда бы приговоръ столь грозной надъ собою

Имѣлъ я право счесть единственной судьбою;

Но видя общій долгъ, жить съ тѣмъ, чѣмъ
умирать,

Разсудокъ ропотъ злой обязанъ усмирять.

За чѣмъ же, скажутъ мнѣ, потъ вовсе не
поскуетъ

И свѣжъ, какъ твердой дубъ, лѣтъ за сто
существуетъ;

Другой, въ недугахъ весь, шапается какъ
спѣнь,

И дышетъ, такъ сказать, на ладанъ вся-
кой день?

Спросите у себя, — причину совѣсть скажетъ;

Не случай вамъ, — а грѣхъ вашъ собствен-
ной укажетъ.

Благоразумія совѣмъ забывъ уславъ,

И пламеннымъ спрасямъ себя на жертву давъ,

Живутъ ли люди такъ среди расплаина свѣта,

Чѣмъ мирно прошекли опредѣленны лѣта?

Чего не дѣлаешь безумной человекъ,

Чѣмъ язвами покрывъ и самой крапкой вѣкъ?

И внѣ и внутренно сожженные спрасями,

Недуги на себя мы возлагаемъ сами,

И часто въ мукахъ злыхъ безвременна конца

Вопще клянемъ судьбу, вопще винимъ Творца.
 Природа всѣхъ равно раждаетъ къ наслажденью,
 А разумъ положилъ предѣлы упоребленью.
 Живописной механизмъ одинъ во всѣхъ шѣлахъ:
 Тѣхъ слезы бьютъ изъ глазъ, улыбка плахъ
 въ устахъ;

Но потъ лишь, кто собой искусно самъ вла-
 дѣетъ;

Въ спокойствѣ, въ тишинѣ вѣкъ долгой жить
 умѣетъ, —

Полезно для себя, безвредно для другихъ
 Естественную нить кончаетъ дней своихъ,
 И смертию къ небесамъ изгладивши посред-
 ство;

Потомкамъ чисту кровь передаетъ въ на-
 слѣдство;

Рѣшительно сказать, — физической сей свѣтъ
 Не есть случайности спорадической предметъ,
 Но Творческой руки онъ трудъ неизреченной;
 Все планъ въ немъ, — все законъ, — поряд-
 окъ совершенной.

Возможно ли за симъ несправедливо мнить,
 Что нравственны бѣды должны происходить
 Отъ случаевъ слѣпыхъ, неправильно теку-
 щихъ;

Одну другой во слѣдъ всѣ участи влекущихъ?
 Нѣтъ, нѣтъ, не можешь быть! — Отъ фи-
 зическихъ золъ

Коль часто насъ спасти удобенъ произволъ!
 Тѣмъ болѣе опвестъ моральныя напасти
 При помощи Творца конечно въ нашей власти.
 Погрѣшности свои приписывать судьбѣ

Есть, по проспекту сказать, пошворствовашь себѣ.
 Мы всякую хотимъ свою неоспорожность
 Оправивъ, приводя предлогомъ невозможность;
 Но взглянемъ на себя не въ шуское стекло:
 Возвращаю кб намъ всегда приходишь наше
 зло. (*)

Такъ точно, какъ земля горячи испаренья
 Туманомъ гонитъ вверху въ воздушныя се-
 ленья;

И образу шамъ сводъ облачной густой,
 Низводитъ ихъ въ себяжъ громовою спрѣлой. —
 Судьба ли, на примѣрѣ, бываетъ виновата,
 Когда опъ моповспва домъ барина богата
 Изъ храма всѣхъ суесть мгновенно иногда
 Преображается въ пустыню навсегда?

Судьба ли шо пворитъ, что люди молодые,
 А часто видимъ мы и очень пожилые,
 Безъ памяти влюбясь, такой свершаютъ бракъ,
 Которой щаспья дасть не можетъ имъ никакъ? —
 Судьба ли, а не гибъ, родитъ кровавы брани,
 Даеъ герою духъ и укрѣпляетъ длани?
 Судьба ли, не корысть, несетъ чрезъ океанъ
 Ошважнаго пловца съ богатствомъ разныхъ
 странъ?

Судьба ли, на конецъ, даеъ успѣхи мести,
 Коварству поржесиво, удачу горькой лести,
 И нынѣшнихъ сердецъ, умовъ, связей раздоръ
 Кб судьбѣ ли отнесемъ уму на перекоръ?
 Или, подобно тѣмъ повѣпріямъ повальнымъ,
 Гнилаго воздуха вліяніямъ печальнымъ,

(*) Зло значить здѣсь не преступленіе одно, а
 всякую погрѣшность, вредъ, ошибку. —

Которыя родящъ въ насъ временной недугъ,
 Спихиямъ опдадимъ вину своихъ прослугъ?
 Уже ли съ воздухомъ вдыхаемъ заблужденья,
 Упрямство, гордость, гнѣвъ и кляшвы пре-
 скупленья? —

Съ стыдомъ признайся намъ долгъ совѣсни
 величъ,

Что все, чѣмъ насъ судьба (какъ всѣ твер-
 дящъ) разитъ,

Большою часицею, по справкѣ самой вѣрной,
 Есть плодъ безпечности, иль дерзости без-
 мѣрной.

Какъ часто, покорясь владычеству спрасней,
 Не смѣя разорвать ихъ пагубныхъ сѣтей,
 Оспоривъ жарко шму полезныхъ доказа-
 тельствъ,

Безъ умолку винимъ стеченье обстоятельствъ!
 Неправда, — мы одни виною нашихъ бѣдъ!
 Соблазнамъ проложивъ свободной къ сердцу
 слѣдъ,

Балуя всякой день изиѣженныя чувства,
 Порывъ ихъ удержавъ лишаемся искуства,
 И только лишь тогда прочистимъ мы глаза,
 Когда надъ головой виситъ уже граза. —

Не рѣдко спраждемъ мы за истину
 свящую,

И наглою клеветникъ подноситъ чашу злую;
 Не рѣдко власпелинъ, оспая правды путь,
 Обманувъ, — вноситъ мечъ на неповинну

грудь:
 Бываетъ! — Но и шутъ, сообразясь прилѣжно,
 Найдешь плоды своихъ ошибокъ неизбѣжно.

Витѣ честь и правота имѣють свой предѣлъ;
Шагни черезъ него — и въ пропасть по-
шлѣ!

Уму покорна бытъ должна и добродѣтель;
И всеу слабый мужъ зовется благодѣтель.
За пазухой змѣи опинюдь не согрѣвай;
Иль ею уязвленъ, не на судьбу пѣнай:
Къ злодѣю пропаянувъ спасительную руку,
Мы сами отдаемъ себя на вѣрну муку.
Безъ собственныхъ опоръ нечестье обличать,
По слову *Павла*, есть противъ рожна лишь
прасть;

Не къ мѣсту, кто велитъ съ богатыми рав-
няться,

И карлу кто зоветъ съ богатырями драться.
Издвеле начерпалъ сей нравственной законъ
Изящной мудрости учитель Соломонъ.

Тотъ бѣдствовать всю жизнь въ живопи-
снѣ мірѣ будетъ,

Кто политическихъ силъ шажетъ позабу-
детъ;

Ихъ равновѣсіе полиножъ нужно намъ,
Какъ ровной воздухъ всѣмъ необходимъ шламъ.
Я слышу часто вопль, — такого - то убили,
А рядомъ съ нимъ того злодѣи пощадили;
Какой же это рокъ? — Тутъ вѣдома вина:
Ружейному стволу препорція дана;
А воздухъ и огонь въ немъ сжаты, мгновенно
Въ ту точку пулю шлѣтъ, гдѣ пасть ей
непрѣмѣнно.

Мы знаемъ, что стрѣлокъ, досадою горя,
Стрѣляетъ иногда, какъ говорится, зря;

Въ рукѣ лишь только махѣ — ударѣ въ цѣль
самѣ несется :

Физической законѣ нигдѣ не прошибется.
А сверхѣ того ты зналъ, скакавши на войну,
Когда покинулъ домѣ, родѣ, племя и жену,
Что тамѣ не каршы въ банкѣ — изѣ пушекѣ
ядры мечущѣ;

И вмѣсто нѣжныхѣ ласкъ, иль бьютѣ, или
увѣчуютѣ, —

За чѣмѣ же ты пошелѣ? — Взманилѣ высо-
кой чинѣ.

Не могѣ спокойно жишѣ, какѣ мирной граж-
данинѣ;

А послѣ, разсердясь, винишѣ судьбу спалѣ
спрогу

За то, что лѣкаря пилишѣ велѣли ногу.

Вопшѣ все и колдовство — чудеснаго шумѣ
нѣтъ;

Порядокѣ естества таковѣ же старѣ, какѣ
свѣтъ;

И все разочнено, что дѣлается въ мирѣ,
До дня послѣдняго, какѣ дважды — два — че-
тыре. —

Я знаю, что къ себѣ не лѣзя такѣ спро-
гу быть;

Чтобѣ каждой въ жизни шагѣ отѣ зла пред-
охранить;

Что тѣсно съ суею срослися человекѣ,

Намѣ истину сію свидѣтельствуютѣ вѣки;

Но только лишь о томѣ веду здѣсь разговорѣ,

Что сами мы свой грѣхѣ зовемѣ къ себѣ на
дворѣ.

Естественно весьма всему тому дивисься,
 Что недовѣдомой причиною шворится. —
 Мы чувствуемъ ударъ — и первой сердца гласъ
 Есть ропотъ на судьбу, карающую насъ.
 Просимъ сіе души невольное движеніе;
 Но время приведетъ на мысль соображеніе:
 Тогда, со всѣхъ споронъ объявъ свою напастъ,
 Все вспомня, осмоля и давъ разсудку власть,
 Найдемъ, что въ чемъ нибудь мы долгъ свой
 проронили,

Или завременно себя не ополчили

Прошивъ моральныхъ пучъ всей массою пѣхъ
 силъ,

Которыми Творецъ на подвигъ насъ снабдилъ.
 На стражи будь всегда, всечасно озирайся,
 Всей крѣпостью души въ лукавы дни мужайся!
 Отъ дѣйства можешь быть причина далека;
 Не все потчасъ и вдругъ бьетъ сильная рука.
 Лѣтъ за двадцать назадъ готовились печали;
 Зародышъ ихъ отъ насъ, но мы не примѣчали,
 И по тому все то судьбою нарѣкли,
 Чего догадкой мы постигнуть не могли.

Какъ будто чудомъ звать обязанность имѣемъ
 Все то, чего началъ извлечь не разумѣемъ;
 Такъ почто, какъ мужикъ, бросая къ небу взоръ,
 За чудо изъ чудесъ считаешь метеоръ. —

Избави меня Богъ помыслишь пакъ без-
 божно,

Чтобъ было что нибудь *Еговъ* невозможно! —

О! исповѣдую всей мыслью и душой,

Что Тотъ, Кто сотворилъ сводъ неба на-
 до мной,

Кто солнцемъ обогрѣлъ пвердыню поднебесну,

Звѣздами и луной содѣлалъ ночь прелесну,
 Кѣмъ пшарьми насѣлилъ вселенной широу,
 Цвѣтами испестрилъ всю сельну красоу,
 Кѣмъ бездны умирилъ, ярящіеся шокі,
 Временѣ устанавилъ движеніе и сроки,
 Чья сильная и тажѣ всемогущая рука
 Орлу создавъ крылѣ, сложила паука,
 И словомъ, — Тѣмъ, Кѣмъ духъ свой вдунулъ въ
 человека;

Тѣмъ возлюбя его съ начала вѣка,
 Чѣмъ Сына Своего на муки осудилъ,
 Дабы крестомъ весь родъ Ошѣ смертныхъ иску-
 пилъ:

Сей, всѣхъ существъ Господь, Творецъ оду-
 шивленья,

Всечасны силенъ намъ являть чудотворенья.
 Я вѣрую сему, какъ неключимой рабъ;
 Но былъ бы я умою и духомъ слишкомъ
 слабъ,

Когдабъ на свѣтѣ все, со мной что ни слу-
 чилось,

Чѣмъ сердце ошѣ вины моей же огорчилось,
 Приписывать хотѣлъ къ нечаяннымъ судьбамъ,
 Или гадашелей ко мнимымъ чудесамъ.

Спокрашно повторю — добро и зло извѣстно.
 И гдѣ же подвиги, коль въ мірѣ все чудесно?
 Когдабъ подумалъ я, что мнѣ назначенъ рокъ,
 Что я родился бытъ или добръ, или жестокъ,
 Что учась мнѣ дана, и какъ бы оспорожно
 Ни велъ себя — ее избѣгнушь не возможно;
 Тогдабъ осталось мнѣ лишь только пить и
 бѣсть,

И плоти послужа, сложивши руки събѣсть

Какъ испугану, ждашь бездѣйственно могилы
Въ томъ часъ, какъ изойдуть всѣ жизне-
нныя силы.

Ахъ, нѣтъ! я не могу такъ думать о себѣ;
Предубѣдительною покорснвуха судьбѣ,
Я дѣйствовашъ рожденъ — и дѣйствовашъ по
волѣ.

Творецъ на выборъ намъ назначилъ разны
доли;

Зависитъ отъ меня — такъ почто отъ меня —
Быть добрымъ и худымъ, судьбины не вина.
Философы вообще съ ума насъ только сводятъ
И въ дѣйствіе ума шемпераментъ приво-
дятъ;

Напрасно говорятъ, что выпуклостью лба
Прообразуется и нравъ нашъ и судьба;
Что мы родимся быть или крошки, или пираны,
Смотря, какія въ насъ подъ черепомъ органы;
Къ чему весь эпитъ вздоръ разспроенныхъ
умовъ,

Затянувшихъ узломъ вещественныхъ оковъ?
Что могутъ плоть и кровь надъ сильною ду-
шою,

Противъ ихъ мятежа всегда готовой къ бою?
Творецъ намъ покорилъ не пигровъ лишь
однихъ;

Онъ силу побѣждаетъ намъ далъ себя самихъ.
Раскинувъ бытія пространнѣйшу картину,
Далъ смыслъ уразумѣть въ немъ всяческимъ
причину,

Проникнувъ научилъ всѣ тайны естества,
Поспигнувъ разныхъ тѣлъ животныхъ суще-
ства.

Внутри сердца вкоренилъ безсмертъя сладко
чувство ;
Дѣятельность уму, рукамъ Онъ далъ искусство;
И я ли, персти горсть , какъ пѣкій лютой
врагъ
Дерзну послѣ такихъ неизреченныхъ благъ
Помыслишь, что весь міръ , что человекъ съ
душою ,
Водимый къ пропасти какою - то судьбою ,
Что случай лишь меня шуда, сюда влечетъ,
Что небо и земля, — все незначай печетъ?
Обманъ! — Не могъ Творцемъ создаться безъ
разчета (*)
Не только цѣлой свѣтъ — ниже одна Юга!

Всевышній ! — Ты явилъ и въ рай и въ
адъ пуши ;
Дай силу совѣсти по первому идии ,
На намъ Вѣры спавъ! Пошщимся мы въ пе-
чалѣхъ
Глубоко начерпавъ на умственныхъ скрыва-
лѣхъ
Урокъ Спасителя , идущаго на спрасть :
Бди крѣпко — и молись. — да не впадеши въ
напасть !

(*) Слово разчетъ должно принято быть здѣсь не
въ одномъ числительномъ смыслѣ, а въ разумъ по-
мѣренія, цѣли, закона.

НА РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

НА ИМЯННОЙ УКАЗЪ

о дачѣ женамъ убитыхъ въ арміи Шпабъ и-Оберъ-
Офицеровъ пенсіоновъ, состоявшійся Августа 30
дня 1799 года.

Идите, воины, на брани,
Животъ несите за Царей!
Къ оружію просрите длани,
Покиньте дома женъ, дѣтей!
Щасливый вѣкъ! — блаженно время! —
Съ васъ всѣхъ заботъ слагаетъ бремя
Россіи Царь, ея Отецъ!
За швердосъ въ подвигахъ подвѣшыхъ
Въ щедротахъ Павла пребогашыхъ,
Вамъ неба воздаетъ Творецъ.

*

Геройски вдовы ужъ не будутъ
Ходить за хлѣбомъ по дворамъ,
Уничженіе забудутъ,
И кляшвъ не изрекутъ Богамъ;
Склоня къ нимъ взоръ благоутробный,
Примѣръ щедроты безподобный
Съ Престола Павелъ показалъ:
Вдовства печали улаждая,
Мужей ихъ вѣрность награждая,
По смерти имъ жалованья далъ.

*

Гражданъ на брани убіенныхъ
 Невинны, сирые пшєнцы
 Почпущъ опцевъ имъ драгоцѣнныхъ
 Побѣдоносные вѣнцы;
 Они не возрыдающъ болѣ,
 Взростущъ въ благополучной долѣ;
 Объ нихъ всечасно Царь болишь;
 Онъ имъ опцевъ ихъ замѣняешь,
 Опъ ига бѣдности спасаешь,
 Онъ ихъ возводишь и хранишь.

*

И ты, вдова! лишаєсь супруга
 Въ поляхъ спраны тебѣ чужой,
 Оплакавъ смернь вѣрнѣйша друга,
 Забуди о себѣ самой!
 Приди въ Опечєство драгое,
 И Павла имя чини благое;
 Онъ пущъ тебѣ въ него опкрыль.
 Его казна — швое богашество.
 Познай судьбы швоей прѣшество;
 Тебя сугубо наградишь.

*

Хвалише Бога, Россіане!
 Еще Онъ не оставилъ васъ,
 И имя Павла, сограждане,
 Прославъше всюду всякой часъ!
 Доколѣ милость имъ владѣеть,
 Ни въ чемъ онъ вѣкъ не оскудѣетъ;
 Ему дастъ Богъ — и дастъ сто кратъ!
 Любовь къ нему въ васъ преизбудетъ;
 Не златомъ лишь однимъ онъ будетъ —
 Сердцами подданныхъ богатъ.

*

Избавишь нища и убога
Отъ расхищающихъ его,
Се пѣ слава, Царь, тебѣ дорога!
Се свойства сердца твоего!
Будь крошкѣ, Павелъ! долги вѣки!
Тебѣ подвластны человеки
Люби, щади и возвышай!
Господь тебя да назидаетъ,
Да вся вселенная вѣщаетъ:
Гдѣ крошется царствуетъ — тамъ рай!

НА ИМЯННОЙ УКАЗЪ

О КАРТОЧНЫХЪ ИГРАХЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ
АЛЕКСАНДРА I.

Хвала и честь тому Царю,
Который нравы исправляетъ
И неумѣренну игру
Указомъ спрогимъ запрещаетъ!
Игра ничто иное есть,
Какъ способъ (въ точномъ смыслѣ слова)
Пріятно часъ, другой провести,
Коль нѣтъ занятія иного.

*

Но зло вездѣ проложитъ слѣдъ.
Игра теперь уже выходитъ
Источникъ самыхъ тяжкихъ бѣдъ:
Она до крайности доводитъ;
Игроку не рѣдко въ крашкѣ мигъ
Всего лишается въ азартѣ (*);
И сколько есть домовъ такихъ,
Гдѣ весь насущной хлѣбъ на картѣ!

*

Искусство, коимъ человѣкъ,
Невоздержанью спроя бѣдство,
Прожитъ на счетъ другаго вѣкъ
Нашелъ легчайшее средство —

(*) Слово у игроковъ весьма употребительное, которое и техническимъ у нихъ назваться можетъ.

Обманъ, которымъ иногда
 Вельможа съ самымъ низкимъ збродомъ
 Готовъ безъ всякаго стыда
 Чужимъ пошѣвшись доходомъ.

*

И мы хотимъ, чтобъ прошивъ насъ
 Суровыхъ мѣръ не принимали!
 Дай воли мигъ — и мы потчасъ
 Какъ дикі козы забрыкали.
 Для безразсудныхъ воли нѣтъ.
 Благоразумная свобода
 Изъ дѣлъ познать себя даетъ
 У просвѣщеннаго народа.

*

А съ каршой лечь и съ каршой встать
 Подъ видомъ время провожденья,
 Дабы взманишь и обыграть,
 Есть плодъ послѣдня развращенья.
 Игра всегда родитъ задоръ,
 Задоръ разсудокъ ошлучаетъ,
 А безъ него начнется вздоръ,
 И добродѣтель исчезаетъ.

*

Хвала тебѣ, Россійскій Царь,
 Блюститель нравовъ на престолѣ!
 Гдѣ врагъ пороку Государь,
 Тамъ всѣ живутъ въ щастливой долѣ.
 Гдѣ зло не можетъ силы взять,
 Тамъ Царства твердаго примѣша!
 Славный народъ свой исправлять,
 Чѣмъ всѣ плѣнишь предѣлы свѣща!

НА ОСВОБОЖДЕНІЕ КНЯЗЯ СИБИРСКАГО.

Le crime fait la honte et non pas l'excusé.

Когда любимцы Музъ едиными устами
Возшедшаго Царя вѣнчаютъ похвалами,
И зря къ себѣ щедротъ небесныхъ въ Немъ
залогъ,
Въ Россіи вопіють: „Благословенъ нашъ Богъ!“
Сколь истинный воспоргъ всѣмъ сердцемъ
ощущая,
Соотчичей моихъ блаженство раздѣляя,
Не силенъ чувствъ моихъ спихами показашъ
И въ нихъ до высоты престола достигаешъ; —
Но сердца моего послѣдуя движенью,
Вездѣ готовъ воздаешъ хвалу благотворенью.
Не пышностью душа моя восхищена;
Лишь милостыми Царей пищается она.
Сибирскій! — паки Князь — свободенъ, и
возславленъ...
Да будетъ АЛЕКСАНДРЪ сугубо симъ про-
славленъ!
Что можешъ слаще быть для добраго Царя,
Какъ, всюду вокругъ Себя Собою спасенныхъ зря,
Погибшихъ возводишь — оковы рвать съ не-
щастныхъ —
Открыть къ Престолу путь вздыханіямъ под-
властныхъ?
Не шипломъ Царь великъ — но крошечкою ду-
шой;

Не войскою онъ могущъ — но подданныхъ
судьбой.

Порфирой всѣ Цари между собою равны;
Но Тимъ и Антонию равноль съ Нерономъ
славны?

Ахъ, нѣтъ! — Монарховъ мы изъ дѣлъ
ихъ познаемъ:

Жестокимы плашимъ дань — благимъ сердца
даемъ.

Сибирскій! позабудь судьбы опягощенье!
Вольперъ сказалъ: „не казнь поносна — пре-
ступленье.“

Ты сердца своего невинность сохранилъ,
Порочнымъ поржествомъ ума не ослѣпилъ.
Узнавъ швой бѣды, швой ближній содрогнешся,
Всеобщій гласъ тебя съ почтеніемъ коснется.
Ты дома — близъ тебя швой искренній —
родной

И мщенья не виситъ мечъ острый надъ головой.
Проникни, Князь! молву послѣдня гражданина;
Кого изъ нихъ швоя не пронула судьбина? —
Свобода, — даръ Небесъ, на вѣки швой удѣлъ:
На шронъ **АЛЕКСАНДРЪ** — невинной будетъ
цѣль!

Нигдѣ достойной мзды не шрапитъ добродѣ-
тель;

Въ черпогахъ и въ шюрмахъ — вездѣ ей
Богъ свидѣтель.

Сколь подвиговъ знаменитъ сошпницы швоей!
Какою похвалою воздашь удобно ей? . . .

Прости, почтенный Мужъ, коль тайну оп-
крываю;

Восшорга моего въ себѣ я не вмѣщаю,

Геройствомъ швердыхъ душъ единственно
плѣненъ.

Колико бы я былъ природой награжденъ,
Когдабъ любви прямой я жертву сполько цѣнну
Достойно воспрубить умѣлъ во всю вселенну! —
Ты плачешь. . . . ахъ! слеза, сей первый
вѣспникъ чувствъ,

Изъ сердца глубины влечется безъ искусствъ;
И въ радостяхъ она — онажъ и въ оскорб-
леньи

Смущенныя души являетъ всѣ движенья! —
Упѣвшись, все прошло; Богъ тучи разогналъ!
Въ швоемъ, во всѣхъ сердцахъ день мира
воасіялъ!

Надежда, смертныхъ всѣхъ опрада сокровенна,
Которою живетъ и движется вселенна,
Надежда намъ сулитъ спокойство тихихъ
дней.

Дай Богъ! (швержу спократъ отъ всей
души моей)

Чтобъ крошостью во вѣкъ подобенъ былъ
огнинынъ

Нашъ Первый АЛЕКСАНДРЪ Второй Екате-
ринъ!

ПОСЛАНІЯ.

~~~~~

Кн. Гр. Сем. Волконскому.

~~~~~

Ипашъ широкихъ спранъ! внемли мои
два слова!
Волконской! я въ тебѣ зрю барины прямова,
Какими въ спарину бывало иногда
Россійская спрана любила бытъ горда!
Ошечеству служишь ты долгомъ чпилъ лю-
безнымъ;
Куда ни кликнешъ Царь, спѣшишь шамъ бытъ
полезнымъ;
Всевышняго рукой на подвигъ укрѣпясь,
Въ день брани ты герой — въ день мира
доброй Князь.
Чалма швой юный жаръ еще не забываетъ,
Уралъ и Донъ швой сѣдины прославляетъ;
Козакъ, Башкиръ, Калмыкъ въ глаза тебѣ
глядятъ:
Ты съ ними богатырь, — подъ часъ и ди-
пломатъ.
Ни ленты, ни чины швоей не высятъ славы;
Гордишься ими шомъ, для общей всѣхъ забавы
Ному кидаетъ ихъ по дюжинѣ въ надѣлъ
Фортуна безъ очей, проказливой поспрѣлъ:
А ты свой каждой крестъ, свой каждой шагъ
въ гражданствѣ.
Иль кровію спяжалъ, иль вѣрностью въ
подданствѣ.
На совѣсти швоей пятна мздоимна нѣтъ,
И пенязей къ тебѣ не сыплютъ въ кабинетъ;
Часть I. И

Ленціягъ и шалуновъ не возишь за собою;
 Не шерпишь у себя каршежнаго разбою;
 Но роскоши плаща дань должную и самъ,
 Порою, говорятъ, угащиваешь дамъ;
 Уфа и Оренбургъ въ твои воински залы
 Съ Московскимъ щегольствомъ свѣзжаются
 на балы;

Привѣпливосшь ко всѣмъ усердиѣ ты казашъ;
 Къ заочнымъ неаѣниѣ на письма отвѣчаешъ;
 Не мнишь унизишь нѣмъ ни сана, ни породы,
 Когда употребишь мгновенье свободы
 На то, чѣобы законъ учтивства сохранить:—
 Чинъ права не даешь ни съ кѣмъ неѣждой быть.
 Храмъ Божій для тебя есть горнее селенье,
 Въ которомъ ты, забывъ мірское обольщенье,
 Духовною къ Творцу любовію горя,
 Въ воспоргъ въ неѣ весь, блажишь Царей Царя.
 Ты всю свою спрану къ наукамъ пріучаешь,
 Встаешь до пѣтуховъ, и самъ списки читаешь,
 Не думая, какъ тыма полубоярѣ пустыхъ,
 Чѣо будѣо пользы нѣтъ для общества оѣиъ нихъ.
 Словесности любя и разумѣя цѣну,
 Сумбурщицей не чѣишь въ Расинѣ Мельпомену;
 И, — Таліи познавъ въ Мольерѣ красоты,
 Піишовъ любишь ты волшебныя мечны.
 Ты высшую хранишь умѣешь добродѣтель, —
 Тобою не забытъ ни другъ, ни благодѣтель;
 До нынѣ помнишь, Князь, мою спарушку мать
 За то, чѣо вмѣстѣ съ ней учился ты чѣпашъ,
 Родителей ея въ семействѣ воспитался,
 И лаской спариновъ какъ сынъ обогащался:
 Разительной примѣрѣ и правды той залогъ,

Что кровь даетъ родныхъ, а пастырь
 шлетъ Богъ.
 За то по смерти и мы будемъ незабвенны.
 Поршреть пивой и шулупъ (*), какъ даръ не-
 оцѣненный.

Довольно! — все сказалъ, что думалъ
 ужь давно

Краснѣли мои стихи, иль нѣтъ, мы все равно,
 Лишь толькобы ты проникъ мой глубоки
 чувства

И вѣрилъ, что я ихъ повѣдалъ безъ искусства.
 Еще, когда бы ты былъ близко у Двора,
 Фелицы Внука зрѣлъ севодни и вчера,
 Я можешь быть тебѣ, придворнымъ подражая,
 И былъ и небылъ плелъ, хвалами изумляя;
 Но что изъ сихъ господъ закинетъ вдругъ
 свой взоръ

Сольдинъ Невырѣки на верхъ Рифейскихъ горъ?
 Яльспить неприученъ ни Музой, ни природой;
 Что чувствую, — пишу, и съ полною свободой.
 Въ Отечество мое и что чинилъ меня,
 Тотъ знаешь, что нельспить и просто-
 душенъ я.

Пишомъ никогда въ потомствѣ не воскресну,
 Въ архивахъ изопирусь, — но съ зависти не
 пресну,

И тѣмъ вознагражу подѣ старость я себя,
 Что чинилъ умѣлъ добро, и съ нимъ воспѣлъ
 тебя.

(*) Князь прислалъ мнѣ въ подарокъ поршреть свой
 и прекрасной Азіатской шулупъ.

Оспавя чesнь другимъ, познавшимъ ключъ
 науки,
 Со мной далеко раздавать пріятныхъ пѣсенъ
 звуки
 Хочу, чтобы языкъ чужой о мнѣ не рекъ:
 Онъ славной былъ пиитъ, но подлой человѣкъ.

Будь здравъ, почтенный Князь! живи дол-
 жайши годы,
 Мужайся на спезъ достойной той породы,
 Которая тебѣ дала свои черпы! —
 Подъ кровомъ Неба помѣ, кто дѣйствуетъ
 какъ ты!

НѢЩАСТНОЙ КРАСАВИЦѢ.

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плѣнявшая въ свой вѣкъ берега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я опшеляницею нынѣ,
Безъ друга, безъ родни, опчаянну въ пустынь,
Куда, чѣмъ испытать послѣднюю напасть,
Не вѣра привлекла — обманушая спрасъ?
Гдѣ дѣлась красота, гдѣ дѣлся видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва ли кому извѣстный,
Которымъ Божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чѣмъ Ему подобилося ты?
Что спалося съ твоей осанкой горделивой,
Сей вывѣской души невинной и щасливой?
Кто жаломъ оспрымъ стеръ, подобно злой
пчелѣ,

Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Полухъ всегущій взоръ и пламенные очи
Померкли какъ звѣзда въ туманахъ шем-
ной ночи!

Прелестны тѣ успа, гдѣ вся любви краса
Въ опверспы нѣжномъ ихъ вмѣщала небеса
И каждымъ словомъ духъ въ восторгахъ изу-
мляла,

Безмолвная печать на вѣкъ ихъ нынѣ сжала!
Куда ушли полпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣгущихъ за побой искашь злыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опушывала любила,
Когда не сердцемъ ихъ, улыбкой лишь дарила?
О время! ты лешишь, и пѣшь тебѣ преградъ!

То рай намъ на пучи, поспрашый нажешь адъ,
 Блаженство и бѣда, печаль и восхищенье, —
 Все случаевъ однихъ различное спеченье.
 И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,
 Плашила дань спраспямъ и чувственно жила!
 Чье сердце противъ лзвъ судьбы жестокой
 швердо,

Коль Богъ попустилъ ей насъ гнать немило-
 сердо?

Какъ кормчій, въ пророщникахъ увязнувши съ
 ладьей,

Изыскиваетъ путь за легонькой спруей,
 Чтوبъ ея чистыхъ водъ пробишься на средину,
 Далеко за собой оставивши пучину, —
 Такъ силился пвой умъ изъ омуша суетъ
 Прочистишь сердцу путь и выдти съ нимъ
 на свѣтъ;

Но бѣдной одолѣть свой рокъ сколь ни спре-
 мился,

Погибъ — и наконецъ всѣхъ дѣйствій онъ
 лишился.

Что дѣлать безъ ума? — Жизнь — мука;
 свѣтъ — хаосъ;

Не внемлется совѣтъ, не спрашенъ гласъ
 угрозы.

Готовъ уже пвой спракъ, звенящъ неволи узы,
 Весь свѣтъ распоркъ пвой общественны союзы;
 Бѣги опъ міра прочь — опрется онъ тебя,
 И ближній пвой въ тебѣ не зривъ уже себя!
 Иди тянуть свое дыханіе въ пещеру.
 О еопъли бы ты щамъ облобызала вѣру,
 И сладости ея внутрь сердца ощутивъ,
 Когдабъ могла познать, сколь духъ ея правдивъ!

Но могутъ ли вмѣстѣ ея дары священны
Померянная мысль, разсудокъ помраченный?
Куда же, естли смерть себя заставишь
ждать,

Дѣвась, дни свои плачевные скончашь?
Безъ мира въ мѣрѣ живъ несносно! Скрышь-
ся въ кельи;

Тамъ челки замѣняшь алмазны ожерельи:
Такъ думалъ, посмотрѣвъ я съ жалостью на шу,
Которой славилъ въкѣ прошедшій красоту;
Вздыхнулъ и поропталъ. — На чпожъ намъ
дарованья,

Художествъ и наукъ полезныя познанья,
Когда не бережетъ Напура ничего?
Тоскуй, сѣдѣй, умри — и вошъ предѣлъ всего!
Разсудокъ мой вздрогнулъ. Чпи Вѣчнаго законы,
Паси въ сѣняхъ овецъ, или садись на троны,
Остерѣ будь, или шупъ, аплетъ, или
дряхалъ и слабъ —

Ты узникъ естества, тинулъ пвой — Божій
рабъ, —

Сынъ персти, крупный червь, мяшущійся
всечасно,

Въ копоромъ и добро не вовсе безопасно.
И слѣдуешь ли намъ опшоль, что давимъ
пварь,

Топчасъ и заключишь, что мы надъ нею царь?
Ошкуда человекъ на гордосшь права хочетъ?
Царь съ скипшромъ, а Парфенъ съ сумой
равно хлопочетъ.

Ничто здѣсь не для насъ; мы сами для шого,
Чшобъ цѣпъ кольцомъ связашъ пворенія всего.
Саводни шы воспокъ и западъ покоряешь,

Сегодни ты моря судами покрываешь ;
 А завтра какъ нибудь, и не спросясь тебя,
 Живописный механизмъ разспроишь чуть себя,
 То дурь швою всѣхъ Царствъ умы не сладяшь
 справишь ,

И надобно тебя въ безумной домъ отправить.
 Почто же ты, какъ кедръ, вздымаешь дерзкій
 лобъ ,

Когда Деспотъ и Негръ въ одинъ ложатся гробъ?
 Когда шотъ и другой, по дѣйствию природы,
 Трепещущъ иногда малѣйшей непогоды?

О истина! тебя все намъ познать великъ —
 И благо лишь тому, кого Господь смирилъ!

ЩАСТЛИВОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ainsi de ses beaux jours parcourant la carrière
L'homme qui pas à pas a suivi son devoir
Tranquille le matin, et tranquille le soir
S'endort comme l'enfant sur le sein de sa mère.

Блаженъ , кто самъ въ себѣ умѣетъ
Свое спокойствіе находить !
Блаженъ , кто съ волей ночь имѣетъ
Спроснямъ предѣлы положишь !
Кто все , чѣмъ пышный міръ гордится ,
Снискавъ поспыдносью не льстился ,
Кто любитъ Бога , правду , честь ,
И смѣлы взоры на лукавыхъ
Равно бросаетъ , какъ на правыхъ ,
Кому не спрашна злобы мести !

*

Чего , чего ему боишься ?
Съ нимъ Богъ , съ нимъ истина Его ;
Какихъ напастей утрачашься ?
Предъ нимъ сѣшь міра — ничего.
Онъ нища , сира не обидѣлъ ,
Онъ ближня не возненавидѣлъ ,
Свое чужимъ не умножалъ ;
Подобно шигру разъяренну ,
Въ лѣсу на аглицѣхъ усремленну ,
Людей безсильныхъ не терзалъ.

*

Женой, по сердцу имъ избранной,
 Безъ лицемѣрія любимъ;
 Семей, отъ Бога низпосланной,
 Въ масшпной спароспи хранимъ.
 Когда дѣпей онъ поучаетъ,
 Софизмами не обольщаетъ;
 Одну лишь правду имъ швердитъ:
 Она изъ устъ его рѣкою,
 Сильна, важна, сама собою,
 Безъ краснорѣчія, разитъ.

*

Какія случаевъ премѣны
 Его способны колебать?
 Какія мелкихъ душъ измѣны
 Его возмогутъ огорчать?
 Онъ знаетъ то, что свѣтъ сей Богомъ
 Для добродушныхъ данъ залогомъ
 Его безчисленныхъ щедротъ,
 Которыхъ шотъ, кто въ немъ спокойно
 Препроводилъ свой вѣкъ достойно,
 Въ раю богатый взыщеть плодъ.

*

Онъ знаетъ то, что въ сей юдоли
 Творецъ назначилъ два пути,
 Что непремѣнно въ нашей волѣ
 Любимъ изъ нихъ изъ двухъ идти.
 Одинъ наполненъ красотами,
 Усыпанъ нѣжными цвѣтами:
 Иди, рѣзвись — и адъ встрѣчай;
 Другой сквозь мрачныя долины
 Отвсюду нажесть злы спремнины:
 Иди, терпи — и виидеши въ рай.

*

Игрушки міра и наряды,
 Изъ коихъ бьются цѣлой свѣтѣ,
 Суешь мечтательны награды
 За самой низкой чести умѣ.
 Все здѣсь и плѣнно и не вѣчно,
 И смѣхъ и горе скоропечно;
 Поспигнетъ смерти люпытъ часъ:
 А тамъ какъ не съ чѣмъ появишься!
 Сюда не лзя ужъ возвратишься,
 Чтобъ добрыхъ дѣлъ собрать запасъ.

*

Любви, сей пагубнѣйшей спраси,
 Посредствомъ коей человѣкъ
 Слезамъ не рѣдко и напаси
 Приносимъ въ жертву крапкой вѣкъ,
 Ему не спрашны вспламениенья;
 Взирая на ея волченья,
 Какъ водъ на возмущенной токѣ,
 Болишь о слѣдствіяхъ несчастныхъ
 Поползновеній нашихъ спрастныхъ
 И свой отъ нихъ спасаетъ рокъ.

*

Онъ душу, сердце, умъ и свойсва
 На пользу ближнихъ посвяща,
 Хранишь тѣмъ связь благоустройства;
 Но Богомъ смертнаго не чти,
 Не спавишь въ женщинахъ кумира,
 И выше всѣхъ предѣловъ міра
 Возносишь духъ свой къ небесамъ:
 Какъ огонь, прорвавшись изъ сироевъ,
 Шлетъ паръ въ воздушныя селенья,
 Такъ онъ спремитъ въ горни храмъ.

*

Всѣ швари, малы, иль велики,
 Влекутъ отъ Бога бытіе;
 Цари земные и Владыки
 Имъ держашъ царствіе свое:
 Онъ, зная то, съ благоговѣнъемъ
 И съ твердымъ удоспѣренъемъ,
 Что бышъ власьямъ самъ Богъ велѣлъ,
 Въ лицѣ Царей Ему послушенъ,
 Въ гоненъи, въ славѣ равнодушенъ,
 И въ злключенъяхъ духомъ смѣлъ.

*

Блаженъ, кому дала Природа
 Не только думать такъ, — и жить!
 Его ни знающая порода,
 Ни чинъ не сильны изумить; —
 Вошше бы ядъ умовъ опасныхъ,
 Или хвала людей приспращенныхъ
 Его усилилась пронуть:
 Среди случаевъ виѣшнихъ, тѣсныхъ
 Онъ правилъ внушреннихъ и честныхъ
 Себя на добрый спавишъ путь.

*

Какъ камень твердый наединѣ,
 Ошпорженный отъ дикихъ горъ,
 Во мрачной безднѣ морскихъ пучинъ
 Спрашишъ пловцовъ смущенной взоръ,
 Сѣдя волны развѣряся,
 Отъ сильной бури воспѣняся,
 Въ него съ ужаснымъ ревомъ бьютъ,
 Его чудовища обвемлютъ;
 Ни чѣмъ, ни чѣмъ не поколеблютъ:
 Сей камень вѣченъ будетъ шумъ!

*

Такъ пвердѣ и потѣ на здѣшнемъ свѣтѣ,
 Кто добродѣтель возлюбилъ,
 Кто сердца въ искреннемъ обѣтѣ
 Законы Божьи положилъ.
 Когда другимъ большая сфера,
 Призракъ спрасшей, чесшей химера,
 Потребно множеству суебъ;
 Онъ средспвеннымъ тогда имѣньемъ
 Владѣетъ съ тѣмъ же ушѣшеньемъ,
 Какъ будшобъ былъ его весь свѣтъ.

*

Гдѣ нуждѣ естественныхъ границы,
 Его желанье тамъ предѣлъ;
 Другимъ все надобны столицы,
 Ему вездѣ хорошъ удѣлъ.
 Въ глазахъ его лишь то прекрасно,
 Что съ пользой истинной согласно;
 И для другихъ и для него
 Вездѣ душевной миръ находишь
 За тѣмъ, что оный производишь
 Отъ чувства собственнаго.

*

О мой герой! — о мужъ примѣрный!
 Великъ и щасливъ ты одинъ;
 Ты образъ Божій истый, вѣрный,
 Когда надъ сердцемъ господинъ!
 Въ какомъ ни крылся ты народъ,
 Въ какомъ ни брошенъ темномъ родъ,
 Самой порфиры не желай!
 Цари, когда спрасьямъ подвласны,
 Бывающъ также сплошъ несчастны;
 А ты — вездѣ находишь рай!

*

Ты съ нимъ пребудешь неразлучно
 Среди житейскихъ всѣхъ премѣнъ;
 Тебѣ нигдѣ не будетъ скучно:
 Твой жребій благъ и совершенъ.
 Тебя сограждане уважутъ,
 Дѣла твои потомкамъ скажутъ,
 И славы роги ихъ воспрубитъ;
 А здѣсь твоей каждый шагъ успеетъ,
 Твоя земля не оскудѣетъ:
 Ее Всесильный угобзитъ.

*

Ахъ! естли вправду обитаешь
 На нашемъ онъ земномъ шару —
 Когда не мысль одна вѣщаетъ
 Воспоргомъ движиму перу, —
 То гдѣ въ пространной поднебесной
 Толико подлинникъ прелестной
 Найдешь средь смертныхъ естества,
 Чья жизнь есть опытъ совершенства,
 Чья смерть должна быть дверь блаженства,
 Чей умъ есть пламень Божества?

*

Приду ли къ вамъ на пиръ, вельможи,
 Искать подвижника сего;
 Дерзну сказать — какъ мало схожи
 На идеала моего! —
 Твердя вездѣ: „вотъ Богъ свидѣтель!
 „Что намъ любезна добродѣтель,
 „Что другъ намъ всякой человекъ,
 Ужомъ и жабою вершишь,
 И днями ближняго спремись
 Удвоишь вашъ безплодный вѣкъ.

*

Найдуль у васъ, вы, кои въ мірѣ
 Философовъ названье взявъ,
 Въ поверженной подъ мечъ порфирѣ
 Явили буйство вашихъ правъ,
 Съ конца въ конецъ всю швердь пѣнили;
 Вы, кои съ корня сворошили
 Родство, пріязнь и судъ Царей;
 Вы, кои вовсе безъ закона
 Обломками гордитесь прона
 И хищность превзошли звѣрей?

*

У васъ ли, кои все карая
 Равно невинность и вину,
 На вольность мнимую мѣняя
 Прямой свободы шипину,
 Разверзли адскія утробы
 Непоспѣжимой въ людяхъ злобы,
 И душъ мильіоны погубя,
 Изъ книгъ писателей зловредныхъ
 Гнилыхъ сердецъ, разсудковъ бѣдныхъ
 Всосали горькой ядъ въ себя?

*

Ахъ, нѣтъ! не ваше поученье,
 Не ваши хитрыя слова
 Пѣнятъ мое воображенье
 Каршиной мужа пакова!
 Скорѣи опѣ васъ отворочуся
 И опыскавъ его рѣшуся
 Въ степяхъ у добрыхъ поселенъ:
 Они умомъ не просвѣтили,
 Но въ духъ цѣлу сохранили
 Невинность древнихъ Христіанъ.

*

О Боже! Ты, распредѣляя
 Судьбы и чинѣ вселенной всей,
 Всю шварь дарами надѣляя,
 По роду, свойственному ей,
 Когда щедрошѣ обогащеньемъ
 Твоимъ всесильнымъ провидѣньемъ
 Назначенъ брениой человѣкъ
 Живымъ Тебѣ уподобляясь,
 По смерти раемъ наслаждаясь
 И некончаемой жишѣ вѣкъ; —

*

То пойже Ты всемошной властью
 Мою невинность сохрани!
 Борись во мнѣ съ моею спрасью,
 Отъ спрѣлѣ ея оборони!
 Вели — и пустьъ свящая вѣра,
 Сорвавъ личину съ лицемѣра,
 Его соблазны обличитъ!
 Вели — и пустьъ сердца кровавы,
 Въ убійствахъ ищущія славы,
 Теенна пошчасъ попалишъ!

*

Тебя, Всевышній! призываю,
 Душа озлобленныхъ сердецъ!
 Въ Тебѣ желаньемъ центрѣ вмѣщаю,
 Любви начало и конецъ!
 Коль мужъ, представленный здѣсь мною,
 Угоденъ будешъ предъ Тобою,
 Коль имъ наполненъ Твой законъ, —
 Яви ко мнѣ Ты благость многу:
 На шужъ поставь меня дорогу —
 Да буду я шаковъ, какъ онъ!

ПРОГУЛКА НА ТРЕХЪ ГОРАХЪ.

На что намъ плѣнності примѣры
За приста лѣтъ до насъ искашь;
Не всель и днесъ въ пространствѣ сферы
Ее удобно возвѣщаешь?
На что давнишнихъ Царствъ паденье,
Народовъ сильныхъ испребленье,
Военной подвиговъ злыхъ сердецъ?
Безъ нихъ всякъ можешь научиться,
Природы свойствомъ убѣдиться,
Что въ мірѣ есть всему конецъ.

*

Вокругъ себя вездѣ бросая
Прилѣжно любопытный взоръ
И плѣлъ въ существенность вникая,
Вездѣ зрю смерти приговоръ,
Всему предѣлъ, пора и время,
Во всемъ духъ жизни, дѣйство, племя,
И съ плѣмъ же вмѣстѣ вижу я
Неумолиму смерти силу
Въ одну влекущую могилу
И несѣкомыхъ и меня.

*

О рокъ естественности плѣнной!
Велишь — и вдругъ валяшься пропѣ!
Живешь и смерть — вошь сей вселенной
И основанье и законъ!
Въ образованіи природы
Перствъ Божій назначая годы,
Изчислилъ ихъ для пвари всей.
Земля миліонъ существъ питаешь,
Часть I. I

Родить, расшить и умножаетъ;
И послѣ все предается ей.

*

На дняхъ, прогуливаясь въ полѣ,
Плачевной опытъ зрѣлъ того,
Что смерть и въ самой красной долѣ
Не пожалѣетъ никого.
Въ саду, гдѣ всякой веселился,
Гдѣ воздухъ день и ночь курился
Благоуханьемъ ибжнихъ розъ,
Гдѣ все дышало весхищеньемъ, —
Тамъ зрѣлъ я съ ибкимъ опвращеньемъ
Пустыни мерзосшь и навозъ.

*

Когда я шупъ напоминаю
Моей веселости часы,
Всю ибгу роскоши мечтаю,
Прошедша времени красы,
Едва себѣ повѣрить смѣю,
Съ трудомъ поспигнушь разумью
Скоропостижность сихъ премѣнъ!
Давноль я слышалъ шупъ самвики?
Севодни слышу враньи крики,
Паденье зрю согнившихъ спѣнъ.

*

Давноль тамъ были маскарады,
Толпились тысячи людей,
Вездѣ игра, вездѣ прохлады,
Ракешки, плоски — пѣма затѣи?
Давноль хозяинъ шароващій,
Вельможу звавъ на пиръ богатый,
Аршинныхъ стерлядей крушилъ?
Давно ль? — И вдругъ мечты пропали,
Всѣ въ преисподнюю низпали,
И потѣ кто ѣлъ, и кто кормилъ.

*

Давноль бояра изъ Спoлицы
 Туда сбѣжались смoтрѣшь,
 Какъ въ чesть премудрыя Фелицы
 Прозрачной будeтъ щитъ горѣшь?
 Давноль? — И все какъ сновидѣнье,
 Обвороживши наше зрѣнье,
 Изчезло послѣ малыхъ лѣтъ:
 Сполны балкона повалились,
 Цѣпты поблекли, пшички скрылись;
 Фелица! — и Тебя ужъ нѣтъ....

*

При мысли сей я содрогнулся,
 Мой быстрый прихулился шагъ,
 Слѣщеннымъ вздохомъ захлебнулся
 И шму Ея представилъ благъ.
 Тебѣ, кропчайшая Царица!
 Тебѣ, премудрая Фелица!
 Восторга жертву шутъ принесъ.
 Коль смертный вновь живоизворится,
 То пусть Твой духъ тамъ усладится
 Моей усердной каплей слезъ!

*

Цари! что ваше восхищенье?
 Везсмертныхъ нѣтъ у васъ трофей;
 Изъ бѣдныхъ успъ восклинновенье
 Алмазныхъ скипетровъ славнѣи!
 Фелицы память вѣчно чшима,
 Щедрошами богошворица,
 Еще за гробомъ будeтъ жить:
 Сіе всѣмъ сердцемъ ошущаю,
 И что здѣсь въ ясны дни вѣщаю,
 Дерзавъ подъ шучей говорю.

*

И такъ, увы! все плѣнно въ свѣтѣ!
 Умноживъ пѣжкой вздохъ сказалъ:
 Въ большомъ ли, въ маломъ ли предметѣ,
 Такъ бытъ Всесильный указалъ;
 Сему ничтожеству причастно,
 Во всѣхъ стихіяхъ все подвласно
 Отъ мѣлкой швари до большой;
 И въ непрестанномъ семъ волненіи
 Житейскихъ кораблекрушеній
 Гдѣжъ пристань? — Въ Вѣрѣ лишь одной!

*

Тобой, Религія свящая!
 Кто искренно одушевленъ,
 Тотъ, смерть безъ страха ожидая,
 Всегда спокоенъ и блаженъ.
 Въ тебѣ всѣдневно утверждаюсь;
 Не риторствомъ жрецовъ плѣняюсь,
 Но истиннымъ своимъ добромъ:
 Меня въ печали утѣщаешь,
 Меня въ гоненіи защищаешь,
 Ошводишь злочесливыхъ громъ.

*

Твои столпы пребудутъ вѣчны,
 И время ихъ не потрясетъ!
 Мечтанья смертныхъ скоротечны;
 Въ тебѣ духъ Творческій живетъ.
 Ты намъ велишь не воздыматься,
 Любовью къ ближнимъ согрѣваться,
 Любезна милости хвала!
 Составъ скудельной исчезаетъ,
 Богатство, слава — погибаетъ;
 Но добрыя не мрутъ дѣла.

Прогулка въ Савинскомъ (*).

Закапилось солнце красно,
Мѣсяцъ всталъ — и поблѣднѣлъ,
Небо вызвѣздѣло ясно,
Мой соловушка запѣлъ;
Лѣсъ дремучій за вѣпьями
Спряталъ пшичекъ отъ ружья,
И въ шѣни между кустами
Въ омутъ свой шекла спруя.

*

Я, замученъ злой поскою
И неправдою людей,
Шелъ безвѣстною троюю
Нытъ украдкой отъ друзей,
И внезапно очутился
Я въ волшебной сторонѣ;
Проширалъ глаза, крестился,
Ужъ не грѣзился ли мнѣ.

*

Тамъ нашелъ я садъ обширной
Въ оспровахъ между дорогъ,
Въ чувствѣ сельской жизни мирной
Чистымъ сердцемъ зрился Богъ. —
Тамъ все Вѣры возношенъ,
Испой мудроси опливъ,
Каждой взгляды — есть поученье,
Каждой шагъ — іероглифъ.

*

(*) Помѣстье И. В. Лоп. близъ нашей подмосков-
ной, гдѣ и стихи сіи писаны. —

Тамъ во храминѣ широкой
 При пошокѣ чистыхъ водъ
 Ошкрываеица высокою
 На столпахъ чепырехъ сводъ;
 Онъ Героя воспоминаетъ,
 Богатырскою въѣвъ златой,
 Репнина изображаетъ
 Имя яркою чертой.

*

Тутъ Жан-Жакъ образъ славной
 Въ бездыханномъ гипсѣ зрю;
 Живъ Филосовъ благонравной,
 Съ нимъ я духомъ говорю;
 На стѣнахъ вокругъ чищаю
 Любомудрія устави;
 Имъ свой разумъ просвѣщаю,
 Образую гибкой нравъ.

*

Здѣсь угрюмой озираюся
 Съ удивленіемъ Сократъ,
 Истуканъ его шатаюся, —
 Онъ бѣжашъ хотѣлъ назадъ.
 Сколько Сѣверъ ни гордился
 Поднебесною своею;
 Щасливъ тотъ, кому родиться
 Тамъ случилось, гдѣ шепель!

*

Тамъ за мрачными волнами
 Юнговъ островъ, — тутъ онъ самъ;
 Меланхолія съ слезами
 Предъ нимъ деетъ фиміамъ;
 Ночь ему и мершву служилъ
 Вдохновеніемъ своимъ;

Онѣ въ кумирѣ даже шужитѣ
И печаль виситѣ надѣ нимѣ.

*

Ужасѣ вдругѣ вселился въ чувствѣ,
Сердце дрогнуло во мнѣ !
Вѣ куклахѣ разнаго искуства
Мысль моя наединѣ
Тѣни мертвыхѣ возбуждала,
И сладчайшею мечшой
Зрѣнье, слухѣ и рѣчь давала
Имѣ подобныя со мной.

*

Вонѣ Киптайская границѣ
И Пекинѣ въ моихѣ глазахѣ,
Вонѣ Конфуція гробница,
Какѣ невѣста, вся въ цвѣтахѣ.
Идеально покланяюсь
Мужу дивному сему,
И всѣмѣ сердцемѣ восхищаюсь
Жертвой умнаго уму.

*

Мимоходомѣ возлѣ бочки
Заглянулѣ я и въ нее;
Тамѣ прочелѣ я двѣ - при спрочки:
Чувствомѣ добрымѣ дышешѣ все.
Чай лагуниѣ былѣ незавидной
Тотѣ, въ которомѣ Діогенѣ
Нагишомѣ блажилѣ безстыдной
На позорѣ своихѣ временѣ.

*

Вонѣ рыбацая слободка,
Всякой ѣшвой столѣ закрытѣ;
То - то жадному находка, —
Безпрещашно былѣ бы ешѣ.

Безъ чудесъ моляръ всѣ лица
Разныхъ рыбъ живописалъ :
Такъ въ Сидонѣ у вдовицы
Водоносъ не убывалъ.

*

Среди неводоѡ и мрежей
Опрокинутый челнокъ
Возвѣщаетъ кистью свѣжей,
Какъ зовущъ сей оспровокъ.
Славься вѣчно, Ломоносовъ,
Знаменистый рыболовъ !
По вишійству — слава Россовъ,
А по лирѣ — сынъ боговъ.

*

Сколь пѣвнищельна предметовъ,
Разнородна всюду смѣсь !
Тамъ зашворъ Анакорепоѡ,
Аполлонъ съ Олимпомъ здѣсь;
Тутъ сквозъ новую руину
Воря (*) спарая бѣжитъ;
Иль къ поддѣльному овину
Руской пахаръ сноѡ тащитъ.

*

Но театрѣ уже мѣнялся,
Декорація сошла,
День на сцену снаряжался,
Ночь, сыгравши роль, ушла;
Кони Фебовы впреглись,
Ждали свистъ природы въ пущь,
А планеты уплелись
За кулисы опдакнушь.

*

(*) Имя рѣки.

Между пѣмъ пора мнѣ было,
 Кончивъ спранспіе мое,
 Пробираюсь въ свое жило
 Разсказать домашнимъ все.
 Но за кѣмъ же, думалъ нынѣ,
 Сколько миленькихъ затѣй? —
 Кшо умѣлъ на десятинѣ
 Снять экспрантъ вселенной всей?

*

На мои недоумѣнья
 Недалеко былъ ошѣвшъ:
 Стулъ, копорой для сидѣнья
 Въ дубѣ, жившемъ двѣспи лѣтъ,
 Очень выдолбленъ прекрасно,
 Стоя на полѣ одинъ,
 На письмѣ казалъ всѣмъ ясно:
 Здѣсь помѣщикъ Лопухинъ (*).

*

Наслаждайся, мужъ почтенный!
 Вѣчно куплею своей;
 Садъ пивой прямо садъ безцѣнный
 Въ полномъ смыслѣ рѣчи сей. —
 Пущь Цари цѣною денегъ
 Могущъ въ свѣтѣ все спяжашъ,
 Но серебряныхъ копѣекъ (**)
 Гдѣжъ кому спо пысячь взять? —

(*) На пѣи этого дуба написано, что онъ росъ 200 лѣтъ пому назадъ; изъ него вышелъ стулъ очень покойной. —

(**) Эта дача куплена была предками И. В. Лоп. за 1000 руб., кои заплачены серебряными копѣйками.

ПРОГУЛКА ВЪ КУСКОВЪ.

Дворецъ роскошнаго Вельможи,
Москвы любимой верхоградъ,
Гдѣ жизни день бывалъ дороже
Среди безчисленныхъ опрадъ,
Чѣмъ годъ въ иной спранъ прекрасной!
Тебѣ ли знать удѣлъъ несчастной?
Но время, лютой врагъ всего,
Щадишь не любишь ничего.

*

Земли лоскутинъ драгоцѣнной,
Кусково! милой уголокъ,
Эдема сколокъ сокращенной,
Въ кошоромъ самой пияжкой рокъ
Въ воскресный день позабывался
И всякой чѣмъ нибудь пѣнялся! —
Но время, лютой врагъ всего,
Щадишь не любишь ничего.

*

Восторги новые всечасно
Мѣнялись шамъ, какъ облака;
Кусково было всемъ запасно, —
Проси хоть пшичья молока:
Куда пияшь пальцевъ ни просянешь,
Вездѣ пріятности достанешь.
Но время, лютой врагъ всего,
Щадишь не любишь ничего.

*

Свобода, мать увеселенья,
И роскошь съ нею за одно,
Изобрѣтали наслажденья
Для тѣхъ, кому судьбой дано
Кидашь серебра и злата кучи,
Какъ сыплюшь градъ небесны шучи.
Но время, лютой врагъ всего,
Щадишь не любишь ничего.

*

Завяли мягкія равнины,
Цвѣтами воздухъ не курящъ,
Лужайки, пропочки, долины
Мальчишки всячинкой сорящъ,
Валяясь стѣны залъ огромныхъ,
И въ нихъ не слышно звуковъ спройныхъ.
О время, лютой врагъ всего!
Щадишь не любишь ничего.

*

Театръ волшебной подломился,
Хохлы въ немъ оперъ не дающъ,
Парашинъ голосъ прекратился,
Князя въ ладоши ей не бьющъ, —
Умолкли нѣжной груди звуки,
И Крезъ меньшей скончался въ скукѣ. —
О время, лютой врагъ всего!
Щадишь не любишь ничего.

*

Пустыни нѣтъ ужъ для капризу,
Въ копорой множествомъ пружинъ
Могли но верхъ подниматься съ низу
Безъ лѣспницъ гость и господинъ,

И молча пребывать опшуда
 Въ звонокъ на сполъ различни блюда. —
 О время, лютой врагъ всего!
 Щадить не любить ничего.

*

Иссякли мраморны фоншаны,
 Непшунувъ сухъ водопроводъ,
 И брызговъ челюсти мѣдны
 Не шлютъ сполномъ въ небесной сводъ;
 Прохлады нѣтъ при солнцѣ яромъ
 И зной полдня варишь все варомъ. —
 О время, лютой врагъ всего!
 Щадить не любить ничего.

*

Подохли карпы злапоперы,
 Которыхъ звонъ въ колокола
 Сзывалъ на край пруда матерый;
 Волна ихъ сизая несла;
 Нырнувъ на пристань — усь разложушь,
 И хлѣбъ изъ рукъ господскихъ гложушь.
 О время, лютой врагъ всего!
 Щадить не любить ничего.

*

Цари, Царицы, посѣщая
 Москву - старушку иногда,
 Какъ боги въ самомъ нѣдрѣ рая
 Въ Кусковѣ пѣшились всегда;
 И шамъ веселой черни смѣхи
 По рощамъ разносили эхи.

О время, лютой врагъ всего!

Щадить не любить ничего.

*

Куда владыко пвой дѣвался,
 Кусково, царство всѣхъ спрасей?
 Графъ Пётръ Борисовичъ казался
 Безсмертнымъ быть на пверди сей;
 Его печали не касались
 И всѣ зашѣи удавались.

О время, лютой врагъ всего!

Щадишь не любишь ничего.

*

И ты, сей почки обладатель,
 Великолѣпнѣйшій богачъ,
 Столицы всей очарователь,
 Въ улыбку превращая плачь!
 И ты съ Кусковымъ разпросился,
 Въ землянкѣ пѣсной уложился!

О время, лютой врагъ всего!

Щадишь не любишь ничего.

*

Отъ восхода солнца до заката
 Промча въ забавахъ жизни кругъ,
 Послѣдній вздохъ пустил на злата:
 Готовилъ пиръ — и умеръ вдругъ!
 Москва вопще пвой прахъ блажила,
 Лобзала, пѣла и кадила;

Но время, лютой врагъ всего,

Щадишь не любишь ничего.

*

Ни ленты разнаго покрою,
 Алмазы звѣзды съ жемчугомъ,
 Ни груды денегъ за побою
 Не шли во слѣдъ въ пвой новой домъ.

Урокъ данъ сильной Небесами,
 Чшобъ не плвняшься суешами;
 Чшо время, люшой врагъ всего,
 Щадишь не любишь ничего.

*

Такъ въ свѣтѣ слава, честь, порода, —
 Все гибнетъ волею Творца!
 Вещь становится природа;
 Мгновенье общаго конца
 Во всеобъемлющемъ пожарѣ
 Посщигнетъ вещи всѣ и пвари;
 И само время, врагъ всего,
 Съ руля свернется своего!

Плачь надъ Москвою.

Въ годину лютыхъ золь, въ день спраш-
ныхъ бѣдъ,
Когда въ огнѣ Москва Везувій представляла,
Дѣшей своихъ во всѣ заставы извергала
И кровію гражданъ багрила ихъ слѣды,
Когда чрезъ 200 лѣтъ Столицу вновь карали,
Сквернили Олшари, въ домахъ и казни и
плѣны,
Бѣжали безъ ума толпы мужей и женъ
И весь домашній скарпъ злодѣю покидали, —
Взглянулъ и я на Кремль, — ударилъ въ пер-
си, взвылъ,
Схвапша жену, дѣшей, давно лющихъ слезы,
Въ безпамятствѣ помчалъ на успѣ пихой Тезы;
И тамъ отъ всякихъ золь Господь меня укрылъ.
Тамъ малой городокъ уѣзднаго разряда
По роскоши своей давно большимъ сльветъ;
Въ немъ всякой жирно ѣстъ, до дна изъ
рюмки пьетъ,
И подчивашъ гостей всѣ держащяся обряда.
Нашелся доброй мужъ, которой Бога чпилъ,
Въ воскресной день ходилъ къ обѣдни по-
молился,
Хорошой хлѣбосолъ, сообщество любилъ,
Своимъ добромъ готовъ со всѣми подѣлился;
Съ прекрасною душой пригожая жена,
Два дѣщица — сесляра — семейство сосна-
вляли;

Въ обычаяхъ простыхъ пріязни обихали,
 И совѣсти у нихъ не мучилъ сапана:
 Увидя насъ, судьбу почувствовали нашу,
 Пуспили на жишье въ свой собственнй шамъ
 домъ,

Поставили хлѣбъ-соль и шей горячихъ чашу,
 А сами вонъ пошли искашь чужихъ хоромъ.
 У нихъ, и день и ночь о родинѣ вздыхая,
 Какъ будто бы весь міръ въ послѣдній день
 горѣлъ,

Унылой потѣ Псаломъ Царя Давида пѣлъ,
 Которой онъ сложилъ, Сіонъ воспомина.

Гибъ Божій надъ шобой, злощастная
 Москва!

Изъ пышныхъ перемовъ явилось пенелище,
 Пещерою спалъ градъ зіющаго льва
 И дикихъ всѣхъ звѣрей ужасно логовище!
 Въ прямой чершѣ съ Небесъ громовая спрѣла
 Ударила во всѣ швой верьхи злашья,
 И съ ревомъ изъ подъ нихъ слетѣвъ колокола,
 Провозвѣстили намъ дни новаго Бапья;
 Во храмахъ кони ржапъ, а въ самыхъ
 Олшаряхъ, —

О ужасъ Христіанъ! и выговоришь спрашно! —
 На мѣстѣ мирныхъ жершвъ — враги хва-
 шаюпъ брашно,

И шумны отъ вина, ристаюпъ въ стихаряхъ!
 Свяпыни домъ въ вершепъ разбоя преврапился!
 Надило предъ Творцемъ небеснымъ не куряпъ,
 Ни шихихъ нѣпъ молипъ, ни лампы не горяпъ,
 И схимникъ, воздохнувъ, съ обихелью про-
 спился.

Лепитъ на воздухъ Кремль, разшибся Арсеналь;
 Не сыпа мѣсь въездъ мечи булашны движитъ!
 Но все уже смердитъ! — ножъ всю Москву
 закладъ;

Безъ пищи самъ огонь лишь камень голой
 лижитъ.

Таковъ твой жребій спалъ, градовъ Россій-
 скихъ мать!

Тоскуютъ о тебѣ живущіе въ черпогахъ;
 Нарядныхъ колесницъ тьмы тьмущей на
 дорогахъ,

Спешащихся къ тебѣ, какъ прежде, не видать.

Исчезли пиршества, и роскошь упоменна

Съ обозомъ векселей на Волгу ушла;

Толпа бѣжитъ за ней актеровъ изумленна,

Домъ игрищей погасъ, сгорѣвши весь до пла;

Святылища наукъ разграбленныя спѣны

Ужаснѣй кажутъ намъ плачевной видъ Москвы,

И Музы, не найдя куда склонить главы,

Осправились искать на Камъ Иппокрены.

Куда сбѣзжались намъ плащитъ газетамъ дань,

О свойствѣ Государствѣ, за прубкой сидя,

спорить,

И ближнихъ и себя напрасно лишь задорить —

Пусть щасливой тебѣ, клупъ Англинской,

въ Казань! —

Фабричной кинулъ станъ, купецъ не про-
 мышляетъ,

Разнощикъ никуда съ поварами нейдетъ,

Издѣлья, торгъ, мѣна, все спало, все спрадаетъ,

И бѣдной мужичекъ ни пашетъ, ни оретъ.

О день великихъ золъ! Но къ пущему не-

щасью

У мапушки Москвы естъ множество дѣтей,
 Которыя твердятъ по новому приспращью,
 Что прахъ ея не естъ бѣда Россіи всей...
 Утѣшишь ли кого сія молва народна?
 Опечесива я сынъ, и здѣсь скажешь дерзну:
 Россія! ты колосъ, — когда Москва свободна;
 Россія! ты раба, — когда Москва въ плѣну!
 Не ей ли ты должна той славою широкой,
 Которую во всей вселенной нажила?
 Не ею ли спаслась отъ пагубы жестокой,
 Когда съ мечами къ ней Липва погана шла?
 Москвали не рачишь о насъ, не образуетъ?
 Готовишь вѣрныхъ слугъ, надежныхъ сограж-
 данъ,
 Даетъ мужей въ суды, людей въ военной
 стайъ,
 И злата не щадитъ, коль Царь его взыскуетъ.
 Опечесивенной духъ на каждомъ памъ шагу
 Любитъ родимой край изъ дѣлства приучаетъ.
 Видъ Краснаго крыльца, — сей видъ одинъ
 внушаетъ
 И рабства не терпитъ и рога сломитъ
 врагу.
 Кому наружной видъ готической прошивень,
 Пускай бѣжитъ навѣкъ отъ нашихъ башенъ
 шомъ!
 Единственна Москва! — и шѣмъ-то градъ
 сей дивенъ,
 Что онъ изъ собственныхъ составилъ кра-
 сомъ.
 Орелъ парилъ надъ ней, когда она раждалась.
 Любимое дитя сѣдыхъ богатырей
 Росла какъ исполинъ — держала шронъ Царей;

Чрезъ множество вѣковъ геройствомъ опи-
чалась ;

Въ младенчествѣ еще совѣстницъ превзошла:
Новгородъ гордой сталъ предъ нею на колѣни;
Палъ Кіевъ, хопъ всегда боялся рабства шѣни;
Владиміръ для нее дядиму снялъ съ чела.
Ктожъ равную съ Москвой наслѣдовалъ судь-
бину ?

Самъ неба Царь ее прославишь возжелалъ,
Великаго Петра въ ея стѣнахъ пиналъ,
Великую на тронѣ вѣнчалъ ЕКАТЕРИНУ.
Послушайте сію премудрую ЖЕНУ:
Москва не городъ — міръ, Она сама писала (*);
И Внукъ Ея, когда Россія задрожала,
Въ ней сердцемъ называлъ Московскую спра-
ну (**). —

Такъ ежели Москва есть сердце Государства,
Отдавъ ее врагу, какая для него
Надежда избѣжать паденья своего?
Столицы сущъ вездѣ ограды крѣпки Царства!
Безъ сердца бышіе кто можетъ сохранить?
Когда въ немъ вдругъ огонь аншоновъ заго-
рится ;

Куда, кромѣ земли, нашъ бѣдной шруръ годился?
Сталъ маешникъ его, и уже полно жилось.
О Боже! возврапи Столицу намъ любезну,
Да паки предъ Тобой воздѣмъ еиміамъ,
Да возпрославишься Твой велемѣной храмъ!

(*) Переписка Ее съ Вольперомъ, гдѣ Она говоритъ:
Moscou n'est pas une vilee c'est un monde.

(**) Смотри Манифестъ Августа мѣсяца.

Услыши, Отче нашъ! рабовъ молишву слезну,
 Во славъ, въ торжествѣхъ яви Москву опять;
 Изъ пепла возроди ее какъ чисту дѣву,
 И мѣру положи шоль праведному гнѣву,
 Дай разумъ на Тебя едина уповать!

Такъ мысленно взывалъ, когда въ спранѣ
 любимой
 Оставя мирной кровъ и хлѣбъ насущной мой,
 Безъ родины давно, изъ края въ край го-
 нимой,

Бѣжалъ сюда вкушать хощь маленькой покой.
 Судьбы мнѣ здѣсь людей чувствительныхъ
 послали;

Въ глуши, но въ пишинѣ, мы жили за одно.
 Отъ искреннихъ сердецъ они намъ удѣляли
 Садовъ своихъ плоды, и жища и вино;
 У нихъ я зрѣлъ чершы прямого состраданья.
 Безъ плащы, безъ даровъ и даже безъ услугъ
 Въ лукавы наши дни какой названный другъ
 Подобное шворилъ, не чая воздаянья?

Но, ахъ! — хотя у нихъ пріятно было мнѣ,
 А на сердцѣ шоски лежало тяжко бремя:
 Я все смотрѣлъ въ окно, не разбирая время,
 Не шлелъ ли вѣсти кто о нашей споронѣ?
 И се, лепилъ она — о радости вожделѣнна!
 Въ пыли, въ пошлу ямщикъ бьетъ пройку по
 бедрамъ;

Домашніе бѣгутъ — я въ слѣдъ кричу: —
 что тамъ?

Предчувшівіе сбылось — Москва освобождена!
 Для чувства сильнаго на свѣтѣ нѣтъ пера:
 Уста молчатъ, когда что душу слишкомъ
 пронесъ,

Въ потокѣ горькихъ слезъ рѣчь смѣшенная
пошетъ ,

И легкой вздохъ, вѣщунъ сердечнаго добра,
Въ Москву скорѣй, въ Москву! — Когда чего
желаешъ

И пребудетъ отъ насъ разспрогнанна душа,
Вотще разсудокъ шумъ препятства полагаетъ :

Разпушица — пущь добръ, и вьюга — хороша.
Госпепріимное, любезное семейство !

Прости, доколѣ Богъ увидѣшься величъ!
Забывъ пивою пріязнь не только спыдъ, —
злѣдѣйство,

И совѣсть отъ того меня предохранитъ.
Дай Богъ, чѣтобъ каждой въ немъ всѣдневно
наслаждался

Избытками добра и щастьемъ въ существѣ,
Чѣтобъ съ родиной своей во вѣкъ не распа-
вался !

Сей скорби нѣтъ пошнѣй въ моральномъ естествомъ.

И мы хворали здѣсь два мѣсяца *Москвою* ;
Нѣ милостивъ Господь — взвились, и ну скакашъ :
Такъ спѣли разныхъ пѣсницъ со всѣхъ сторонъ
весною

Летяшъ въ привычной лѣсѣ гнѣздо свое свивашъ.

Представилась бчамъ паленая Столица,
Еще сіяюща сквозь облако дымовъ ;
Въ развалинахъ ея еще видна Царица,
Рожденная ни чѣихъ не принимаешь оковъ.
Хвала Тебѣ, Творецъ ! убогихъ покровишель !
Ты храмину мою избавилъ отъ огня,

Моихъ послѣднихъ крохъ всецѣдый былъ
Блюспитель,

И за день до бѣды помиловалъ меня (*).

Руины! кто на васъ безъ состраданья
взглянетъ?

Ужаснѣйшій позоръ... здѣсь былъ Наполеонъ!
Доколь изъ нѣдръ Творца перунъ въ него не
грянетъ?

Иль Неба недостигъ опчаянная нашъ спонъ?

Оно жестокииъ насъ урокомъ поучаетъ,

Что нравственна Ему пріятна красота;

Что къ ближнему любовь, не хитрость,
градъ спасаетъ,

И жертва безъ любви — одна лишь суеда. —

Дай Богъ, чтобы Москва, какъ нѣкогда все-
ленна

При Ноѣ отъ проказъ омытая водой,

Въ горнилѣ тяжкихъ бѣдъ огнями искушенна,

Очистилась отъ всѣхъ крамолъ своихъ золой!

Тогда насъ паки съ ней и пепелъ не разлучитъ:

Гдѣ родины святой бытъ можеть веселѣй? —

И я скажу въ слезахъ, какъ Сказочникъ насъ
учитъ:

Что мапушки Москвы и краше и милѣй? —

(*) Я выѣхалъ изъ Москвы 31 Августа.

ЧЕРТЫ СВОБОДНАГО ПИСАТЕЛЯ.

Пріянешь ты, мой другъ, не рѣдко мнѣ, что я,
Любя стихи писать, пишу ихъ для себя,
Что нѣшъ моихъ трудовъ ни въ Вѣспникѣ
Европы,

Ни въ Рускомъ ихъ съ собой никпо не во-
зипъ въ клопы,

Межъ тѣмъ какъ иногда, шатаясь по домамъ,
Оцѣнку слышишь ты моимъ рукописямъ;

На это я скажу пошчасъ мою причину:

Всякъ пашепъ по своимъ доспашкамъ десятину.

По моему пошъ грѣхъ ужаснѣйшій шворипъ,
Которой даръ пера во зло употребипъ.

Севодни пишушъ всѣ, имѣя лишь въ предметѣ

Подъ фирмой знашоковъ прославипъ на свѣтѣ,

Пріятнѣйшій шалантѣ идеи вымышляипъ,

И рифмой звучной слогъ красивой одѣвашъ.

Не пошъ ужъ въ наши дни, что былъ ве
дни Гомера,

Когда всему была своя приспойна мѣра,

Когда мораль и честь воспламѣняли кровь

И движила сердца безмездная любовь;

Стихи пишутъ теперъ есть промыселъ пор-
говой,

И къ праздничному дню бояра всѣ съ обновой.

Что нужды для того, кпо рифмы подбиралъ,

И поненѣкимъ перомъ узоръ свой рисовалъ,

Что онъ, черпя въ умъ всѣ вымыслы возможны,

Наплеалъ, злодѣю льспя, нелѣпицы безбожны,

И красное словцо вездѣ перепустилъ; —
Онѣ шѣмѣ надежнѣй путь въ чертоги прямо-
жилъ,

Гдѣ сидя развѣлся, немолчно баснословилъ,
Иль споя на часахъ, минушу щастья ловилъ.
Изъ прусоспи хвалилъ разкрашенное зло
Піишовъ нашихъ дней оброчное пятло.
Онѣ славилъ и бранилъ, что къ случаю при-
годно,

И спрочки не черкнетъ по совѣсти свободно;
Въ неволѣ у власшей, въ неволѣ у себя,
Онѣ пишетъ день и ночь, напрасно прудъ губя.
Къ лукавству приученъ, изъ почести хло-
почетъ,

Гдѣ плачетъ безъ причинъ, а гдѣ сквозъ слезъ
хохочетъ;

Во весь кадила жаръ болвановъ ликъ куришь,
Трофеи выше звѣздъ случайному даришь.
Обѣдной стихошворъ! сынъ шѣмы и заблуж-
денья,

Водимой завсегда молвой предубѣжденья!
Ты злѣйшого раба свой даръ употребилъ,
Которой, взявъ талантъ, шедъ, въ землю его
скрылъ!

Прости, что я съ тобой такъ вольно раз-
суждаю!

Но скаредомъ того послѣднимъ почишаю,
Кто, будучи рожденъ съ способностью писать,
Высокихъ испинъ смыслъ народу извѣсняятъ,
Кто Демосееново приобрѣтя искусство,
И добродѣтели цѣнишь умѣя чувство,
Сквернитъ свое перо, топя его во лжи,
И плевеы садитъ на нивахъ чистой ржи;

Влечетъ прямую честь на жертву мнимой
 чеcти,
 Во всякой спихъ кладетъ приправу подлой
 лeсци.
 И чтожъ? — какой себѣ награды ждетъ
 за то?
 Презрѣнья! — мзды другой не дастъ ему ни-
 кло.

Хоть трудъ его прубитъ издашельская спая,
 Но скоро хвастовство и наглость примѣчая,
 Разумной кинетъ мужъ писателя шого,
 Которой, не щадя свяшаго ничего,
 Севодни пѣснь поетъ хвалебную вельможѣ,
 А завтра начерпнетъ сапиру на него же,
 Соображая съ умомъ Французскихъ странъ,
 Печатавъ лишь одинъ привѣпливой обманъ,
 Сказать не то, что есть. — Благовѣститъ
 загадки,

Вишійспивомъ выжимаетъ съ народа разны
 складки,

Писатель временчикъ шулитъ въ печатной
 дворъ

По утру, ввечеру подраженной свой вздоръ.
 Возможно ли, скажи, съ душою опкровенной
 Читаешь въ Вѣдомостяхъ, какъ подвиги все-
 ленной

Изказитъ иногда Французской попугай,
 Пустая голова, но сладкой краснойбай!
 То бѣгство назоветъ понятнымъ онъ дви-
 женьемъ,

Богатствомъ нищету, стоишь скорби вос-
 хищенъемъ,

Побѣды посулитъ и шамъ и сямъ — глядишь,

Листокъ переверни — ужъ онъ и за Калишъ (*)
 Сосредоточись въ весь духъ устилаешь,
 И мѣръ своихъ большихъ понять не дозво-
 ляешь;

А естли набѣжишь фортуны часъ благой,
 Того гледи, что онъ Оспреинъ вѣкъ златой
 На фразакъ подвезешь въ шотъ міра край
 прелестной,

Гдѣ швари на убой недоспаетъ словесной,
 Гдѣ пушки то и знай людей, какъ мошекъ,
 бьютъ,

И по сну пысячь вдругъ потомковъ къ пред-
 камъ шлютъ.

Нѣтъ! нѣтъ! не такъ пишешь Пиппу при-
 надлежишь.

Хочу, чтобъ онъ былъ пвердъ — пусть
 правду чисту рѣжишь.

Чѣмъ можешь Небесамъ признапельность
 явить

За то, что дали даръ ему стихи пворить,
 Инымъ, какъ не судомъ спрожайшимъ челоѣка
 Въ дѣянъяхъ своего и времени и вѣка?

О случаяхъ мірскихъ съ чего намъ разсуждать?
 Какъ внуку будешь дѣдъ свой вѣкъ передавать,
 Когда не спанушь намъ — дѣписатель
 вѣрный —

Изящныхъ книгъ пворецъ — Пипъ неліце-
 мѣрный

Въ прямыхъ чертахъ казать достоинства
 людей?

(*) Все сіе въ похвалу Наполеона печаталось въ
 иностранныхъ листахъ его панегиристами.

Иначе какъ спознать, кто добръ былъ, кто
злѣйшій?

Рѣшительно скажу: когда бы меньше льстили,
Конечно бы добрей и лучше люди были.

Но лести, какъ шапъ ночью, вселяется въ
нашъ духъ,

Пыль бросишь намъ въ глаза и защекошишь
слухъ;

Пѣнясь подъ звукомъ лиры хвалою мы не-
годной,

Мечтаемъ славы бытъ достойны превосходной,
Не чувствуя, что шепъ, кто къ небу взво-
дитъ насъ,

Для выгоды гоцовъ и въ адъ свалишь подъ часъ.
По мнѣнью моему, чѣмъ больше кто учился,

Словесности плодомъ съ успѣхомъ насладился,
Тѣмъ долженъ шепъ сильнѣй пороку уничи-
жать,

Во славу Божества даръ Божій распочать,
Хвалишь одно добро, — съ нечесіемъ сра-
жаться,

Невѣжество учить, фанатику смѣяться, —
И правду предпочти всѣмъ щасіямъ играмъ,

Безъ препеня ея вѣщать самимъ Царямъ.
Чего смогрѣшь ему, что цензоръ не похвалишь;

Тѣмъ истинной паланъ опнюдь онъ не
умалишь,

Когда, принаровясь къ обычаямъ мірскимъ,
Печатаешь не велишь наборщикамъ своимъ

Того, что вѣра, честь рекла, а совѣсть
пропустила;

И что съ согласья ихъ душа въ огнь чершила.
Восторговъ данъ Писать вездѣ приобрѣтешъ;

А въ родинѣ своей когдажъ пророкъ живетъ!
Ученой мужъ пишетъ обязанъ для вселенной
Изъ пользы лишь одной, для цѣли той свя-
щенной,

Чтобъ разумъ и сердца людскія убѣдитъ
Въ согласіи межъ собой съ благопріязнью жить;
Очистивъ отъ скорлупъ разврата дики нравы,
Поставитъ міру храмъ въ пущыняхъ хищ-
ной славы.

Вотъ истинной предметъ любителя наукъ,
Которому соха милѣй, чѣмъ шлемовъ звукъ!
Онъ долженъ позабыть во бѣдѣи работы
Любостяжанія широкіе расчеты,
И сидя за перомъ, не для того потѣтъ,
Дабы за сладкой спихъ въ цѣплицу крестикъ
вздѣтъ;

Изъ виду у него чтобъ вѣчность не шереялась,
Безсмертіемъ идей душа бы воздымалась. —
Умремъ — и все свое возмемъ себѣ земля;
Но духъ во вѣки живъ — его не пронемъ пля:
Въ изящныхъ писменахъ залогъ его хранился,
Грядущи племена придутъ въ рудъ сей рыться,
Чтобъ черпалъ изъ нее свѣтлѣе злата лучъ.
И солнце озаритъ перстъ мудраго изъ тучъ.
Для общества людей, къ поверхности прилѣж-
ныхъ,

Запасъ огромной мы спиховѣмъ нѣжныхъ.
Проспешельно пѣвцу минушія шоски,
Когда его любовь попіяетъ за виски,
Венерою назвать ледящую Калмычку
За то, что сдѣлалъ онъ вздыхать по ней
привычку;

Но, кляпвы на судъ попомства ждущъ того,

Кто силы истощилъ искусства своего
 На то, чтобъ выхвалять, добра надѣвъ личину,
 Моральныхъ тяжкихъ золь ужасную пружину.

Вотъ исповѣдь моя тебѣ, любезной другъ!
 Внимательно прочти, когда найдешь досугъ;
 Увидишь изъ нее, за чѣмъ лѣнивъ бываю,
 Въ Журналы никакихъ стиховъ не посылаю.
 Писанъ прекрасной вздоръ для разпрекрас-
 ныхъ дамъ

Безъ года въ пятьдесятъ шруда себѣ не дамъ;
 А дѣло говоришь разсудокъ запрещаешь:
 Не все то хорошо, что сердце соблазняетъ.
 И такъ пускай по мнѣ прочтутъ, что я писалъ,
 Увидятъ, какъ я жилъ, какъ чувствовалъ,
 мечталъ. —

Я жить хочу, — люблю, — и міромъ заба-
 вляюсь;

Но выучекъ бѣдой, уже не помогаюсь
 За острое слово громъ вызвать на себя,
 Отъ коего спаси Всесильный и тебя! —

ТОРЖЕСТВО СОВѢСТИ.

Нѣтъ краше ничего, какъ жить съ собою
въ мирѣ!
Бесовѣстному нѣтъ спокойства въ цѣломъ
мирѣ;
Тщеславіе бы какъ ни высило нашъ роу,
Все пагубно тому, кого оставилъ Богъ: —
Вопъ истинной законъ премудрости прав-
дивой,
И философія души благочестивой!
Разсмотримъ въ существѣ владыкъ благую
часть,
Ихъ силу, ихъ корысть, величество и
власть.
Щасливъ ли пошъ изъ нихъ въ чаду по-
хвалъ народныхъ,
Владѣя тѣмою темъ языковъ разнородныхъ,
Которой, возгордясъ удачною войной,
Всѣ жапвы усыривъ кровавою росой,
Дымяся предъ людьми Фараониской славой,
Изобличается отъ совѣсти лукавой? —
Тихаль его заря? безшрепешень ли сонъ?
Послушайте въ ночи его прискорбной стонъ.
Объятая душа змѣями вѣроломства
И Неба слыша судъ и позднего попомства,
Сквозь грезы сообщая спрахъ скрежещной ему,
Покоя не даетъ ни крови, ни уму:
Подобнаго Царя въ непоспимой долѣ
Давно ли зѣбли мы у Галловъ на престолѣ?

Чтобъ дать сигналъ бѣдамъ, народовъ слы-
шахъ спонъ,

Довѣло произнести: идехъ Наполеонъ!

Не имъ ли Богъ предрѣкъ, открывъ геенны
бездну,

И небо мѣдяно, и персть земли желѣзну?

Наружности одѣ лишь дѣйствующи на
насъ:

Богатство и престолъ для нашихъ алчныхъ
глазъ

Суть вѣвѣской всегда блаженства и покой.

Завидно шло всѣмъ надменнаго Героя;

Молвы споуспой кликъ, сіяніе вѣнца,

Величественной видъ огромнаго дворца,

Ласкашей народъ и гулъ рукоплесканья,

Поникшее чело гражданскаго собранья,

Толпящаяся чернь какъ пчелъ журчащій рой,

Въ безчисленныхъ крѣпахъ оруженосной
спрой,

Торжественныхъ столповъ совмѣстны солнцу
своды,

Булашны мечи, сокровище свободы,

На коихъ вражьихъ ранъ запекшаяся кровь

Свидѣтельствуетъ всѣмъ къ опечеснѣнью лю-
бовь,

Жрецовъ поющихъ ликъ побѣдную пѣснь
Богу,

Куращихъ предъ вождемъ кадилами дорогу,

Ружейной адской залпъ, — звуковъ распах-
ной ревъ

И громъ изъ пушечныхъ неупомимыхъ чревъ;

А тамъ пишутъ сонмъ на сладкозвучной лирѣ,

Наречіемъ боговъ дающій дань порфирѣ;

А шумъ хоръ юныхъ дѣвъ, сей первой даръ
небесъ;

Щедротъ ихъ къ намъ залогъ, край Творче-
скихъ чудесъ:

Все, все, нашъ бѣдной умъ къ воспоргамъ
возбуждаетъ.

Увы! кого щещета изъ насъ не обаваешь?

Поставимъ рядомъ съ симъ источникомъ
суешъ

Богатство, нашихъ душъ любезнѣйшій пред-
метъ,

Кумиръ, которой всѣ пуши сердечны правитъ,
И часто велій грѣхъ на верхъ блаженства
ставитъ:

Богатой можешь все, чегобъ ни захотѣлъ;
Извѣстія здѣсь нѣтъ, — весь міръ его удѣлъ;
Свободѣ Царей, — тѣ дома лишь велики;
Ошъ подданныхъ своихъ внимая громки клики,
Не могушъ иногда, по званью своему,
Стремишься въ край чужой, какъ вздумалось

кому:

Носяцій санъ слуга, — а служба что? —
Неволя;

И Царская ее не избѣгаетъ доля. —

Богатой — шомъ одинъ владыка надъ собой;
Онъ золотомъ облитъ, какъ дерево корой.
Чужое; — слова нѣтъ такого въ Лексиконѣ;
Даль деньги — все его, и вѣрно все въ
законѣ;

Боярамъ ближній другъ, съ Монархами за свой,
Въ Пекинѣ первой гость, въ Стамбулѣ не
чужой;

Куда ни загадалъ, лепишь безъ принужденья,

Вездѣ ему пиры, вездѣ увеселенья!

Соскутилось въ Москвѣ, не взмиллился кли-
матъ,

Онъ въ Римѣ! — Слышу, шамъ кричатъ ему:
виватъ!

Въ Парижѣ у него всѣ милостыни просятъ;

Въ Италіи къ нему художества приносятъ.

Богатому Дербеню и Або за Невой,

Какъ просто говорятъ у насъ: подашь рукой;

Все спѣешь по его малѣйшу произволу;

Пріятенъ своему, любезенъ нѣжду полу.

Проснешся — цѣлой полкъ служилыхъ го-
товъ;

Изъ устъ его приказъ — велѣніе боговъ! —

Ложишься почивать въ сералѣ дѣвъ прекрас-
ныхъ,

И дремлетъ тонкимъ сномъ въ объятіяхъ
сладострастныхъ.

Садился ли за столъ — гроздъ алаго вина

Самъ Бахусъ въ чашу жметъ, и въ сердце
льетъ до дна.

Лешишь ли по гостямъ — карета золотая,

Лакеевъ, гайдуковъ и скороходовъ спая;

Въ кивотѣ изъ стекла богатою развалясь,

Съ улыбкою глядишь, какъ брызжетъ всюду
грязь

Изъ подъ златныхъ копытъ шестерки Иду-
мейской,

Ярящейся въ дыбы подъ шорою Черкесской.

Какая бы игра въ театрѣ ни была,

Всѣ лучшія мѣста Дирекція дала;

Часть I. Л

Карету прежде всѣхъ его къ крыльцу под-
возяшъ;

Всѣ мѣлкіе чины вокругъ его елозяшъ,
А крупные себѣ вмѣняюшъ въ знаину честь
Съ нимъ молвишъ слова два, хоть рядыш-
комъ присѣшъ.

Чего ему искашъ? — о чемъ ему крушиться?
Не наша сухота, — все съ небавъ домъ волишъ;
А что всего милѣй, — и истина полна:
Богатой вѣчно правъ, безгрѣшнъ, безъ
пяпина.

На что ему спяжанъ моральныя доброты?
Онѣ не векселя, — не выложишъ на счесть;
А съ деньгами какихъ не лзя пороковъ сбыть,
Достоинствъ наклепашъ, шалашиновъ прику-
пить!

Дуракъ ли кпо — премудръ; безграмотенъ —
все знаешъ;

Безчестенъ — день и ночь о чести помыш-
ляшъ;

Безбожникъ, изувѣръ, — всѣ въ городѣ
твердяшъ,

Что нѣтъ Святыхъ Мужей, коль первой онѣ
не святъ;

Обманщикъ, Езуишъ, — Журналъ однако пи-
шешъ;

Что легкое его для ближнихъ только ды-
шешъ;

Холодной Сибаритшъ, — давно ли я читалъ;

Что въ пользу бѣдныхъ онѣ комедію давалъ;

Онѣ злобенъ, на корню опѣ желчи чер-
ной сохнешъ,

И жжеть и рубить всѣхъ, и ни по комъ не
оженеть, —

Всѣ въ голосъ за него: — какая чернош!а!

Всѣ ради присягнушь, что это клевета.

Короче, въ немъ все даръ, изящность, пре-
восходство!

Сомнительноль его хопъ мало благородство, —

Ошпыщенъш пошчасъ наемной хронологъ,

И выведеть, что онъ породой чупъ не Богъ.

Богатому на что моюю дорожить;

Онъ можетъ какъ ширанъ всевъпной гово-
рить:

Я. Царь и надъ молвой! — Облыжна, или
права,

Дать славу я могу; — себѣ же самъ я слава!

Послушай богачей, какъ вздумается имъ

Геройствомъ въ правотѣ похвастаться сво-
имъ:

Я честенъ! — ничего не пребую съ народу.

О подвигъ! — своего ему милльонъ доходу;

А рядомъ важной домъ наполненной всего;

Спросице шолько чей? — Правителя сг.

Туда на цѣлой день вся шайка испцовъ хлы-
неть,

Шампанское кипитъ и самоваръ не стынеть.

Я чистъ, — не лъзя сказать, чтобъ лакомъ
былъ въ дарамъ;

Повѣрю, — всю Москву даришь шы сможешь
самъ.

О фениксъ въ естество, избѣженной сынъ
Неба!

Какъ сытому легко не бсть чужаго хлѣба!

Нѣтъ, нужду, нищету и голодъ испытай,
А послѣ правой похвастаться дерзай.
Но ты ни безъ вины, ни по винѣ не спраж-

дешь,
И по уши въ добрѣ, тепло, неощѣ, не жа-
ждешь;

Души твоей не жмешь ужасная поска,
Что по міру поидетъ семейство безъ куска;
Что можешь быть иныхъ погонетъ недоста-
токъ

У псовъ твоихъ опиянь и падали останокъ.
Вздыхайся до небесъ, — твой вѣкъ, твоя
пора!

Гдѣ Богъ твой, укажи? — Алмазная гора!
Нѣтъ! вишнее ничто намъ счастье дасть не
можешь;

Коль совѣсть нечиста, — и ясной день пре-
возмоетъ.

Безстыднаго Царя кровавый видъ проиѣ,
Злодѣйской произволъ поправшій весь законъ,
Мы зрѣли изумясь Небесъ долгоперпѣне,
Всеобщее предъ нимъ колѣнопреклоненіе;
Проникнемъ же теперь въ потъ внутренній
пайникъ,

Гдѣ малъ передъ собой, предъ свѣтомъ кто
великъ!

Посмотримъ, какъ въ своихъ черпотахъ оп-
дыхаетъ,

И въ очередь свою какъ совѣсть поздравляетъ!
Умолкъ народной шумъ, — исчезъ волшеб-
ной рай,

И гласъ ея проникъ: — станъ Кесарь, опивчай!

Когда ты на престолъ вскарабкался без-
славно,

Въ свидѣтельство меня не призывалъ ли явно
Предъ Небомъ иземлей, что будешь справе-
дливъ,

Съ разсудкомъ милосердъ, по разуму прав-
дивъ?

Дни щасливы даря подвласному народу,
Сулилъ ты охранять права его, свободу;
На испиѣ святой укоренишь свой прониъ,
И чуждъ отъ прихостей, блюсти одинъ за-
конъ;

Обиженнымъ клялся давать защиту скору,
Нещасному покровъ, безродному подпору;
Щедрыя проливать изъ кропкаго пера,
И спражемъ вѣрнымъ быть всеобщаго добра;
Духъ злобы заключишь въ узилища жестоки,
Ошибки извиняшь, наказывать пороки;
Безъ крайности войны клялся не начинашь,
Траяну всякой день въ доброшахъ подражаешь;
И край свой удаливъ отъ всякія напаси,
Хотѣлъ, чтобъ всѣ пвоей завидовали части:
И чтожъ изъ эшихъ кляствъ явилось нако-
нецъ? —

Народа своего ты бичъ, а не отецъ!
Не вѣря никому, — лукава оспорожно,
Обманываешь всѣхъ, кого и какъ возможно:
Отвсюду молодежь подъ пушки волокушь,
Всѣ хлѣбъ ѣдятъ въ слезахъ, захлебыва-
ясь пьютъ;

Нѣтъ правды на судъ, ни милости у прона;
Всѣ слышувъ, и никто не унимаеъ спона;

Унылая тоска какъ чемеръ сердце жметъ,
Игрушка никому на разумъ ужъ нейдетъ;
Налогами свою сварила всю землю варомъ,
И воздухомъ дышать едва ли можно даромъ!
И кѣмъ ты окруженъ? — Взгляни на свой
совѣтъ!

Болтаютъ всѣ красно, — а правды слова нѣтъ.
Шпіоновъ полонъ дворъ, на подкупы всѣ чивы,
Доносами твои наполнены архивы;
Гражданскія дѣла безъ смысла всѣ рѣшатъ;
Злодѣи и числѣ и правѣ, — а правои вино-
ватъ;

Въ духовныя дѣла мѣшаясь безъ разбора,
Главою себя нарекъ священнаго собора;
И храмы осивернивъ Небеснаго Царя,
Грабительство простеръ до вратницъ оларя!
Меня ли обольспишь професіями своими?
Вельможамъ ихъ нажи, — диви пол-свѣта ими!
Чужія племена тебя превознесутъ
И шипло божества въ ударѣ поднесутъ;
Повсюду прослывешь вождемъ побѣдоноснымъ;
Но дома назовутъ владыкою несноснымъ.
Съ полками на штыкахъ бытъ пуголомъ всѣхъ
спранъ!

Способенъ, такъ какъ ты, послѣдній апаманъ.
Меня не примиритъ съ тобой удачны брани,
Ни славы поржестиво, ни золотыя дани;
Я благоспи одной ищущу въ душахъ людей,
А ты всегда въ крови, какъ яроспиной злодѣи.
Гражданской Царь прямой бывалъ ли забіака?
Бытъ славнымъ алчелъ онъ, — но, ахъ! со-
вѣтъ инако.

Увы! какой вѣнецъ, какой чугуиной щитъ
 Отъ совѣсти Царя въ день брани защитишь?
 Грызеніе ея, всечасная тревога,
 Суть шаршаръ для владыкъ, забытъ дерз,
 нувшихъ Бога!

Богатые! и васъ, средь лапа пляжкихъ грудъ,
 Не пощадитъ ее немздопріимной судъ!

Міръ праздники любя, за нихъ хвалишь васъ
 будетъ;

Но совѣсти упрекъ и въ крѣпкомъ снѣ раз-
 будишь,

Испяжешъ, — кто изъ васъ какъ благо на
 живалъ.

Отвѣщивуйше! — ея допросовъ часъ насталъ.

Вѣщай, ричливый сынъ великаго Героя!

На ближняго бѣдахъ свое блаженство строя,

Не пѣмъ ли въ наши дни Царямъ подобенъ
 спалъ,

Что правомъ пляжкихъ силъ въ родствѣ все
 похищаль?

Въ крупныя времена жестокаго гоненья,

Когда швою сеспру, незнавшу пресупленья,

Сослали безъ вины изъ красныхъ перемовъ

Въ далекихъ жипъ снѣгахъ, въ пюръмъ ме-
 жду шпыковъ, —

Ты духъ имѣлъ лишишь ее въ такой напасни

Въ имѣніи отца ей слѣдующей часи; —

Все мало: — двухъ сиротъ ея злощасныхъ зря,

Анаему судьбы на цѣлой родъ проспая

И горькой нищетою оставивши на жертву,

Сугубо въ нихъ разилъ родительницу мерз-
 ву! —

Сюда, Махiавель! По модѣ человѣкъ,
 Отечеспву служа мздоимно весь свой вѣкъ,
 Чѣмъ нажилъ, говори, огромное имѣнье?
 Сокровище свое — чужое разоренье! —
 Прекрасной держишь домъ, и нектаръ слад-

кой пьешь,

Весь городъ всякой разъ на праздники зовешь;
 Но взглянь вокругъ себя, на кровы тѣхъ
 несчастныхъ,

Иль временно тебѣ, или совсѣмъ подвлас-

ныхъ,

Которыхъ ты всего имущества лишилъ,
 Иное съ молошка за пол-цѣны купилъ;
 Хозяйспвенно другихъ опекою своею
 Заставилъ навязать суму себѣ на шею;
 Тамъ, мѣру положивъ несправедливѣйшей мздѣ,
 Ты почеркомъ пера все опилъ на судѣ;
 Тутъ нагло торговалъ прекрасною женою,
 Здѣсь строилъ, созидалъ все деньгою чужою,
 Блѣднѣй и прелеще! — я вѣчно при тебѣ;
 Приду — и обличу въ какойнибудь судѣбѣ! —
 Спрапись меня и ты, врагъ юношества

скрышной,

Чужихъ форшунъ насосъ и зевъ ихъ нена-

сышной;

Безжалостной игрокъ! — Чего у тебя нѣтъ!
 Ошкуда? Мечешь банкъ вошь ровно со-

рокъ лѣтъ,

И нагло всѣмъ твердишь: — „Я все труда-

ми нажилъ.“

Но меньшеть согрѣшилъ, когда ты не уважилъ
 Долгъ ближняго прямой, и лежа на шудѣ,

Неопытныхъ смѣясь опчаянной слезѣ,
Въ одинъ несчастной мигъ рѣшительнаго бѣд-

Лишилъ навѣкъ дѣшей опцовскаго наслѣд-
ства.

Форшуна! гдѣ бы ты ни спавила пресполъ,
Какихъ не чаялъ благъ, не избѣгалъ я
золъ;

Но ежели спяжашъ мнѣ жребій несравненной
Цѣною совѣсти предложашъ возмущенной, —
Дарами ты меня своими не прельстишь:
Хвала чужая — грязь, коль самъ себя не
чистишь,

Умѣренной удѣлъ и скромное жилище
На родинѣ святой, опцовомъ пепелищѣ,
Гдѣ опытъ научалъ изъ дѣшскаго мудрымъ
быть,

Надежды всѣ свои на Бога положишь;
Гдѣ разумъ сапанинъ во мглѣ своей глубокой
По безднамъ не ведешь въ ровъ пагубы жесто-
кой;

Гдѣ чистая душа, свободна отъ спраспей,
Даетъ всему красу невинностьюю своею:
Тамъ, тамъ, — оставя всѣ теоріи не-
вѣрны, —

Ищете счастья, умы высокоумны!
Тамъ спрашенъ только грѣхъ, великъ не-
бесной Царь,

Тамъ твердъ Его законъ и святъ Его Ол-
тарь!

Лукавство паушимъ съ улыбкою не вяжешь,
И взора своего зла ненависть не кажешь;

Тамъ хитроснъ простопы съ ножемъ не спере-
режелъ,

Ни зависть оспрыхъ ранъ, лобзая, не дасть;
Тамъ кропкая любовь, сопутница смиренья,
Въ полезномъ для другихъ находилъ наслаж-
денья:

Вотъ пещинныхъ опрадъ, естественна черпа;
За нею все туманъ, — вездѣ лишь суеша!
Мы щастія хотимъ, но, ахъ! того не знаемъ,
Что сами онъ себя пути къ нему теряемъ!
Одинъ душевной миръ родилъ сіе добро;
Не дастъ его ни мечъ, ни злато, ни серебро,
Правдивой никогда о вѣщности не тужилъ,
Химерами надутъ, полубогамъ не служилъ;
Онъ знаетъ, кучу книгъ прочтя уединенъ,
Что вѣчно не бывалъ щеславной мужъ бла-
женъ;

Что почести двора, чины, кресны съ эмалью
Доходятъ иногда со всякою печалью;

Что нужды ему въ томъ, что онъ въ лѣто-
писяхъ

Безсмертнымъ по себѣ не сдѣлаетъ свой
прахъ,

Что слава не звучитъ повсюду въ рогъ пи-
рокой

Ни подвиговъ его, ни мудрости высокой;

На что ему Царя великолѣпной санъ,

Или правленья жезлъ, или Персипской станъ:

Столь тяжки бремена равняются ли долъ,

Въ которой онъ живетъ по доброй своей
волѣ?

Захочетъ ли всю жизнь въ походахъ погубить,

Ведя войну спо лѣтъ, миръ должной заклю-
читьъ?

И вновь опять лепѣтъ, схватя перуны и
стрѣлы,

Земель завоевать послѣдніе предѣлы?

Онъ, меньше суетясь, довольнѣе въ глуши,

И первымъ благомъ чинитъ спокойствіе души.

Захочетъ ли, стѣсняя свою и всѣхъ свободу,

Прихожія держаще набишныя народу?

Потерянной досугъ — одинъ лишь только
шумъ;

Въ привѣщевіяхъ пустыхъ разбросанъ мѣл-
кой умъ.

И эполъ ли профей, которымъ свѣтъ гор-
дится,

Блаженствомъ почишае мудрецъ не помы-
дится?

Пускай его вездѣ не славятъ ни во что,

Услугъ проситъ къ нему не бѣгаетъ никто,

Пускай его шѣснютъ, унижаютъ, да-
вятъ,

Чужими иногда пороками безславятъ, —

Онъ въ правилахъ своихъ какъ твердой дубъ
стойтъ,

И буря золь мірскихъ его не шевелитъ;

Невзгоды вынося съ безропотнымъ терпѣн-
емъ,

Онъ брошенъ опъ людей — но взысканъ
Провидѣнемъ,

И Небу поручивъ себя на всякой часъ,

Подъ мирнымъ кровомъ ждеетъ трубы послѣд-
ній гласъ.

О совѣсть, вѣрной спражь, и Ангелъ
 нашъ хранитель,
 Ума чистѣйшій свѣтъ, души пушеводи-
 шель,
 Незлобивыхъ вѣнецъ, а злыхъ сердецъ бѣда,
 Предсеча страшнаго великаго суда!
 Съ побою Богъ привелъ донинѣ жить без-
 спорно:
 Блюди, да дней конецъ свершу я незазорно,
 Чѣмъ тѣлу смерть дала забвенья шихой сонъ,
 А духъ, умученъ здѣсь, — нашелъ бы рай
 въ день онъ! . . . —

С У М Е Р И И

М О Е Й

Ж И З Н И.

Лучше десять разъ горѣть,

Чѣмъ однажды овдовѣть.

Руская пословица.

Е В Г Е Н И И.

Кому, кроме тебя, милой другъ мой! могу я посвящать весь этотъ плодъ мрачнаго моего воображенія и печальнѣйшихъ дней жизни? Ты былъ мой Геній, тебѣ принадлежалъ весь мой горестный вдохновеніе! Доколѣ ты украшала свѣтъ собою, я тебѣ не приносилъ въ жертву стиховъ; нѣтъ! когда я ими дарилъ весь твой полъ, тогда я посвящалъ тебѣ мою душу, мое сердце, каждую минушу моего бытія, и этимъ только возможнымъ смертному приношеніемъ хотѣлъ сколько оплотивить чувства мои къ тебѣ отъ всѣхъ общихъ мнѣ съ другими приспращеній, сколько оплотивить тебя отъ прочихъ твоей рѣдкой нравъ и свойство. Твоему разсудку, твоей крепости, твоимъ пріятнымъ внушеніямъ я обязанъ былъ всеми драгоценными минутами моего существованія. Ты научила меня быть добрымъ и полезнымъ, и заставила меня чувствовать всѣ тѣ прелести жизни, какія ощущаемъ мы, когда благонравная и любезная женщина обладаетъ нами. Сердце мое кружилось, не ушло быть поспоянно, не сползло тебя, — это правда; но когда я входилъ во внутренность его, когда могъ его находить свободнымъ отъ паровъ пламеннаго воображенія, я всегда зрѣлъ въ немъ образъ *Евгеніи* выше всѣхъ въ свѣтъ, и никакой иной предметъ не сидѣлъ въ этомъ числищѣ прямой любви выдер-

жашь сравненія съ побою; послѣ бурныхъ волненій спраспей, послѣ порывистыхъ желаній оболъщеннаго взора и ума, ты всегда находила мѣсто свое въ моемъ сердцѣ, и тебѣ, какъ Богу, курилъ я жертву истинной любви. Когда изображенія многихъ спирались въ душѣ моей и не оставляли даже малѣйшаго о себѣ напоминанія, одинъ твой образъ въ немъ день опъ дня врѣзывался глубже, и слова твои были для меня закономъ. О неподобное преимущество добродѣтели! священные права непорочности! вы были сокровище моей *Евгеніи* и неотъемлемая ея собственность! Съ воспоргомъ исповѣдую я публично сіи сокрытыя во глубинѣ сердца моего истины; и чѣмъ инымъ могу я воздать милому праху безподобной жены за всѣ ея благодѣанія, за тѣ блаженную судьбу, которою, наслаждаясь 17 лѣтъ, обязанъ былъ одной ей, ея наставленіямъ, ея любви? — Она занимала мой разумъ, украшала мое воображеніе, просвѣщала мое пониманіе, и оснаваляя не рѣдко на скользкомъ пути заблужденія, предупреждала пагубныя его послѣдствія; раздѣлая съ терпѣливостію стоическаго иго моей бѣдности, она безъ ропоту сносила мои недостатки, плакала со мною о твоихъ бѣдствіяхъ, кои навлекалъ я на себя собственною своею неосторожностію. Вотъ ея жертвы, — а мои, увы! состояли только въ слезахъ; я не могъ ни чѣмъ возвысить ея жребія: шло, одно шло громче другаго въ свѣтъ, есть — бѣдное приобрьненіе для добродѣтели. Какъ зодчій зиждеетъ зданіе, такъ она приготовляла меня поспешенно быти способнымъ доставити ей въ старости дней

ея по спокойствіе, какого въ правѣ была она
 ожидать отъ Безсмертныхъ; но рокъ похитилъ
 ее у меня, какъ бы къ усугубленію потери моей,
 въ то время, когда свойственно существованію на-
 шего пола, теряя мечтны обманутыхъ чувствъ,
 начинавъ приучаться къ щастію имѣть нѣжную
 подругу и беречь сей даръ Боговъ неоцѣненный.
 Она меня не слышавъ уже, не видя, и я
 только на бездушнѣй смотрю испуганъ ея. Ес-
 ли перо мое когда-либо испорчено могло бытъ
 лептѣю (если, говорю я пошлѣ, что будучи
 просодушенъ, я никогда не обманывалъ другихъ
 иначе, какъ обманываясь прежде самъ, слѣдова-
 тельно внушалъ какъ истину то, что мнѣ ею
 подлинно казалось) — то никогда не было ея
 менѣ въ устахъ моихъ, какъ нынѣ. — Сердце
 мое изливаетъ на бумагу весь сосудъ печали сво-
 ей въ память одной *Евгеніи*, которую еще дер-
 зну назвавъ *моею*, хотя душа ея Небу одному
 уже принадлежавъ. Мнѣ, это проспанное эхо
 безчисленныхъ языковъ, судя о движеніяхъ
 сердца по внѣшнимъ однимъ чертамъ нашихъ лицъ
 и поступковъ; онъ не знаетъ тайны сердца мо-
 его, и я на судъ его не отдаю ее вѣкъ: но
 ты, *Евгенія*, ты знала мою душу, и съ неба
 взирая на мою печаль, отдаешь справедливостъ
 твою чувствамъ моимъ къ тебѣ, коими памя-
 никъ твой вѣковѣчный украшаю! Но, ахъ! вмѣ-
 стѣ съ симъ я твою дражайшую не оболь-
 щаю; я сынъ Природы, и не смотря на всенев-
 ной источникъ слезъ моихъ, проливаемыхъ надъ
 каждой бездѣлкой, послѣ тебя у меня сохранив-
 шейся, хотя также какъ одинъ Писатель, пишу

всякой часъ о томъ, для чего время похищаетъ самыя наши печали о смерти милаго предмета, и часъ отчасу дѣлаешь ихъ слабѣе, — не смотря на всю чрезвычайность мучительной мысли, — можетъ быть я судьбою выпавленъ буду на показъ міру, дабы послужить новымъ примѣромъ человѣческому роду, что нѣтъ постоянного сокрушенія, и что Натура тверда въ своихъ законахъ, независимо отъ положенія нашего сердца. — Пусть собраніе сихъ стиховъ, именемъ твоимъ одушевляемыхъ, будетъ послѣдній видимый даръ мой на твоемъ гробѣ! Я не тщетно назвалъ его *Сумерками*, — ты была солнцемъ лучшихъ лѣтъ моей жизни! Музы и пріязнь поддерживали сирые дни мои; имъ я обязанъ былъ роздыхами отъ убивственной моей печали, которая естли скоро послѣ послѣдняго твоего вздоха не извлекла и моего, но для того единственно, чтобъ оправдать сію ужасную истину, что нѣтъ той бѣды на свѣтѣ, которой бы человѣкъ не пережилъ.

1806 Года

Декабря 20 дня.

СУМЕРКИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

24 ДЕКАБРЯ, ВЪ ДЕНЬ ЕЯ ИМЯНИНЪ.

*Pour l'aimer c'est trop peu d'une ame, je le sens,
Et pour la regretter, c'est trop peu de la vie.*

Тебѣ, Евгенія, приносимъ
Любимый швой Адажьо въ даръ!
Природу, мать всѣхъ пварей, просимъ,
Да уврачуемъ нашъ ударъ!
Въ ея ты нѣдра возвратилась;
Тебя не слышимъ мы — не зримъ,
И гдѣ душа швоя сокрылась,
Увы! вопще познашь хопимъ.

*

Приникни къ намъ съ высотъ священныхъ!
Услыши сей печальный хоръ
Супруга, чадъ преогорченныхъ,
И кинь на домъ, сей домъ, — швой взоръ!
Твоихъ пріятствъ изображенъе
Изъ глазъ не выдетъ никогда;
Любезныхъ свойствъ воображенъе
Въ умахъ оспалось навсегда.

*

Къ тебѣ мы руки воздѣваемъ,
Изъ сердца вздохъ унылый шлемъ;
Тебѣ всю нашу скорбь вѣщаемъ,
Блажимъ, богошворимъ, поемъ:
Въ спранѣ, гдѣ всѣхъ существъ Зиждитель
Для правыхъ душъ устроилъ рай,

Ты будь въ ней Ангелъ нашъ хранитель,
И сирыхъ насъ не забывай!

*

О Боже, насъ всего лишившій,
Опнявшій друга, мать, жену,
И мглой опчаянья покрывшій
Дней нашихъ осень и весну!
Реки, судьбу мою свершая,
Реки мнѣ, Господи: — умри!
И съ ней меня вновь свединяя,
Намъ вѣчну память сотвори!

Въ день ея рожденья, 25 Декабря.

Возьми меня, мой другъ сердечной!
Возьми къ себѣ въ небесный край!
Съ тобой опрады жизни вѣчной,
Съ тобой вкушаешь тамъ буду рай.
Увы! что въ жизни сей мятежной,
Гдѣ пирины не лѣзя найпишь,
Гдѣ рокъ всѣмъ общій, неизбежной —
Грустишь, вздыхаешь и слезы лишь?

*

Ни что меня не утѣшаетъ
Въ разлукѣ вѣчной здѣсь съ тобой,
И каждый мигъ лишь удаляетъ
Отъ чувствъ, распрощанныхъ покой.
Что прежде мысли занимало,
Исчезло все, какъ легкой сонъ,
И сердце нѣжное снознало
Тоски ужасной тяжкій сонъ.

*

Въ моей уединенной долѣ
 Какой оспрадой духъ польстишь?
 Блаженства нѣтъ и на престолахъ,
 Когда на немъ одинъ сидишь.
 Самъ - другъ велишь намъ жить Природа;
 Душа въ другой душѣ живетъ:
 Несноснѣй смерти ша свобода,
 Котора цѣль любезну рветъ.

*

Я эту цѣль безъ принужденья
 Носилъ семнадцать слишкомъ лѣтъ;
 А смерть, ея разсыпавъ звенья,
 Тюрьмой назначила мнѣ свѣтъ.
 Пора, пора мнѣ съ нимъ расстаться,
 Искать въ той вѣчности угла,
 Гдѣбѣ можно было не терзаться,
 И съ милымъ другомъ жить безъ зла!

*

Печаль, болѣзнь оставя смертнымъ,
 Какъ ихъ естественной удѣлъ,
 Я жажду къ Существамъ безсмертнымъ
 Проникнуть смерти за предѣлъ,
 И тамъ, во области священной,
 Въ прохладѣ вѣчно-ясныхъ дней,
 Съ женой единственной, безцѣнной,
 Жить сердцемъ, мыслью и душой!

Р О М А Н С Ъ.

31 Января, въ день, въ которой я на ней женился.

Потерявши все на свѣтѣ
Съ безпримѣрною женой,
Чѣмъ оспалось мнѣ въ предметѣ,
Кромѣ смерти лишь одной?

*

Всякой день мое нещастье
Множитъ пропасть мыслей злыхъ;
Все вокругъ меня ненастье,
А дни ясны для другихъ.

*

Ахъ! кому теперь открою
Тайны чувства моего?
Съ кѣмъ дѣлился мнѣ душою,
Сердцу бился для кого?

*

Въ безконечной сей громадѣ,
Чѣмъ вселенною зовушъ,
Гдѣ найду я путь въ опрадѣ?
Мила друга нѣтъ ужъ шумѣ! . . .

*

Онъ отъ глазъ моихъ сокрылся,
Не на часъ — а навсегда!
Съ нимъ я жизнью веселился;
Безъ него мнѣ жизнь — бѣда!

*

Всѣ душевны восхищенья,
Все вниманіе друзей,
Ласки нѣжной услажденья
Находилъ въ женѣ моей:

*

Она рай мнѣ создала
Безподобной при себѣ,

Цѣну жизни придавала
И красу моей судьбѣ;

*

Я не зналъ тогда печали,
Не страдалъ уединенъ;
Всюду радости встрѣчали;
Дома вдвое былъ блаженъ;

*

Я любилъ, и быть любезнымъ
Искалъ другу моему,
И спрѣданьемъ бесполезнымъ
Не былъ въ тягость никому:

*

А теперь мнѣ все несносно!
Что ни дѣлай, нѣтъ ее!
Для чегожъ не смертоносно
Мнѣ опчаенье мое?

*

Для чего вы продолжили,
Боги, щещину жизнь мою?
Для чего вы разпортили
Токи слезны, кои лью?

*

Я дышу еще къ мученью,
Не желая ничего,
И враждуя утѣшенью,
Жду опѣ времени того,

*

Чтобъ свою явило силу
Не цѣлишь мою печаль,
Но вселишь въ одну могилу
Съ той, кого до смерти жаль!

Т о с к а .

Все на свѣтѣ заблужденъе ,
Видимъ ясно всякой день ;
Гдѣжъ прямое утѣшенъе ?
Иль вездѣ его лишь тѣнь ?

*

Насъ Природа обольщаетъ ,
Пусыяками все манишь ;
Тѣмъ поущру восхищаетъ ,
Чѣмъ на вечеръ погубишь .

*

Для чего шомъ садъ , тѣ воды ,
Гдѣ мнѣ годъ казался мигъ ,
Гдѣ дурной не зналъ погоды ,
Нынѣче хуже всѣхъ другихъ ?

*

Ахъ ! вся жизнь ничто какъ мука ,
Злыхъ пущей горчайшій слѣдъ ;
Съ ней мгновенная разлука
Легче всѣхъ на свѣтѣ бѣдъ .

*

Каждой день , какъ солнце встало ,
Нову шлетъ судьба печаль ;
Солнце къ западу лишь пало ,
Все чего нибудь да жаль !

*

Долголь будемъ мы шапашъся
Какъ шросники въ юдоли сей ?
Долголь будемъ обольщашъся
Измѣненіемъ спрасшей ?

*

Лучше вѣкъ бы не родиться ,
 Въ пустошѣ хаоса бышь ,
 Чѣмъ съ разсудкомъ все бранишься ,
 Или съ сердцемъ все шужишь.

*

Жизни входы отвергая ,
 Тяжко всякой день спрадать ;
 Тяжко , пепелъ въ хлѣбъ вмѣняя ,
 Пище съ плачемъ распворяшь.

*

И сію судьбу блаженствомъ
 Иногда еще зовемъ ;
 Все шворимъ съ несовершенствомъ ,
 А премудрыми сльвемъ ;

*

Мы вселенной обладаемъ ,
 Мы гордимся красою ;
 Мы богатство распочаемъ :
 Чтожь мы сами ? — Прахъ земной.

*

Смерть ! тебя пусть шомъ спрашишь ,
 Кпо печали не позналъ ,
 Кпо лишь въ радостяхъ слезишь
 И въ недугахъ не вздыхалъ ;

*

Для меня здѣсь нѣтъ покою ,
 Я во гробъ къ нему сойду :
 Разлучая самъ съ собою —
 Всѣмъ бѣдамъ конецъ найду !

Ж и з н ь.

*Qu'est ce que la vie ? — une guerre —
Une guerre eternelle avec le malheur.*

Посмотришь на себя, посмотришь на людей:
То скука, то печаль — нѣтъ дня безъ при-
ключенья;
Минулы безъ досадъ, часа безъ огорченья;
И вся-то наша жизнь не стоить двухъ грошей.

*

Родимся — закричимъ, въ пеленки завернемся
И въ нихъ уже болѣзнь присуспововашъ нач-
немъ:
То вырѣжись зубъ, то колика пройдемъ,
А съ оспой наконецъ порядочно набьемся.

*

Лишь спанемъ разумѣнь ребенокъ чтонибудь,
То въ школу; пупъ онъ книгъ полсотни
прочитаетъ,
На пропись, на цифирь стоишь десять изма-
раетъ.
Всему гораздъ дитя; каковъ-то будетъ пупъ?

*

Изъ школы молодецъ на службу покапиль;
Хотя законовъ онъ своихъ еще не знаетъ,
Но такъ какъ гражданинъ, родъ жизни изби-
раетъ:
Про то ему старикъ отецъ уже внушилъ.

*

Нуда же молодца защитимъ, для примѣра? —
Въ солдаты? Хорошо — ружье ему, песаки.

Капраль кричитъ въ сердцахъ за все про все
не такъ ;
Тотъ слово — онъ шуза, — а Фукшель не химера.

*

Игрушкою такой — (легко повѣрятъ мнѣ)
За Логикой убивъ всю молодость исправно,
Не всякому я чай пошѣшился забавно,
И фукшелемъ рѣшивъ проблемы на спинѣ.

*

Куда же молодецъ? — Ужъ ли пойми въ оп-
спавку?
За чѣмъ? — Пускай его идетъ въ приказной
чинъ;
Тамъ будетъ дѣйствамъ онъ изыскивать при-
чинъ,
И спанетъ братъ къ себѣ изъ всѣхъ карма-
новъ справку.

*

А Логика? — Не лъзя; она вишь говоритъ,
Что кто безъ всякихъ правъ польстился
взявъ чужое;
Безчестно поступя, тотъ сдѣлаетъ худое;
Отъ мысли сей одной ужъ онъ съ стыда го-
ритъ.

*

Онъ очень честенъ, добръ и судитъ безпри-
спрасно,
Да сверхъ того еще курсъ Физики прошолъ,
Виргилій въ головѣ, Алгебру всю смололъ,
На глобусъ весь свѣтъ межуетъ разпрекрасно.

*

Оспрякъ — а хлѣба нѣтъ, и даромъ не дадутъ.
Тѣ мимо его чинъ, тѣ пенсію хватаютъ;

Онѣ нудится — а рай другіе восхищаютъ,
И трудъ его цѣнишь весьма не рѣдко шунъ.

*

Какъ въ случаѣ такомъ прикажете рѣшиться?
Хоть *Канта* въ микроскопъ какъ мышку
разбери

И древнихъ мудрецовъ всѣ спрочки разсмотри,
Взявъ спыдно, а не взявъ — такъ воздухомъ
пишались.

*

Ишь лучше кинуть все, — взявъ абшишь, и
домой.

Прекрасно! право такъ; — почувствуй шамъ
свободу,

Не будущъ ни тебѣ, ни ты скучаешь народу;
Въ блаженной проснопѣ узнаешь ты покой.

*

Геснера вишь чипалъ; — прекрасныя овечки
Съ прекраснымъ пасушкомъ пасутся шамъ
всегда,

Лазурный сводъ небесъ, прозрачная вода,
Тамъ мѣсяцъ вмѣсто свѣчь, а солнце вмѣсто
печки.

*

Пріѣхалъ? что нашелъ? — Пасухъ мой какъ
пасухъ,

Арапникомъ овецъ преполстымъ погоняешь,
Сприжешь ихъ безъ поцадъ, и грамотъ не
знаешь,

И вмѣсто мирповъ, ахъ! какой прескверной
духъ!

*

Тамъ осень — вечера — зимой пошли морозы;
Подай-ка малой свѣчь — внеси-ка Фомка дровъ.

Ахши, какой климатъ! не всеъ онъ такъ су-
ровъ?
Бесѣды никакой — лишь пянущся обозы.

*

Семъ въ городъ? — Въ лучший свѣтъ — и въ-
домо спупай;
Тупъ молодости всѣ пріятности являсь,
Нѣжнѣйши спроси въ духъ психохонько все-
лясь;
Рѣзвись — играй — люби: — вошъ щасье
гдѣ — вошъ рай!

*

И подлинно раекъ — любовная досада,
Вражда большихъ господъ — коварство, гор-
дось, лесъ,
Насиліе сердецъ, обманчивая чесь,
За правду — гнѣвъ и зло, за происки — награда.

*

Друзей ни одного — враговъ и щепу нѣтъ;
Снаружи видъ небесъ — въ душѣ весь дымъ
геенны;
Корысть единый Богъ — ей всѣ порабощенны:
Не правда, какъ хорошъ повсюду лучший
свѣтъ?

*

Женился? — препещи — предупреждай измѣны;
Дѣшей далъ Богъ? — ищи, чѣмъ юныхъ про-
пищать;
Кому помолвишь дочь, — куда сына дѣвать;
Почувствуй ихъ судьбы внезапныя премѣны.

*

А между тѣмъ вишь пы въ надеждѣ, что пвое
Имѣнье отъ обидъ заочно охранился,

Твой пахарь, домъ, земля оппюдь не разо-
рился;

Провѣдай, господинъ помѣщикъ — згибло все.

*

Но можно чай просить, чтобъ слѣдовать ве-
лѣли.

Конечно — о! тогда все въ ясность приведушъ!

Изъ пляжбы въ плямбу такъ пелянъ заволо-
кушъ,

Что будешь радъ тому, что самого не сѣли.

*

Вотъ всѣхъ суетъ успѣхъ и жизни общей мзда.

О славѣ уже здѣсь не говорю ни слова;

Спросише на ушко изъ зналиныхъ баръ любова,

Не жметъ ли ихъ подъ часъ алмазная звѣзда?

*

А молодость едва промчипъ на крыльяхъ время,

Не взвидишь, какъ потчасъ морщины посѣ-
пятъ;

Тупъ новыя совѣмъ пошѣхи взвеселяшъ,

Природа на тѣла злощаспій кинетъ бремя.

*

Зачнешъ похороняшъ родителей, друзей,

Не рѣдко милыхъ чадъ оплакивашъ кончину,

Теряшъ послѣднихъ благъ единственну при-
чину —

Любовницу, жену, того, кто всѣхъ милѣй.

*

Останешься одинъ — одинъ въ пространствѣ
міра,

Во всѣхъ семействахъ гость, во всѣхъ спра-
вахъ чужой,

О мысль, ужасный адъ влекущая съ собой!
Среди милѣоновъ душъ — себя увидишь сира!

*

Въ добавокъ геморой съ подагрою самъ-другъ,
Одышка, параличъ безъ зву нахаломъ грянушъ,
Служители души опкланиваться станушъ,
Смеркашся быстрой взоръ и гложнушъ тон-
кой слухъ.

*

А прежде всѣхъ Амуръ — о дитяшко любезно!
Какъ нѣжной къ ночи цвѣшъ завянешъ, опадешъ,
Сосудъ земныхъ оспрадъ до суха изведешъ,
И вѣчно поминашъ себя научишъ слезно.

*

Потомъ еще годокъ — и мать сыра земля,
Обвемля насъ въ своихъ могилахъ безконечныхъ,
Свершишъ натуры долгъ и цѣль Судебъ предъ
вѣчныхъ, —

Царя съ рабомъ равно пригоршней надѣля.

*

Таковъ - то нашъ животи! — Ахъ! естлибъ
человѣки

Могли такую смѣсь заранѣ познать,
Не чаю, чѣобы кто замѣшкался сказать:
О Господи! не дай родиться вовѣки!

С Т А Р И Н К А.

*Des simples jeux de son enfance
Heureux, qui se souvient longtems.*

Пріятно вспомнишь старину,
Задумавшись оспановишься,
И мысленно поворошишься
Минувъ пропекшихъ въ глубину!
Въ шаномъ уныломъ размышленіи,
Пишаясь милою мечпой,
Какъ часто сердца ушѣшеньи
Съ душевной смѣшаны тоской!

*

Уже далеко отъ меня
Моя пы, юность драгоцѣнна,
Эпоха жизни преблагенна!
Тебя возобновишь не лзя.
Ты скоро бѣгъ свой совершила,
Едва твоей примѣшилъ дни;
Но, ахъ! ихъ память не простыла,
И въ ней присушествуютъ они.

*

Куда вы дѣлился часы,
Когда, не вѣдая, что скушно,
Смотрѣлъ на роскошь равнодушно
И презиралъ ея красы?
Печаль какъ аспидъ не сосала
Души незлобивой моей,
Хандра (*) ума не посѣщала;
О! — я и незнакомъ былъ съ ней.

*

(*) Въ моемъ Лексиконѣ такъ называется ипохондрія.

Какъ часто въ клобы я тогда
 Прибѣхашъ прежде всѣхъ спарался,
 Домой послѣдній возвращался;
 И не забуду никогда
 Тѣхъ Польскихъ, въ коихъ споль прекрасно
 Весь вечеръ съ милой проведя,
 Твердилъ о спасеніи ей всечасно,
 Очей горящихъ не сводя!

*

Восторгомъ нѣжнымъ увлеченъ,
 Бывало мнѣ не до фигуры;
 Проворно спрою только куры,
 И въ полной мѣрѣ спавъ блаженъ,
 Я мнилъ, распавшись съ дражайшей,
 Ее какъ бога полюбя,
 Что ужъ достигъ до величайшей
 Блаженства мѣры для себя!

*

Ваксалы, пикники, редутъ
 Въ систему мы не приводили;
 Но шѣмы забавъ шамъ находили,
 Не видя, какъ часы бѣгутъ.
 Причудъ жеманства не знавали,
 Рѣзвились просто, безъ чиновъ;
 Ума въ карманахъ не искали,
 На случай былъ всегда готовъ.

*

Спасибо памяти моей;
 Еще она не такъ вѣщаетъ:
 Не рѣдко мнѣ воображаетъ
 Пріятство тѣхъ прекрасныхъ дней;
 Часть I. Н

Я въ ней сокровище имѣю
 Неисчерпаемыхъ умѣхъ,
 Отъ грусти нынѣшней умѣю
 Прошедшихъ лѣтъ припомнить смѣхъ.

*

Какъ будно лавка, гдѣ нарядъ
 Различныхъ вкусовъ продается,
 Гдѣ алой съ чернымъ цвѣтъ столкнешся,
 Бери, что вѣспрѣшится на взглядъ:
 Такъ точно память запасаетъ
 Печаль и радость прежнихъ лѣтъ,
 А мысль потѣ случай избираетъ,
 Которой ей на вкусъ придетъ.

*

Скажите, сверстники мои!
 Подъ общимъ небомъ вы судьбою,
 Въ Москвѣ родившіся со мною,
 Ужъ ли вы, радости свои
 Ровняя съ прежними годами,
 Когда все возлѣ васъ цвѣло,
 Какъ я, не чувствуете сами,
 Что нынѣ все не такъ пошло?

*

Сему причина, скажушъ, та:
 По мѣрѣ, какъ проходяшъ годы,
 Должна исчезнуть отъ природы
 Живой веселости черта.
 А свѣтъ таковъ же постоянно,
 Какъ брошенъ былъ изъ рукъ Творца:
 Горятъ въ немъ астры безпрестанно,
 Но слынушъ только лишь сердца.

*

Не свѣтъ, а духъ намъ измѣнилъ ;
 Природа хочеть неопиступно ,
 Чѣмъ съ юностію совокупно
 Терялся быстрой подвижъ силъ ,
 А съ нимъ терялось вмѣстѣ свойство
 Надежности въ самихъ себѣ :
 И такъ почтимъ Боговъ устройство ,
 И покоримся ихъ судьбѣ.

*

Ахъ, нѣтъ! мои друзья! не такъ
 На этомъ щепѣ я разсуждаю;
 Робящъ и нынче я встрѣчаю,
 Но лицъ веселыхъ ужъ никакъ:
 Всѣ спали томны, скучны, вялы,
 Никто не радъ здѣсь ничему;
 Давай, какіе хочешь, балы,
 Въ нихъ нѣтъ отрады никому.

*

А мы такъ въ прежніе года
 Кипайской пѣнью восхищались,
 И фокусъ-покусомъ прельщались;
 А коль на званой балъ когда
 Побѣхалъ счастье насъ поищемъ,
 То всякой, право я не лгу,
 Пропивъ того числа запишемъ
 Въ карманной книжкѣ крестъ въ кругу.

*

Теперь помѣху Богъ послалъ
 Одну — но долголь то продлился —
 Большой и малой, все спремится
 Въ пыли подъ самой зной на валъ;

Да и шуда всѣ прїѣзжаютъ ,
 Когда зги Божьей не выдашь ;
 А день деньской куда дѣваютьъ ,
 По чести прудно отгадашь .

*

И такъ , коль хочеть человѣкъ
 Съ примѣрами сообразиться ,
 Сравнянь отъ скуки пошрудится
 Съ прошедшимъ настоящимъ вѣкъ ,
 Онъ пошчасъ въ самомъ ихъ сложенъи
 Большую розницу найдетъ ;
 Не даромъ рѣчь въ употребленъи :
 Всегда вѣкъ на вѣкъ не придетъ .

*

О память дней , которыхъ нѣтъ !
 Живи въ моемъ воображенъи ,
 Храни крапчайшія мгновеньи
 Моихъ благополучныхъ лѣтъ !
 Готовъ прїятное мнѣ средство
 Мою украсить сѣдину ,
 Чѣмъ могъ смягчить недуговъ бѣдство ,
 Съ улыбкой вспомни старину !

Великимъ.

Великъ, кто противъ всѣхъ превращеностей
судьбины

Терпѣннѣе навѣ щипъ поставилъ предъ собой!
Его не потрясутъ земные исполины,
Владыки не плѣнятъ ума его мечшой.

*

Дѣлишь огромный пиръ съ роскошными сынами
Есть дѣло нашихъ чувствъ, обычное для всѣхъ;
Но слезу чѣмъ пролить надъ смертнаго
бѣдами

Умѣлъ ли спавишь кто въ ряду своихъ утѣхъ?...

*

Быть въ славѣ, въ торжествѣ, внимать на-
родну клику

Кто всякой день изъ насъ спокраишь не воз-
желалъ?

Кому нейдетъ на мысль въ народѣ слышь ве-
лику?

А вправду стань такимъ едва ли кто до-
стигалъ.

*

Пусть всякой, кто сердецъ изгибы разумѣетъ,
Кто съ Ноевыхъ временъ Исторію прочелъ,
Пусть скажетъ, коль сказать онъ правды
не робѣетъ,

Кого, когда и гдѣ великаго нашелъ?

*

Историкъ! дай отвѣтъ на всѣ мои вопросы,
Доводы собери изъ кучи древнихъ книгъ,
Людскихъ зашѣй и дѣлъ изслѣдуй всѣ хаосы,
И перстомъ укажи, кто былъ великъ хоть
мигъ!

*

Въ волненіи спрасней владѣль ли кто собою?
 Прощаль ли кто врага, когда онъ могъ шерзашъ?
 Гнушаясь хипрыхъ устѣ коварною хвалою,
 Кто правды грубый гласъ ей зналъ предно-
 чипашъ?

*

Кто въ жизни всякой шагъ размѣрилъ такъ
 приспособно,
 Что могъ, не устращась, внезапно умереть,
 И славы почипалъ лишь по одно достойно,
 Чшобъ ближнему помочь, о немъ душой ра-
 дѣшь?

*

Кто, малой свой удѣлъ достапочнымъ считая,
 Чужое могъ бы взяшь, но правомъ шѣмъ мерзилъ,
 Или, прудомъ ума сокровища сбирая,
 На вспрѣчу бѣднымъ шекъ и нищаго снабдилъ?

*

Кто въ воѣ при полкахъ, щадя враговъ безум-
 спво,
 Вагряной крови токъ спремилъ удержашъ,
 Согласья и любви пишая нѣжно чувспво,
 Не веси и града — сердца умѣлъ плѣняшь?

*

Кто, крапкой жизни сей исчисля дни и годы,
 Не прапилъ въ суешахъ на пользу данной вѣкъ,
 Безъ общаго добра не зрѣлъ своей выгоды,
 И помялъ каждой часъ, что онъ лишь че-
 ловѣкъ?

*

Се мой Великій Мужъ! кажи его вселенна,
 Вѣщай его дѣла, шруби ихъ въ полной рогѣ!

Да будешь въ родѣ и родѣ ихъ память незаб-
венна!

Восхвалять сихъ Мужей и рабъ, и Царь, и Богъ.

*

Кто сей? гдѣ онъ? реки . . . паду я ницъ на
землю,

И края ризъ его со шепетомъ коснусь;
Въ восторгѣ паче мѣрѣ стопы его обѣмлю,
Воздвигну ему храмъ, подѣ кровъ его вселюсь!

*

Явишься мнѣ на мысль Владыкъ воспѣваемыхъ
роды!

Въ единствѣ видя васъ, я дивныхъ зрю вождей;
Но рядомъ разсмотрѣвъ подвласны вамъ народы:
Тирановъ тонкихъ пѣма, великихъ нѣтъ мужей.

*

Доколь въ васъ кровь печетъ и разумъ сует-
шися,

Великъ! кричишь соборъ поверженныхъ
гражданъ;

Изыдетъ только духъ, личина съ васъ валилася,
Ходули запрещаешь — спалъ карлой великанъ.

*

Примѣровъ ли искаешь? — Увы! ихъ также
много,

Колико при краяхъ морскихъ песочныхъ зеринъ!
Природа лишь одна хранишь уставъ свой
строгий:

И знатной прупъ и мой одинъ покроетъ дернъ.

*

Почувствуемъ убо, разсудокъ очищая,
Что сколько мы себя великими ни чтимъ,

И сколь ни выеишъ насъ льсцевъ молва гнилая,
Мы немощей сосудъ и мудрость наша дымъ.

✱

Ни громкой подвиговъ нашъ насъ въ гробъ не
проводждаетъ,

Ни мыслей быспрой сонмъ за нами не лешисъ;
Желанья, волю, мочь, все бѣчнось погло-
щаеъ :

Вчера за нами все — севодни прочь бѣжитъ.

✱

Познаемъ внутрь себя свои несовершенствъ,
Навыкнемъ разумѣть, что Богъ одинъ великъ;
Что нѣтъ безъ дѣлъ благихъ ни здѣсь, ни
тамъ блаженства;

Что ихъ не замѣнитъ поработенныхъ крикъ.

✱

О Боже! Ты великъ и пѣрвѣ въ своихъ мѣ-
рилахъ!

Тебѣ' лишь одному хвада принадлежишѣ.
Вѣ эфирѣ, на землѣ, вѣ моряхѣ и во свѣшилахѣ!
Природа вся Тебѣ со спрахомѣ предстоитѣ.

✻

Спасай, щадѣ, люби, возвысь Свое созданье,
Гордыню яко прахъ людскихъ умовъ развѣи!
Ко истинѣ, къ Тебѣ направь сердецъ желанье,
И духъ вражды убивъ, любовью ихъ согрѣи!

✻

Тобою человекъ спезю всѣхъ благъ находишь,
Ты въ образѣ его съ Собою соравнишь;
Твоя рука его и гнетѣи въ верѣхъ возводишь.
Но что мы безъ Тебя? Ничто, какъ поль-

КО ИЛЪ.

Д Р У Г У .

*Il est cent amis pour nous plaindre
Et pas un pour nous secourir.*

Для дружбы созданъ томъ, кто съ нѣжною
душою

Разсудкомъ проложитъ умѣтъ путь къ покою;
Горячностъ юныхъ лѣтъ и молодости жаръ
Препятствуютъ вкушатъ блаженной дружбы
даръ.

Противно сердца ей малѣйшее волненье;
Любезны скромной взоръ и тихое движенье.
Просное я люблю, безъ всякихъ лишнѣхъ
спрокъ,

Въ которыхъ затвердилъ любовницъ свой урокъ;
Довольно для нее, и даже очень много,
За тѣмъ, что разумъ словъ берется въ друж-
бѣ спрого.

Другъ силился души всѣ стигы развернуть,
Спокойный мигъ продлить, въ шокъ самъ-
другъ вздохнуть;

И дружба хоть нѣжна, однако же не льстива,
Тверда въ своихъ связяхъ, въ совѣтахъ спра-
ведлива;

Проступковъ не спѣшитъ съ воспоргомъ из-
винять,

Ни слабости причинъ похвальныхъ вымыс-
лять:

Прямая дружба все разсматриваетъ ясно,
И судитъ о любви оппѣнкахъ безприспрасно.
Вопъ дружбы, коей міръ объемлетъ лишь
мечпы,

Небесной дщери сей, божественны черты!
 Она ли, я прошу, чѣмъ вы мнѣ по сказали,
 Вы, кои духъ ея въ несчастьяхъ испытали?
 Мнѣ кажеся, ужъ вы сказаѣ гоговы — да;
 Иною дружба быѣ не можеѣ никогда.
 Но всѣ ли мы ее такъ точно извѣляемъ,
 Какъ чувствуюѣ душа, какъ въ мысляхъ по-
 нимаемъ?
 Наполненъ свѣѣ друзей; въ немъ даже и
 злодѣй
 Мниѣ другомъ чѣмъ нибудь быѣ въ совѣ-
 сти своей.
 Ахъ! истина сама велиѣ намъ здѣсь при-
 знаѣся,
 Чѣ въ дружбѣ мастера всѣ люди ошибаѣся:
 Красивое словцо и поненькой обманъ
 Тамъ дружбы кажуѣ видъ, гдѣ пагубный
 шипанъ,
 Умовъ незрѣлыхъ царь, владыко безразсудной,
 Воюя надъ душой въ борьбѣ полено прудной,
 Умѣѣ изъ нее изшоргнуѣ наконецъ
 Данъ бѣдну естества и слабости сердецъ.
 Какъ часто тонкой ядъ въ полипикъ лукавой
 Изъ устѣ, въ которыхъ рѣчь написана оп-
 равой,
 Достигнувши души, во всю польѣся кровь! —
 Подумаѣѣ потчасъ, чѣ шупъ-по и любовь.
 Какъ часто изъ одной корысти челоѣки —
 (Я чаю было по въ злые даже вѣки) —
 Въ приманкахъ дружбы сѣѣ закинуѣ на-
 передъ:
 Послушай словъ — горяѣ, пощупай сер-
 де — ледъ!

Какъ часто, для того, чтобъ случая добиться,
 Скорѣй доспашь чиновъ, повыгоднѣй женишься,
 Иные, не стыдясь ни чести, ни людей,
 Богъ знаетъ гдѣ, себѣ промышляшъ пѣмъ
 друзей!

О томъ уже теперь никто не разсуждаетъ,
 Что разумъ, сердце, нравъ, связь дружества
 скрѣпляетъ;

Довольно небольшихъ пріятельскихъ услугъ,—
 И потчасъ кто-нибудь зовешъ тебя: мой
 другъ!

Возможно ли не взять и то во уваженіе,
 Что нынѣ завелось такое обращеніе,
 Которому почти не лзя пропивуспашъ,
 И юности пришлось невольно погибашъ.

Не всякой одаренъ столь чистымъ пронцань-
 емъ;

Чтобъ, истинну любовь съ ея очарованьемъ
 Умѣя различить, отвергнулъ сладку ласку
 И правду безъ чиновъ могъ ласкамъ предпо-
 чесъ;

Подъ общей нынѣ всѣ скрываются личиной:
 За правду, побоясь досады быть причиной,
 Мужъ дакаетъ женѣ, родителъ дѣтямъ
 лѣшинѣ; —

По совѣсти никто двухъ словъ не говоритъ.
 Какъ бронза золошцомъ немножечко прикрыва,
 Такъ внушенность у всѣхъ подъ нѣжнымъ
 взоромъ скрива:

Повсюду похвалы, обѣщанія, восторгъ,
 Со словомъ: шы мой другъ! лепили — сви-
 дѣтель Богъ.

Ищи пожалуй въ нихъ той дружбы неподобной.

Врачующей печаль, смягчить бѣды способной,
 Которой въ старину плѣнились и Цари,
 Предъ коей, говорящъ, курились олшари.
 О, ибѣ! никакъ не лзя симъ чувствомъ

насладишься
 Тому, въ комъ съ сердцемъ умъ не можешь
 согласишься,

Кто любитъ еще бытъ подвластенъ всѣмъ
 спрашямъ,

Кто мечется вездѣ, какъ лодка по волнамъ;
 Тому, кто цѣлой день бѣжитъ уединенья,
 Спрашишь крапкой мигъ прожить безъ вос-
 хищенья.

Для дружбы потѣ одинъ на свѣтѣ семъ готовъ,
 Кто опытностью спаръ и лѣтами не новъ. —
 Премудрое и съ шѣмъ благое Провидѣнье,
 Чтوبъ смертнымъ низпослать подъ спарость
 ушѣшенье,

Когда къ закапу дней приближаша своихъ,
 Способность имъ даеши цѣнишь друзей пря-
 мыхъ;

Въ замѣну пылкихъ чувствъ, возторговъ без-
 примѣрныхъ,
 Тѣхъ сладостныхъ надеждъ, и вмѣстѣ споль
 невѣрныхъ,

Которыми сердца во младости манимъ,
 И сонъ ума продлишь до позднихъ лѣтъ хопимъ,
 Чтобъ память заглушишь неопытнаго дѣтства,
 Къ блаженной тишинѣ назначишь путь и
 средства,

Творецъ безсмертныхъ благъ, Источникъ на-
 шихъ силъ,

Раскаянья во слѣдъ къ намъ дружбу проводиль:

Одно самихъ съ собой мирить и исправлять,
 Другая отъ тоски, опчаясь спасаешь,
 Надежды связью насъ между собой крѣпиль,
 Картины юныхъ лѣтъ при старости живиль.
 И какъ бы мы могли въ послѣднія минушы
 Надеждъ и страха вдругъ сносить волненья
 люты,

Когда бы не она щадила нашъ покой,
 Печали отводя спасительной рукой?
 Изъ всѣхъ доводовъ сихъ довольно, чаю, ясно,
 Что въ среднихъ лишь годахъ дружимся
 безопасно.

И я, доживъ до нихъ, могу за щастье счесть,
 Что званья друга мнѣ присвоили вы честь.
 Умѣю я ее цѣнить въ высокой мѣрѣ,
 За тѣмъ, что при моей несноснѣйшей потерѣ
 Ни что не можетъ такъ покоить скорбный
 духъ,

Какъ искренній, прямой и вѣрный нѣжный
 другъ.

Ужь ли не дастъ мнѣ Богъ и дружбой насла-
 диться,

Когда самъ Онъ, сей Богъ — привелъ всего
 лишился?

О, нѣтъ! друзьями мы пребудемъ межъ собой,
 Доколѣ смерть великъ разчестъ мнѣ съ
 судьбой!

ПОСЛАНИЕ КО МНѢ.

*Si vous voulez, que j'aime encore,
Rendez-moi l'âge des amours,
Au crepuscule de mes jours
Joignez-y, s'il se peut, l'aurore.*

Въ слѣдующихъ стихахъ только риѣмы мнѣ принадлежатъ; впрочемъ содержаніе ихъ помѣщено въ одномъ ко мнѣ письмѣ онѣ неизвѣстнаго. Спусти я нѣкоторое время послѣ кончины жены моей, я гулялъ въ довольно большомъ обществѣ за городомъ, и обходя кладбище, опгороженное въ мѣлкомъ лѣсу, увидѣлъ я сухое дерево. Мысль о ничтожествѣ человѣческомъ соединилась съ воспоминаніемъ о моей Евгеніи въ разспроенномъ воображеніи, и я велѣлъ вязъ сухой срубить, потому что онѣ портилъ видъ прочихъ богато одѣтыхъ деревьевъ. Въ минушю онѣ упалъ въ глазахъ моихъ, и это была минута меланхолическая, въ которую я не могъ дать никакой причины движеніямъ моего сердца; онѣ были свободны и не дожидались разсудка. Нѣсколько дней потомъ, я получилъ письмо, чаятельно онѣ кого нибудь изъ гулявшихъ со мною въ томъ же мѣстѣ. Содержаніе его обратило на себя мое вниманіе; оно было написано безъ всякихъ правилъ, стихами немѣрными и обезображено. — Я въ досужной часъ привелъ его въ то состояніе, въ которомъ оно здѣсь напечатано; а неизвѣстному онѣ началъ поставленными въ заглавіи стихами Г. Вольпера. Увѣренъ будучи, что естѣли Особа, почтившая меня своимъ письмомъ, не разумѣетъ

по Французски, по вѣрно имѣешь знакомыхъ, кои ей перевеситъ содержаніе ихъ могутъ.

*

Вдовецъ! какъ можешь ты сей вязъ сухой
рубишь,

Когда ты хочешь самъ ему подобенъ быть?
Когда ты, посвятивъ женѣ умершей душу,
Вездѣ вѣщаешь всѣмъ: я кляпвы не нарушу;
Евгенъ вѣренъ я пребуду навсегда!

Другая чувствъ моихъ не пренебъ никогда!...
И ты ли рубишь вязъ за то, что онъ без-
плоденъ,

И портишь лишь красу другихъ деревьевъ
годенъ?

Онъ пѣни не даетъ, ни пиши, ни чего;
Велѣлъ — попоръ махнулъ — свалился —
нѣтъ его! —

Спокойся; онъ пивой взоръ уже не поражаетъ,
И крикъ совы на немъ пернатыхъ не пугаетъ.

Такъ бѣдствуетъ и мужъ безъ милыхъ жены;
Всѣ радости онъ чувствъ его удалены;

Онъ ноетъ, и въ его семействѣ всѣ унылы;

Хоть дѣши для него любви залогъ милы,

Но имъ души его наполнишь всей не лѣзя:

Онъ видитъ въ нихъ свое, но не всего себя, —

Не то, что зрѣтъ супругъ въ супругѣ драго-
цѣнной,

Любовію святой съ нимъ тѣсно сопряжен-
ной, —

Съ дѣшми — влечется къ нимъ изъ сердца
войнъ любовь;

Съ женою — онъ ее впекаешь паки въ кровь:

Не виѣ, но въ насѣ самихъ тогда любовь
пылаеѣ

И перстной жизни дни въ дни неба превра-
щаеѣ. —

Сѣ любовію дѣтей — всегда въ связи печаль:
Отецѣ пристроитѣ дочь — распашься сѣ
нею жаль !

Ушлеѣ ли сына въ полкѣ — сѣ поски по
немѣ крушитѣ :

Какихѣ для сына бѣдѣ родителѣ не боится !
Но гдѣ въ супругахѣ мирѣ — жена тамѣ я
другой :

Все дѣлитѣ пополамѣ — вездѣ она со мной ;
Она мой другѣ, совѣѣ, опрада, наслажденье ;
Жена всѣхѣ нѣжныхѣ чувствѣ еѣ почка
привлеченья ! —

Среди судьбинныхѣ золѣ семейственный отецѣ
Вѣ обьяшяѣ жены находитѣ слезѣ конецѣ ;
Вѣ болѣзни — кто жены надежнѣе въ услугахѣ ?
И въ снарости самой, по свичкѣ ихѣ другѣ
сѣ другомѣ ,

Такѣ нечувствительно достигнуѣ до нее ,
Чѣ спавяѣ ни во чѣо всѣ ужасы еѣ.

Но ты рѣшился быѣ одинѣ въ простран-
номѣ мирѣ ,

Влюбляѣся виѣ себя въ Евгенію въ эфирѣ —
Мечтаѣ обѣ ней — искаѣ еѣ на небесахѣ —
Дѣлитѣся сердцемѣ сѣ ней въ Архангельскихѣ
спранахѣ :

Прекрасенѣ пвой воспоргѣ ! но ты живешѣ
въ Природѣ ;

Отѣ склонности еѣ не можешѣ быѣ въ сво-
бодѣ.

Уже ли кто возмнишь безспаснымъ бышь
тебя?

Кого увѣришь въ помѣ? — всѣхъ менѣ себя! —
Разсудокъ наложилъ вошще на сердце бремя;
Оно еще горитъ — хладѣшь ему не время.
Усиліе швое прошиву нѣжныхъ чувствъ
Есть дѣйствіе ума и плодъ его искусствъ;
Но сердце въ нихъ совсѣмъ участья не имѣетъ:
Оно его зашѣи отнюдь не разумѣетъ;
И сколько пы его подъ гнѣпомъ ни дави,
Повѣрь, что для людей, разнѣженныхъ въ
любви —

Людей такихъ, какъ ты, помнящихся всечасно,
Которыхъ движетъ все, что чуть чуть лишь
прекрасно —

Творецъ міровъ еще не создалъ тѣхъ преградъ,
За коибъ не давалъ закона милой взглядъ.
Ты спраждешъ, потерявъ супругу добру, милу;
Ей нѣтъ замѣны, такъ — почти ея могилу,
Печальной гробъ ея слезами ороси,
Душевно жершву ей вседневно возноси —
Боготвори ее — но все не заблуждайся,
И въ мірѣ жишь одинъ весь вѣкъ не поку-
шайся:

Не нуженъ подвигъ сей, ни мертвымъ ни
Творцу;

Смягчи колючій пупъ, ведущій насъ къ концу.
Кто во время его успѣлъ убраться цвѣтами,
Тотъ шествуетъ по немъ опважными шагами,
И бросивъ взоръ назадъ, не шужитъ онъ о помѣ,
Что мертвенной его останется здѣсь домъ.
Дождись минушы сей — ея пы не минуешь,

Часть I. О

И такъ какъ ты теперь въ лѣсу здѣсь него-
 дуешь
 На вязъ сухой, къ своимъ поверженный но-
 гамъ,
 Наступящъ тѣ часы, въ которые Богомъ
 Угодно будешь смерть, воззвавъ изъ спранъ
 полночныхъ,
 Велѣшь тебя среди людей здоровыхъ, мочныхъ,
 За то, что ты и старъ, и сѣдъ, и поршишь
 видъ,
 Скосишь, какъ вязъ сухой — и смерть те-
 бя свалишь!
 Дождись! а между тѣмъ живи, какъ жить
 возможно;
 Любезное любя, не прячься осторожно,
 И сердцу своему пылать лишь не давай,
 А вовсе у него тепла не опнимай. —

Т А Л Ь Ш А.

ДЕРЕВНЯ А — О В — ОЙ.

Какая мудрость въ пышномъ градѣ
 Душевыя раны врачевать,
 Въ шуму, въ разсѣяньи, въ прохладѣ
 Печаль изъ сердца выживать?
 Тамъ знаешь ли свѣтъ, тамъ просвѣщенье,
 Искусство, промыслы найдешь:
 Въ Москвѣ что шагъ, то развлеченье;
 Двухъ мыслей мрачныхъ не сведешь.

*

Но въ полѣ, въ полѣ унолишься
 Чѣмъ можешь сильная печаль?
 Куда несчастной ни стремишься,
 Вездѣ потери милой жалъ.
 И какъ пріяны шумъ бываютъ
 Госпепріимство и любовь!
 Онѣ сѣдины оживляютъ
 И грѣютъ въ насъ студеноу кровь.

*

Вчера въ пуши мы наслаждались
 Мгновеньемъ древнихъ дней златыхъ,
 Усердной лаской угощались —
 Сей собственностью душъ простыхъ.

Стихи прекрасные читали,
 Не занимались суетой:
 И гдѣжъ такъ время провождали?
 На Тальшѣ, рѣчкѣ небольшой.

*

Ее въ ландшахъ не рисуютъ;
 Въ ея спруяхъ нѣтъ шерлядей;
 Суда на парусахъ не дуютъ,
 Индѣйскій грузъ не тонетъ въ ней:
 Но люди добры и любезны
 При ней спокойно дни ведутъ;
 Ихъ жизнь скромна, шруды полезны:
 Они читаютъ, сѣютъ, жнутъ.

*

Да будетъ счастья солнце вѣчно
 Надъ ихъ убѣжищемъ сіять!
 Тотъ щастливъ долженъ быть конечно,
 Кто любитъ горестъ обласкать.
 Увы! еще въ прошедшемъ лѣтъ
 Моя судьба какъ рай цвѣла:
 Кому завидовалъ я въ свѣтъ,
 Когда Евгенія жила?

НОЧНАЯ ПОЪЗДКА.

Пріянно, говорящъ, въ дорогѣ быть тогда,
 Какъ полный зракъ луны всю землю озаряетъ.
 У всякаго свой вкусъ; меня такъ никогда
 Ночной порою пушъ опиюдь не забавляетъ.

*

Я въ мѣсячную ночь гошовъ совсѣмъ не спашъ,
 И вилошъ до бѣла дня торчашъ одинъ въ
 окошкахъ:

Всѣ лучше, чѣмъ съ самой Венерой разбѣзжашъ
 Въ каретѣ ли — въ возкѣ — въ саняхъ, или
 на дрожкахъ.

*

Мнѣ всё равно, на чемъ — и въ чемъ — и какъ —
 и съ кѣмъ;

Я ночью не ѣздохъ, хопъ дай почтовыхъ даромъ:
 Охотище сухаръ въ своемъ домишкѣ сѣмъ,
 Чѣмъ за сто верстъ скакать въ дормезъ за
 нектаромъ.

*

День созданъ для суешъ, а ночь для тишины:
 Всѣ кшаши въ естество Творецъ напуры
 стройшъ;

Онъ знаетъ, для какой насъ именно вины
 По утру будишъ день, а къ ночи сонъ по-
 койшъ.

*

Мы сами своему спокосствію враги:

Намъ хочешся вездѣ затѣять суматоху,
 Хопъ самижъ видимъ сплошъ, что наши всѣ
 шаги

Намъ спююшъ или слезъ, или конечно въдоху.

*

Сколь часто мы себѣ воображаемъ рай,
 Составивъ изъ идеи картины распрекрасны;
 И потчасъ лошадей курьерскихъ подовай!
 За чѣмъ? — куда? — Скакашь во пропасти
 ужасны.

*

Родился человѣкъ съ способностью спускаться,
 И пусть бы вѣкъ ходилъ — земли на свѣтѣ
 много!

Но встрѣшилась вода; по ней не лѣзя шагашъ:
 Тотчасъ поспѣлъ корабль — и на море дорога.

*

Казалось бы, за тѣмъ чего еще хотѣшь?
 Весь свѣтъ (а свѣтъ великъ!) обвѣхашъ на-
 учился;

Нѣтъ, мало, — дай еще за облако лѣтѣшь:
 Надулъ шафляной шаръ — и вѣ воздухѣ явился.

*

Что послѣ? — Пустяки. — О жалкой человѣкъ!
 Покоя не щадя, чтобъ бышь впередъ спокой-
 нымъ;

Летаешь ты, плывешь и скачешь весь свой
 вѣкъ;

А смерть вдругъ спавитъ грань твоимъ мѣ-
 чшамъ неспройнымъ!

*

Пріятель мой Глассонъ давно бы мнѣ сказалъ,
 Что Гуфландъ или Галль на нервы вѣ этомъ
 шлются;

А я такъ и безъ нихъ давно ужъ опгадаю,
 Что люди вокругъ бѣды какъ мухи къ свѣч-
 кѣ жмутся.

*

Блаженъ , кому далъ Богъ жизнь дома безъ
шоски,
Съ пріятною женой союзъ любви внушая!
Хоть какъ его судьба ни жметъ въ свои писки,
Онъ щастливъ, сноситъ все , Безсмертныхъ
ублажая.

*

Жишѣ дома, бышѣ въ семьѣ, безѣ распри,
безѣ клеветѣ,
Имѣшѣ насущной хлѣбѣ, нафташѣ, огонь
въ каминѣ, —
Вопѣ щасѣ, вопѣ покой, — инаго въ
свѣтѣ нѣшѣ!
Тотѣ подлинно во всемѣ съ Божьими во поло-
винѣ!

За члпжѡ ѡтѣ блгѣ панихѣ хотѣшѣ ещѣ кому
 Для мнимаго добра изѣ края въ край ша-
 патѣся?
 Какѣ Пирру нѣкто рекѣ, и ябѣ сказалѣ ему:
 „Да члпжѡ тебѣ прешѣшѣ и дома всѣ смѣяшѣся?“

Мой домъ, увь! хопя могилой сталъ св тѣхъ
поръ,
Какъ я лишень жены, св женами несравненной,
При всемъ шомъ изъ него, луной чщобъ тѣ-
шншь взоръ,
Не двинусь ни въ какой прелестной край
вселенной.

УСПЕНСКОЕ.

ДЕРЕВНЯ И. И. МУ — ВА.

Согласенъ съ вами я : Успенское село
 Наполнено красотъ, влекущихъ къ восхищенью;
 Но время отъ меня далеко увело
 Тѣ годы, въ кои мы готовы къ изумленью.

*

Живемъ мы два мига : одинъ сначала щотъ,
 Въ которой духъ любви всѣ чувства обни-
 маешь ;

Другой, когда нашъ умъ подъ бременемъ заботъ,
 Оплакавъ красны дни, ночь вѣчну предвѣщаетъ.

*

Что можешь бытьъ милѣй Успенскаго села
 Въ помѣ видѣ, какъ мы въ немъ день цѣлой
 проводили ?

Родство, пріязнь, любовь, нечаянность свела;
 Другъ гругу всякъ былъ радъ, и непогоду
 забыли.

*

Прелестной павильонъ казался милой рай;
 Но вечеръ лишь одинъ въ немъ брошенъ былъ
 судьбою :

На завтра раздалось унылое прощай,
 И я свою печаль повезъ опять съ собою.

*

Она одна моя сопушница вездѣ;
 Я ею наученъ питать въ себѣ безспрастье:
 Когда лишенныхъ благъ сыскать не лзя нигдѣ,
 То пусть меня мое переживетъ несчастье !

РАЗМЫШЛЕНИЕ НА БЕРЕГУ РЪКИ
КЛАЗЬМЫ,

ПРИ ПОГОСТЬ АРХИДИАКОНА СТЕФАНА, МЕЖДУ
ГОРОХОВЦОМЪ И ВЯЗНИКАМИ.

Oh! que la Nature est grande!

Руссо, на небо взоръ послѣдній обращая,
Природу восхвалилъ съ восторгомъ, умирая,
И мнилъ, что духъ его, очищенъ отъ спра-
сней,

Оставя персть на вѣкъ, вселился въ нѣдра
къ ней,

О какъ велика ты! — Руссо такъ восклицаетъ;
Сказавъ, постигъ ее, и въ ней ужъ пребываетъ.

Ученіе сего Философа любя,

Природа! здѣсь и я почувствовалъ тебя.

Съ горы среди могилъ у ногъ дубовъ вѣшви-
спыхъ

Я въ Клязьмѣ вижу токъ то мрачныхъ струй,
то чистыхъ;

Естественное зря движеніе воды,

Смотрю большихъ судовъ на скромные слѣды,

И думаю: — вотъ такъ судьба дни смерт-
ныхъ коситъ;

Вода несетъ суда, а время жизнь уноситъ;

За капель капля водъ въ моря бѣжитъ изъ
рѣкъ, —

Живой примѣръ, какъ мы день за днемъ го-
нимъ вѣкъ.

Взгляните у вершинъ на ключъ воды про-
зрачной :
Въ пологихъ берегахъ бѣжитъ средь нивы
злачной ;
Источникъ его чистъ, на днѣ каменьевъ нѣтъ,
Тѣнь горъ крутыхъ ему не застилаетъ свѣтъ;
Рѣзвись, онъ не шумитъ, народа не превозитъ,
Едва лишь челночекъ спустишь порожній
можетъ.

Такъ точно человѣкъ въ младенчествѣ
своемъ,
Когда еще спрашей не видимъ вредныхъ въ
немъ,
Невинный, — онъ свой мячъ шуда, сюда швы-
ряетъ,
Ни хитраго сѣшей, ни злобныхъ зла не знаетъ.

Подалье ручей постелю разширилъ,
Волненія позналъ, и омузы сокрылъ ;
Насулили надъ нимъ древа верхи густые,
Въ излучинахъ ладьи плывутъ ужь не пусыя;
Площинами рѣку Механики крѣпятъ,
Огромны шестерни шрудятся ей велятъ.

Такъ опрокъ, ощутивъ робячьи наслажденья,
Силъ мѣру испытавъ и страхъ сопротивленья,
Искусствомъ паровитъ вожапыхъ обмануть :
То рѣзвился, шалитъ, то плачетъ, чѣмъ
пронуть ;
Но тѣ, уловкъ сихъ изслѣдовавъ причины,
Готовящъ для него моральныя плошины,
И льстятся дикой нравъ неволею смиря,
Что жизни его тѣмъ очистишься заря.

Потомъ, прервавши всѣ художества пре-
 грады,
 Чрезъ многи сотни верстѣ, сѣвозъ разны се-
 ла, грады,
 Вдругъ Волга, Донъ, Ока являющся глазамъ;
 Гордясь богатствомъ водъ, несущъ ихъ въ
 дань морямъ;
 Тамъ тысячи людей, съ имъ свойственной
 опвагой,
 Безъ коней, безъ колесъ и движимы лишь влагой,
 О каршу зацѣпясь подъ брызгами волны,
 Лепящъ ложиться въ гробъ свирѣпой глубины.
 Какъ часто видимъ мы въ печальной той
 же долѣ
 И юношу, когда, своей добившись волнъ,
 Наполненъ оспроты, спѣвши въ восхищень
 свѣтъ. —
 Несчастный! — умъ бѣда, когда разсудка нѣтъ!
 Безъ опытовъ одинъ великодушный пламень
 Въ сообществѣ людей есть потъ подводный
 камень,
 Которой на бѣгу порывистомъ суда
 Наждавши не щадитъ, и сокрушитъ всегда.
 Изъ рѣкъ мое шуда лепитъ воображенье,
 Куда влечетъ всѣхъ ихъ природное склоненье!
 Въ шуманъ посреди дымящихся валовъ
 Огромной вижу спрой купеческихъ судовъ;
 Для нихъ всѣ страхи тамъ Природа ссединила,
 И пользы и бѣдамъ путь жидкой проложила.
 Спяхатель грузъ на грузъ мечпаетъ промѣ-
 нятъ,
 За страхъ, за трудъ, за потъ сокровища
 достать,
 И жаждетъ мысъ узрѣтъ земли Общпованной,

Пятою хищника доселѣ непоправной.
Твердыни кажетсѣ видѣ обманчивая зыбь,
Шпиль царствующѣ, — мажорсѣ вонзаетсѣ
якорь въ глыбѣ;

Торговля, разочныя надежныя успѣхи,
Воскликнула: барышъ! — повсюду игры, смѣхи,
Всѣ пьютъ, поютъ, курятъ, — летятъ изъ
бочекъ дны :

Какъ вдругъ, разсвирѣпѣвъ Золовы сыны,
Предпечи грозныхъ пучь и вѣспинни не-
нашья,

Воздвигнувъ море, вмигъ надули всѣ несчастья.
А пы, космополищ! куда свой правишь бѣгъ?
Вернись! — еще въ виду пивоей опчизны брегъ;
Иль смѣлоспи своей прославишь хочешь чув-
ство,

И въ странствіяхъ морскихъ усовершивъ искусство;

Неизвестность открыть? — Такъ плывъ без-
смертный Кукъ

Предѣлы разширять и міра и наукъ; —
Держай! — но вокругъ себя изъ облакъ лмятся
лучи,

На мачтахъ, зря бѣду, висятъ мапированія кучи;
Тысамъ бѣжишь смущенъ испытывать Апласъ.
Все поздно! не спасутъ ни флаги, ни компасъ.
Что парусы твои? — Дрянная паутина! —
Останься на мѣли, доколь пожретъ пучина.
Судьба черкнула твой на камнѣ приговоръ;
Къ родительскимъ спранамъ простри послѣд-
ній взоръ,

И новый, сокрушась, яви примѣръ вселенной,
Что пользы нѣтъ въ одной теоріи надменной.

Ужъ въ ярости струи на часъ судно рвутъ,
И признаковъ его однѣ щепы плывутъ.

Вотъ молодости здѣсь плачевная картина,
Когда въ страстяхъ ея запушана судьбина!
Доколь не перешелъ за возрастъ швой нашъ
вѣкъ,

Моральнымъ бурямъ злымъ подверженъ чело-
вѣкъ:

Обманы вкругъ его какъ вихри въ уши дуютъ;
То ропщень пылкій умъ, то чувства него-
дуютъ.

Какъ тяжко въ свѣтѣ жить и прашъ про-
шиву зла!

Конечно! — Но ужъ ли Природа создала
Всѣхъ насъ на томъ концѣ, чтобъ быть
щастливымъ даромъ?

Ахъ, нѣтъ! — Творецъ людей поставилъ въ
цѣль ударамъ

Разительнѣйшій спократъ, чѣмъ ужасы тѣхъ тучъ,
Которы въ мигъ одинъ разсыплетъ солнца лучъ.

Любовь — сердечный червь и ревность, —
врагъ ужасный;

Воинскій рьяный духъ — припадокъ столь
опасный, —

Довольно сихъ страстей, когда разсудокъ малъ,
И должной перевѣсъ надъ сердцемъ потерялъ,
Довольно, чтобъ потрясъ всѣхъ правилъ
основанье,

И жертвой сдѣлать насъ безумнаго желанья!

А тамъ, гдѣ горизонтъ теряется всѣхъ
спраиъ,

Какъ вѣчность вижу я бездонный Океанъ,

Сей поясъ всѣхъ міровъ, всѣхъ водъ совокуп-
ленье,

Безчисленныхъ пвердынь живое раздѣленье.
Въ пространномъ безъ границъ сліяніи морей
Плывучія тѣ зрю хранилища смертей,
Которыхъ славы спрасъ и ярость посылаетъ,
И громъ мѣднѣныхъ жерлъ врагамъ угождаетъ.
Духъ Божій надъ водой дни смершнаго блю-
детъ, —

Еще ему, еще опомнишься даешь!

Тамъ кипѣ, морей деспотъ, тамъ хищны
крокодилы,

Для шумы несчастныхъ тѣлъ гошовой могилы,
Ныряя подъ водой, пучину шевелятъ,
И бездну изъ ноздрей фонтанами родятъ.
Все смершный одолѣлъ! — Но вдругъ средь
бурь ужасныхъ

Колеблется, прещитъ громада стѣнъ опас-
ныхъ,

Въ Природѣ начался междоусобный бой,
И воздухъ и огонь смѣшались съ водой,
Чтобъ ужасъ естества сильнѣй изобразился,
И спройный міръ на часъ въ хаосы превратился.
Нашура! — гдѣ шлоя дѣвалась краса?
Сражайтесь со мной! вѣщають Небеса,
Кидайте вашъ чугунъ въ мои разжечны своды!
Тебѣ ли, сынъ земли, стоятъ прошивъ При-
роды?

Ступайте флоты всѣ, несите въ алчный зѣвъ
Чудовищамъ морскимъ богатства вашихъ чревъ!
Всесильный дхнулъ на нихъ, и молніи небесны
Во произподнія низвергли безизвѣстны.
О бездна! ктобъ лвою свирѣпость укротилъ,

Когда бы Богъ не самъ предѣлъ ей положилъ,
 Предѣлъ, какого нѣтъ въ заштѣяхъ челоука?
 Сей, дерзкій отъ началъ и до скончанья вѣна,
 Подобно духу въ немъ живуща Божества,
 Превыше самаго стапъ хочетъ Естества.
 Богъ рекъ — и наки все въ порядокъ прежній
 входитъ,

Вода свои берега и небо кругъ находитъ.
 Послѣдній жизни часъ не всѣхъ еще постигъ;
 Со смертію въ борьбѣ шамъ множество другихъ:
 Опчаянный пловецъ, хватаясь за обломки,
 Въ смященіи забывъ намѣренія громки,
 Душевно радъ тому, что на берегъ пустой
 Причаленъ кое-какъ спасительной доской;
 Но тамъ его, но тамъ природа не оставитъ,
 И пищу и покровъ она ему доставитъ,
 Явитъ ужасныхъ бѣдъ желаемый конецъ,
 И паки солнце зритъ заблуждшійся пловецъ.

Сей міръ есть Океанъ, въ которомъ по-
 всечасно

Изъ замысла въ другой, безъ пользы, хоть опасно,
 Мы ищемъ въ суемъ дни спароспи убитъ,
 И молодость свою при смерти позабытъ.
 Въ насъ душу Богъ вложилъ споль спраспна-
 го соспава,

Что естли не любовь, то въ ней пылетъ слава;
 Какъ первой гаснетъ жаръ, — послѣдней за-
 нипитъ

И курево его разсудокъ угоритъ,
 Тутъ гордости пустой появится начало:
 Что смертному ни дай, ему все будетъ мало;
 Превыше всѣхъ боговъ свой идолъ спавя —
 честъ,

Въ спокойной тишинѣ не можешь дней про-
весить ;

На сушѣ, на моряхъ, вездѣ владѣть стремишься!
Дай на небѣ престолъ, — и шамъ не умѣс-
пишься !

Что зиждешь, какъ Гигантъ, подмостки къ
облакамъ ?

Чего тебѣ, чего ? Не вѣдаешь и самъ.

Безмертная душа такъ въ узахъ плоти спра-
ждаетъ ;

И вѣчность предъ собой отверзшу видѣшь
жаждешь.

Опомнись, старичокъ! — близъ гроба отдохни,
Съ раскаяньемъ на жизнь прошедшую взгляни:
Во что ты прашилъ умъ и всѣ душевны силы?
Ушелъ ли на крылахъ Фортуны отъ могилы?
Ни мало! — точно такъ, какъ бѣдный нашъ
пловецъ ;

Который, видя свой безвременной конецъ,
Отчаянъ, безъ ума, за доску ухватился,
На верхъ воды съ ней всплылъ, и къ берегу
прибился.

И ты, мятущей свой почти проживши вѣкъ,
Не спасся отъ судьбы и къ пристани пришекъ!

О вѣчность, пристань всѣхъ носившихъ
жизни бремя,

Куда и швари всѣ скрываются и время!
Блаженъ, кому швы отверзлись врага!
Его ужъ не плѣнитъ земная красота.
Здѣсь грѣюшъ насъ одиѣ вещественны свѣтила;
На часъ всё хорошо, — и на секунду мило:
Но шамъ нѣтъ ни часовъ, ни мѣсяцовъ, ни лѣтъ,
Безъ мрачности весна и безконечный свѣтъ!

ХИЖИНА НА РПЪНИ.

*Las de boire la lie
De ce calice amer, que l'on nomme la vie.*

Je regarde la tombe azyle souhaité.

1.

Здѣсь миръ, свобода, тишина
Со мной въ согласьи обитаюшъ,
Моихъ досуговъ здѣсь и сна
Не ксшаши люди не смущаюшъ;
Живу съ Натурой за одно,
И съ ней ни въ чемъ не разбиваюсь,
Ея богатствомъ наслаждаюсь,
Всѣ дни мои текушъ равно.

2.

Со восходомъ солнца Богу я
Во храмъ сердца жертву дѣю;
Дѣла Зиждишелевы зря,
Молчу — дивлюсь — благоговѣю!
Мнѣ все вѣщаетъ здѣсь объ Немъ:
И сводъ небесъ нерукопворный,
И водъ источникъ благошворный —
Моимъ все создано Творцемъ!

3.

И все въ связи между собой:
Земля насъ кормишъ, солнце грѣшъ,

Часть I.

II

Луна , сдружившись съ тоской ,
 Сердца печальный лелѣетъ ,
 Вода всѣмъ прихопямъ слуга ,
 Крестьяне , праздные умами ,
 На насъ работаютъ хребтами ,
 А бабы спавяшъ имъ рога .

4.

Я здѣсь вонзаю въ землю плугъ ,
 Завѣшъ Адамовъ исполняя ;
 Или кошу свой чистой лугъ ,
 Лошадкамъ корму добывая ;
 Вокругъ меня косцы поютъ ,
 И всякъ , убравъ свою дѣлянку ,
 Тащитъ свой хлѣбъ , тащитъ и сиклянку ,
 На лугъ садятся всѣ и пьютъ .

5.

О ! вѣрно , вѣрно ни одинъ ,
 Въ Москвѣ живущій на досугъ ,
 Роскошной , знатной Господинъ
 Ни въ день родинъ своей супруги
 Такъ сладко въ горлышко не льетъ
 Покаль напипка выписнаго ,
 Какъ здѣсь крючекъ вина простаго
 Крестьянинъ мой вспошѣвши пьетъ !

6.

Неволи свѣтской весь обрядъ
 Не терпитъ здѣсь употребленья ;
 Халатъ опрятной — вошъ нарядъ ,
 Вошъ мой мундиръ уединенья .

Меня не чешутъ при часа ,
 Духовъ не носятъ орошаться ;
 Миѣ Рѣнь (*) готовишь умываться ;
 Въ лаханѣ вижу небеса .

7.

Вездѣ со мной моя Дулерь (**) ,
 Швейцаръ угрюмой , оспорожной ,
 Въ догадкѣ скорѣ , резовѣ , остерѣ ,
 И словомъ — другъ всегда неложной .
 Такое имя отъ меня
 Дано ему и не напрасно ,
 За то , что онъ со мной всечасно
 Такъ почно , какъ и скорбь моя .

8.

Когда Левишы въ городахъ ,
 Бѣгомъ съ базаровъ успилая ,
 Поднимутъ шумъ въ колоколахъ ,
 Къ себѣ своихъ овецъ скликая ,
 То есть , какъ десять бьетъ часовъ ,
 Ко миѣ тогда несутъ обѣдать ,
 И мной воспитанныхъ отвѣдаютъ
 Безвредныхъ здравію плодовъ .

9.

Плыву на лодкѣ въ мой намѣтъ
 Изъ хижины уединенной ;

(*) Названіе рѣки, протекающей подъ Владиміромъ и
 впадающей въ Клязьму .

(**) Имя моей собаки .

Тамъ мой желудокъ скромно ждѣтъ
 Насущной хлѣбъ обыкновенной;
 Приправъ всѣхъ лучше — апцешитъ;
 Я ѣмъ, я пью, я насыщаюсь,
 Ума въ Шампанскомъ не лишаюсь,
 Минувъ десяшка два — и сытъ.

10.

Люблю однакожъ за споломъ
 Обычай пишь друзей здоровье;
 Всѣхъ вамъ желаю благъ виномъ,
 Души безсмертное Сословье! —
 Друзья! мечпайтесь мнѣ вездѣ —
 Въ Столицѣ, въ хижинѣ, въ дубравахъ,
 Питайше духъ въ тоскѣ, въ забавахъ;
 Безъ дружбы щастья нѣтъ нигдѣ!

11.

Тѣмъ пиръ мой конченъ, и Морфей
 Меня къ подушкамъ преклоняетъ,
 Межъ тѣмъ какъ тысячу идей
 Намѣтъ мой пестрой порождаетъ. —
 Таковъ же, помню, былъ шаперъ
 И томъ, гдѣ Шведскій побѣдитель,
 Хрущовъ, Ангальшовъ опомстишель,
 У Савишайскихъ жилъ озеръ (*).

(*) Во время послѣдней Шведской войны Г. Генераль - Маіоръ Хрущовъ подѣ Савишайполемъ разбилъ Барона Армфельда 24 Мая, спуствия немного времени послѣ Пардакойскаго дѣла; на которомъ Принцъ Ангальтъ потерялъ ногу и умеръ.

12.

Набойка шажѣ и потѣ же шовѣ,
 Но сходства впрочемъ нѣтъ ни мало:
 Тамъ день и ночь между шпыковѣ,
 Войной и гибвомѣ всё дышало,
 Текла со Шведской наша кровь;
 А здѣсь, въ пріятностяхъ свободы,
 Крестьянни водятъ хороводы,
 Въ кругу ихъ царствуютъ любовь!

13.

Имѣ нѣтъ запрету никогда
 Ходишь шолпой въ мою палатку.
 О! какъ смѣюсь я иногда,
 Смотря на робкую ухватку,
 Съ какой, увидя телескопъ,
 Къ нему на цыпочкахъ подходятъ,
 Кругомъ вертятъ — потомъ наводятъ,
 И скачутъ, свой увидя снопъ.

14.

Иная, жмурясь въ стекло,
 Кричитъ своей подругѣ съ жаромъ:
 Вонъ наше Доброе село (*).
 Какъ-шутъ, взгляни, нашъ хлѣвъ съ анбаромъ.
 По мѣрѣ, какъ очамъ предметъ
 Лучъ солнца близитъ, отражаетъ,
 Ихъ все дивитъ и поражаетъ;
 Для нихъ окрестность — цѣлый свѣтъ!

(*) Такъ называется село, смежное съ городомъ.

15.

Не хочеть ли кто взять труда
Внушить имъ Оприки законы?
Пожалуйте ко мнѣ сюда
Лаланды, Эйлеры, Невтоны —
Скажите имъ, коль вамъ досугъ,
Какъ солнце движется въ эфирѣ,
Какъ лучъ его дробится въ мѣрѣ;
А я пойду соснухъ на лугъ.

16.

Какъ, чаю, душно вамъ въ Москвѣ
Теперь, богатые Вельможи!
Я, лежа здѣсь на муравѣ,
Быть въ вашей не желаю ножи. —
Въ Столицѣ спухъ одинъ каретъ
И пыль несносная замучитъ,
Опречь того, что такъ наскучитъ
Театръ всеневныхъ тамъ суетъ.

17.

Во снѣ пригрезился мнѣ валъ,
Безъ тѣни, безъ воды гулянье,
Театръ, клубъ Англинской, воксалъ
И Благородное Собранье;
Проснусь — и очень право радъ,
Что все то было сновидѣнье! —
Скорѣй въ мое уединенье
Плыву на лодочкѣ назадъ.

18.

Нѣтъ! здѣсь не лѣзя съ тобой во всемъ,
Пишъ (*) любезный, согласишься;

(*) Въ Посланіи ко мнѣ Князя Шаликова, помѣщен-
номъ въ Сентябрь мѣсяцъ Московскаго Зрителья,
напечатанъ слѣдующій стихъ:

Дни смертнаго въ мечтахъ лишь только хороши!

Хотя въ письмѣ ко мнѣ своемъ
Мечтами любишь веселишься
И чпишь существенность бѣдой, —
Приди сюда, взгляни на ивы,
На доли, горы и заливы,
Будь щастливъ Истинной одной!

19.

Пока гуляшь мѣшаетъ жаръ,
Пускай на ложахъ Сибариты,
Вина почувствовавъ угаръ,
Храпящъ, сномъ пятиспнымъ убиты;
Пускай закройщики стиховъ
Въ муръ пачающъ мадригалы,
Готовящъ милымъ ихъ на балы,
Чтобъ въ спискѣ стать полубоговъ;

20.

Мое занятіе одно:
Читаю, пишу и упражняюсь!
Подъ часъ люблю смотрѣть въ окно
И мыслью мрачною питаюсь:
Для свойствъ унылыхъ пища все,
Делиль, когда тебя читаю;
Задумавшись — вездѣ нѣдаю
Воображеніе мое.

21.

Отсюда вижу я томъ градъ,
Гдѣ былъ престолъ Князей Россійскихъ.
Что нынѣ спалъ Владиміръ? — Садъ.
Подобно такъ въ предѣлахъ Римскихъ

Потомки Ромула поюшъ ;
И здѣсь граждане не воююшъ ,
Въ Москвѣ лишь вишнями торгуюшъ
И бердышей ужь не куюшъ .

22.

Отсель прекрасну гору зрю ,
Слудною (*) здѣсь нареченну
За то , что нѣкогда шумъ прою ,
Ревнивой спраснѣю возженну ,
Дѣв Князя Невскаго жены
При встрѣчѣ радостной рѣшили ,
Въ обѣщаньяхъ гордой духъ смирили ,
Презрѣвъ мірскія суеши . —

23.

Вотъ шумъ шелъ Царь Иванъ въ Казань —
Сей , правъ не пощады народа ,
Хотѣлъ собрать насильно дань ;
Ошпоръ ему дала свобода ! —
Вотъ дворъ , гдѣ пылкій Глѣбъ княжилъ —
Батый пришелъ , и въ гнѣвъ яромъ ,
Какъ волкъ ягнятъ , однимъ ударомъ
Владиміръ весь испепелилъ !

24.

Мой взоръ , отъ сихъ печальныхъ сценъ
Другихъ искашь спремяся видовъ ,
Новѣйшихъ памятникъ временъ ,
Встрѣчаешь замокъ Инвалидовъ ;

(*) Анекдотъ Владимірскаго края , преданіями сдѣ-
лавшійся достопамятнымъ .

Тутъ состраданье и любовь
 Дають убѣжище заслугамъ,
 Голоднымъ хлѣбъ, врача недугамъ,
 И юную питають кровь.

25.

Тутъ воинъ, всѣхъ лишенный силъ,
 Вкушаетъ въ первой разъ спокойство;
 Онъ весь свой вѣкъ спирѣлялъ, палилъ —
 Спяжалъ увѣчьями геройство.
 Ужъ либъ изъ нихъ здѣсь не нашлось,
 Съ Римникскимъ кои бы сравнились,
 Когдабъ со службой сблизились
 Порода, щастье и авось? —

26.

А тамъ, гдѣ вѣщерь вѣстъ прахъ —
 Что вижу? смерть, кресны, могилы!
 Ничтожество ужасной страхъ
 Объялъ вдругъ духъ, проникъ всѣ жилы.
 О Боже! что есть человѣкъ?
 На что велѣлъ ему родиться,
 Когда, какъ тѣнь, какъ сонъ, промчится
 И самый длинный его вѣкъ?

27.

Ищу Паросскихъ тамъ гробницъ,
 Колоннъ, уписанныхъ сстихами;
 Оставимъ гордость для Столицъ:
 Въ землѣ чѣмъ хвастать передъ нами!
 Для входа въ вѣчну жизнь билетъ
 Не по чинамъ дають намъ Боги;

Судьи безсмертные тамъ спроги:
Ни лицъ, ни мзды въ вѣсахъ ихъ нѣтъ.

28.

Покойтесь вы до тѣхъ же поръ,
О тѣни, въ сей странѣ, любезны!
Надъ вами здѣсь всеневный хоръ
Во храмѣ Божьемъ канты слезны
При вздохахъ дружескихъ поетъ
Служитель Вышнѣго избранный,
Куря еимьямъ благоуханный,
О васъ молитвы къ небу шлетъ.

29.

Такъ точно нѣкогда и я
Умру и гдѣ нибудь изшлю;
Но смерти сонъ вездѣ меня
Съ Евгеньей свединитъ мою! —
Когда же Твой услышу гласъ,
Живыхъ и мертвыхъ Царь небесный!
Разрушь скорби мой домъ тѣлесный,
Кинь въ гробъ ее меня сей часъ! —

30.

Но что за шумъ, какой хаосъ
Мои тамъ подняли крестьяне? —
Ахъ! я забылъ, что обнокосъ!
Пусть пляшутъ добры поселане;
Они не знаютъ, что печаль,
Чума чувствительнаго міра;
Что въ въ иной потеря жалъ,
Что безъ подруги сердце сира.

Но выдти къ вамъ уже пора;
 Они меня онѣ скуки лѣчушъ:
 При мнѣ живѣй у нихъ игра,
 Сперва въ стога все копны смечушъ,
 А шамъ пойдешъ: плечи плешень,
 Горѣлки, жмурки, хороводы —
 Вотъ шушъ - то радость, плодъ свободы!
 Въ спѣнахъ ея лишь только пѣнь.

За пивомъ сидя паспушки
 Тирисы, въ Рускомъ лишь уборѣ,
 Дудяшъ въ рожокъ, — шамъ олушки
 Считаютъ звѣзды на просторѣ; —
 Тушъ дѣвки машушъ безъ зашѣй:
 Хотя онѣ и не Бабыны, —
 На нихъ не шляпки, не корсеты;
 Но чѣмъ повязки ихъ дурнѣй? —

Былабъ уловка, взглядъ и шагъ;
 До плашья впрочемъ что за дѣло?
 Надъ ними также шущишъ врагъ
 И ихъ повертываетъ смѣло.
 Когда любовь, слѣдой пиранъ,
 Утрафишъ въ сердце къ намъ пряменько,
 Гдѣ шушъ примѣщишъ хорошенько,
 На комъ шюникъ, иль сарафанъ?

Вотъ такъ, съ трудомъ смѣшавъ игру,
 Крестьяне въ селахъ день проводятъ.

Успанулѣ — спяшѣ, и въ вечеру,
Влюбясь въ луиу, за ней не бродяшѣ. —
О вы, краса чужихѣ отчизнѣ,
Радклиффъ, Жанлисѣ и Спаль съ соборомѣ!
Какѣ много сладкимѣ вашимѣ вздоромѣ
Разспроили вы нашу жизнь!

35.

Какѣ скоро сильной жарѣ свалишѣ,
До Клязьмы шагѣ — иду купашѣся,
Ныряшѣ и дна рѣни насашѣся,
Гдѣ сперлядѣ безѣ боязни спитѣ,
Не чувствуя, что въ мигѣ рыбака
Ее тамѣ неводомѣ доспанешѣ
И съ ней въ Москву по почтѣ грянешѣ;
А тамѣ въ кошелѣ и — на очакѣ.

36.

Воды прохлада лѣшомѣ рай!
Изѣ Клязьмы вонѣ, сажусѣ на лодку,
Самѣ правлю бѣгѣ ея въ потѣ край,
Гдѣ Богѣ мнѣ далѣ мою находку, —
Гдѣ мой шалашѣ, унынья храмѣ;
Тянусѣ угрюмыми скалами,
И пихими приплывѣ спруями,
Лѣнюсь и опдыхаю шамѣ.

37.

Апласѣ раскинулѣ и гляжу: —
Какой пожарѣ во всей вселенной!
Вездѣ раздоры нахожу.
Въ Европѣ, будно, просвѣщенной —

Бѣжала изъ нее любовь!
Изъ крошкихъ перьевъ Кабинеты
Подѣлали себѣ лапцены;
Союзовъ нѣтъ — всё кровь, да кровь!

38.

Еще свѣтло, и рано сѣсть;
Иду кустовъ искать границы;
Еще могу въ очкахъ прочесть
Изъ Юнга двѣ и три страницы. —
Усталъ — пора назадъ идти;
Пришелъ, и на берегъ присѣвши,
Червей на удочку надѣвши,
Зачну гольцовъ шупъ шевелить.

39.

Плавонъ дрожитъ — я дернулъ вдругъ,
Попалъ одинъ неоспорожной;
Спулай домой! — Но впредь, мой другъ,
Не вѣрь приманкѣ всякой ложной.
Урокъ полезной для людей! —
Не всѣ ли мы гольцу подобны?
Какъ часто мы въ спрасняхъ способны
Клевать обманъ, какъ онъ червей!

40.

Ужъ вечеръ гонитъ ясный день
И солнце въ сумерки сокрылось,
Луна свою простерла тѣнь,
Въ порфирѣ блѣдныхъ звѣздъ явилась
И сморщилась въ кристаллѣ рѣкѣ;
Не слышанъ гулъ глухой въ народѣ;
Вся пшарь покоится въ Природѣ,
Не спитъ лишь зло — и человѣкъ!

Тутъ вспомни *Сердца Бытіе* (*),
 Весенню пѣснь въ саду песчаномъ,
 И щасіе прежнее мое,
 Хотѣлъ бы льстить себя обманомъ; —
 Вошше! — что было, то прошло!
 Бренчу еще въ печальну лиру;
 Но, ахъ! пѣхъ дней, какъ пѣлъ Глафиру,
 Во гробъ ужъ солнышко зашло!

Евгеньи нѣтъ! — унылъ и я;
 Съ пѣхъ поръ любовь, воспогъ, блаженства —
 Слова пусшій для меня;
 Не зрю ни въ чемъ ихъ совершенства;
 Съ пѣхъ поръ въ бесѣдахъ не найду
 Искусства нравиться, какъ прежде:
 И такъ, сказавъ проси надеждъ,
 Ушелъ сюда — и смерти жду.

(*) Книга моихъ сочиненій.

ЗАВѢЩАНІЕ.

LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
NEW YORK

~~~~~

Вотъ здѣсь, когда меня не будетъ,
Вотъ здѣсь уляжется мой прахъ!
На мѣстѣ семъ меня разбудитъ
Одинъ гласъ трубный въ небесахъ:
Тогда со всѣхъ концовъ вселенной
На страшный судъ, нелицемѣрной,
Спекутся люди всякихъ вѣръ;
Цари смѣшаются съ рабами,
Безумцы станутъ съ мудрецами,
Съ ханжой сполкнется изувѣръ.

*

Въ пространномъ царствѣ всей Природы
Ударитъ вѣчной жизни часъ,
Увидимъ разные народы,
Колико ни было до насъ,
И тѣхъ, въ которыхъ мы живали,
Которыхъ вовсе не знавали,
Потомковъ тѣмъ являясь путь;
Сердецъ познаются движенья,
Умовъ сокрыты помысленья
Тогда въ явленіе придутъ.

*

Всѣхъ вѣръ изыщется начало;
Какъ пчелы, секты зашумятъ;
Соблазновъ ядовито жало
Стрѣлами правды прищипятъ.
Не спросятъ шамъ, въ какомъ кто гробъ
Лежалъ до полъ въ земной упробъ,

Часть I.

Р

И былъ ли онъ парчой одѣтъ?
 Съ пальбой ли въ землю опустили?
 Иль просто въ саванъ свалили?
 Вопросъ: какъ жилъ? — давай отвѣтъ!

*

И я, проснувшись на кладбищѣ,
 Что подѣ Филами за Москвой,
 Предстану также на судище,
 Гдѣ станеть земнородныхъ спрой;
 Съ друзьями тамъ соединюся,
 Съ опцемъ, съ сестрой, съ дѣшми сойдуся,
 И вѣрю, Богомъ духъ пѣни,
 Что радости сей освященной,
 Ни съ чѣмъ на свѣтѣ несравненной,
 Никто не возмещъ отъ меня.

*

О вы, друзья мои любезны!
 Не ставьте камня надо мной!
 Всѣ ваши бронзы бесполезны;
 Онѣ души не скрасятъ злой.
 Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
 И въ кучѣ тѣлъ просионародныхъ
 Пускай исплѣетъ мой составъ!
 Повѣрьте, съ кѣмъ ни схоронится,
 Земля все въ землю обратится:
 Се равенство природныхъ правъ!

*

Добро, какое я имѣю,
 Даю женѣ и дѣшамъ все:
 Даваъ могу — доколь владѣю;
 Умру — ничто ужъ не мое.

Печальныхъ картъ не посылайте,
 И черныхъ плащевъ не вздѣвайте;
 Пустой убытокъ, пышной вздоръ.
 Ни въ дождь, ниже во время ясно,
 Не мучьте вокругъ меня напрасно
 Богатыхъ Пастырей соборъ.

*

Молишесь лучше Богу вѣчно,
 Создавъ убогихъ и сиротъ,
 Чтобъ Онъ пучину безконечну
 Явилъ бы мнѣ Своихъ щедротъ;
 Чтобъ Онъ, врагамъ моимъ прощая
 И кляпвы ихъ съ меня слагая,
 Въ Эдемской рай мой духъ вселилъ.
 Предъ Богомъ словъ не надо многа;
 Душевной вздохъ къ Нему дорога;
 Онъ самъ ее намъ проложилъ.

*

Не славьте вы меня спихами;
 Они не нужны мерзвцамъ:
 Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
 Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
 Спихи отъ ада не избавятъ,
 Въ раю блаженства не прибавятъ;
 Въ нихъ только гордость и щещина.
 Протокъ воды, двѣ при березы,
 Да ближнихъ искреннія слезы —
 Вотъ монументовъ красота!

*

Таковъ его здѣсь воздвигаю
 Тебѣ, любезная сестра!
 Твой гробъ сердечно лобызаю.
 Придешь и наша всѣхъ пора.
 Ты дань Природѣ заплашила,
 Конечъ съ началомъ сѣдинила,
 Достигла цѣли естества;
 Твой прупъ въ покоѣ безмятежномъ
 И въ ложѣ смерти неизбѣжномъ
 Позналъ измѣну вѣщества.

*

А я еще живу и маюсь,
 И міру всячески служу;
 Не рѣдко вздоромъ утѣшаюсь,
 Не рѣдко о пустомъ шую;
 Подъ часъ вселенну ненавижу,
 И хоть изъ опытовъ и вижу,
 Что въ ней не лѣзя спокойну быть:
 Но, ахъ! какъ смертной слабъ бываетъ!
 Лишь чуть Раида приласкаетъ, —
 Готовъ еще сто лѣтъ прожить. —

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Б о г у.

Гимнъ въ день моего рожденія.	19
Акроспихъ.	22
РАЗМЫШЛЕНІЕ О СМЕРТИ.	25

М Е Р Т В Ы М Ъ.

На кончину Милпрополипа Московскаго Пла- тона.	33
На кончину дочери моей Княж. М... И...	35
— — — — — Ивана Ивановича Шувалова.	39
— — — — — Г. Горича.	43
— — — — — Ф. М. Толшпова.	45
— — — — — Ф. И. Глѣбова.	46
— — — — — П. Ф. Глѣбова.	47
— — — — — В. М. Жукова.	48
— — — — — И. И. Нарышкина.	50
— — — — — Кн. Е. П. Долгоруковой.	51
— — — — — Кн. Н. С. Долгорукой.	53
— — — — — В. Н. Чоглоковой.	55
На смерть Г. Моро.	56

О г л а в л е н і е.

Н а д г р о в н ы я.

	Стран.
К. Е. П. Долгорукой. - - - - -	58
Ф. И. Глѣбову. - - - - -	—
Юношѣ Давыдову. - - - - -	—

О д ы.

На открытіе зданія для бошика ПЕТРА I го въ Переславль. - - - - -	61
На открытіе Владимірской Гимназіи 1804 года Августа 7 го дня. - - - - -	69
Князю Пожарскому. - - - - -	74
На посприженіе Благородной Особы. - - - - -	84
Невинность. - - - - -	88
Пѣснь послѣдняя моимъ современникамъ. - - - - -	95
РАЗСУЖДЕНІЕ О СУДЬБѢ. - - - - -	103

Н а р а з н ы е п р е д м е т ы.

На имянной Указъ о дачѣ женамъ убитыхъ въ арміи Шпабъ и - Оберъ - Офицеровъ пенсіо- новъ, состоявшійся Августа 30 го дня 1799 года. - - - - -	119
На имянной Указъ о карпочныхъ играхъ въ царспованіе АЛЕКСАНДРА I го. - - - - -	122
На освобожденіе Князя Сибирскаго. - - - - -	124

П о с л а н і я.

Кн. Гр. Сем. Волконскому. - - - - -	129
Нещасной красавицѣ. - - - - -	133

Оглавленіе.

Стран.

Шаспливой челоѣкъ.	-	-	-	-	137
Прогулка на Трехъ горахъ.	-	-	-	-	145
— въ Савинскомъ.	-	-	-	-	149
— въ Кусковъ.	-	-	-	-	154
Плачь надъ Москвою.	-	-	-	-	159
Черпы свободнаго писателя.	-	-	-	-	167
Торжествъ совѣспи.	-	-	-	-	174

Сумерки моей жизни.

Евгеніи.	-	-	-	-	-	191
24 Декабря, въ день ея именинъ.	-	-	-	-	-	195
Въ день ея рожденія, 25 Декабря.	-	-	-	-	-	196
Романсъ.	-	-	-	-	-	198
Тоска.	-	-	-	-	-	200
Жизнь.	-	-	-	-	-	202
Старинка.	-	-	-	-	-	208
Великимъ.	-	-	-	-	-	213
Другу.	-	-	-	-	-	217
Посланіе ко мнѣ.	-	-	-	-	-	222
Тальша.	-	-	-	-	-	227
Ночная поѣздка.	-	-	-	-	-	229
Успенское.	-	-	-	-	-	232
Размышленіе на берегу рѣки Клязьмы, при по-						
госпѣ Архидіакона Стефана, между Горо-						
ховцомъ и Вязниками.	-	-	-	-	-	233
Хижина на Рпѣни.	-	-	-	-	-	241
ЗАВѢЩАНІЕ.	-	-	-	-	-	255

